

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Юлдашева Г.И.	Ирано-китайские взаимоотношения в контексте центрально-азиатской политики.....	5
Кушкумбаева А.Ж.	Религия и политика в Таджикистане: между конкуренцией и сотрудничеством.....	21
Арзыкулов А.А.	Проект «Западная Европа – Западный Китай» – возрождение Шелкового Пути.....	27

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Мухатаева Г.И.	Принцип меритократии в казахстанском государственном управлении.....	32
Касен М.	Перспективы применения электронного голосования в Республике Казахстан: вызовы и возможности реализации.....	36
Баймурзаева В.Х.	Патриотизм в системе общеказахстанских ценностей: политологический анализ.....	43

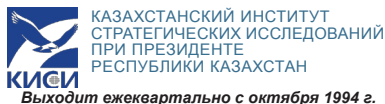
ЭКОНОМИКА

Додонов В.Ю.	Влияние долговой проблемы развитых стран на казахстанскую экономику: направления, потенциал.....	53
Исмаилова Р.А., Есмагулова Н.Д.	Инновационный потенциал обрабатывающей промышленности Казахстана.....	66
Хон Е.В.	Энергетическое сотрудничество КНР и стран Юго-Восточной Азии: возможности и перспективы для Казахстана.....	78
Сапанов С.Ж., Калиева А.А.	Россия и Казахстан в иерархии внешнеполитических приоритетов КНР.....	89

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т.	Ярошевич А., Страхота К. Китай vs. Центральная Азия. Достижения последних двух десятилетий. – Варшава: ЦВИ, 2013. – 82 с.	104
	Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под ред. А.А. Громько и Е.В. Ананьевой. Институт Европы РАН / Российский совет по международным делам. — М.: Весь мир, 2014. — 480 с. (XVIII+462).....	106

РЕЗЮМЕ	116
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	120

Шеф-редактор **Е.Т. КАРИН**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск А.А. Арзыкулов
Редактор Г.Н. Сейтахметова
Дизайн: А.К. Садуакасов
Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4,
тел 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати
и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свиде-
тельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1.
Тираж 500 экз.

Contents

INTERNATIONAL AFFAIRS AND SECURITY

Yuldasheva G.I.	IRAN-CHINA Relations in the Context of Central Asia policy.....	5
Kushkumbayev A.Zh.	Religion and politics in Tajikistan: between Competitiveness and Cooperation.....	21
Arzykulov A.A.	«Western Europe – Western China» Project – Resurrection of the Silk Road.....	27

INTERNAL AND SOCIAL AFFAIRS

Mukhatayeva G.I.	The Principle of Meritocracy in the Public Administration of Kazakhstan.....	32
Kassen M.	Prospects of e-voting in Kazakhstan: Challenges and Opportunities for Realization.....	36
Baimurzayeva V.Kh.	Patriotism in the System of Common Kazakh Values: Political Analysis.....	43

ECONOMY

Dodonov V.Yu.	Impact of Debt problem in Developed Countries on Kazakhstan's Economy: trends, potential.....	53
Ismailova R.A., Yesmagulova N.D.	Innovative Potential of the Manufacturing Industry in Kazakhstan.....	66
Khon Y.V.	Energy Cooperation Between China and the Countries in Southeast Asia: Opportunities and Prospects for Kazakhstan.....	78
Sapanov S.Zh., Kaliyeva A.A.	Russia and Kazakhstan in the Hierarchy of Foreign Priorities of PRC.....	89

BOOK REVIEW

Laumulin M.T.	Jarosiewicz A., Strachota K. China vs. Central Asia. The Achievements of the past two Decades. — Warsaw: OSW, 2013. — 82p.....	104
	Britain's Dilemma: finding ways of development/ Ed. AA Gromyko and E. Ananyeva. Institute of Europe RAS/ Russian Council on International Affairs. - M.: The world, 2014. - 480 p. (XVIII + 462).....	106
	SUMMARY.....	116
	AUTHORS.....	120

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **E.T. KARIN**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication A.A. Arzykulov

Editor G.N. Seitakhmetova

Design: A.K. Sadvakasov

Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.

Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK

on September 8, 1997. Registration certificate №644.

All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.

Printed in printhouse of IE 'Volkova Ye.V.' Almaty, Rayimbek ave., 212/1.

Copies 500.

Редакционный совет

- Карин Е.Т.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, кандидат политических наук
- Музапарова Л.М.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Алшанов Р.А.** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — депутат Мажилиса Парламента РК, председатель Комитета по международным делам, обороне и безопасности, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук
- Кушкумбаев С.К.** — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Майлыбаев Б.А.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, доктор юридических наук
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шайхутдинов М.Е.** — Заместитель Секретаря Совета Безопасности РК, доктор исторических наук, профессор
- Шаукенова З.К.** — директор Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК

Editorial Board

- Karin E.T.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS) under President of RK, Candidate of Political Science
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under President of RK, Candidate of Economics
- Alshanov R.A.** — President of ‘Turan’ Educational Corporation, President of Higher Educational Institutions Association of RK, Doctor of Economics, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy of Majilis of Parliament of Kazakhstan, Chairman of Foreign Affairs, Defence and Security Committee, Candidate of Political Science
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Department, Kazakh-German University, Doctor of History
- Kushkumbayev S.K.** — Deputy Director, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science
- Mailybaev B.A.** — Deputy Head of Administration of President of RK, Doctor of Law (LLD)
- Syroyezhkin K.L.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shayhutdinov M.Y.** — Deputy Secretary of the Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of History, Professor
- Shaukenova Z.K.** — Director of Institute of Philosophy, Political and Religious Studies, Ministry of Education and Science of RK, Committee for Scientific Affairs, Doctor of Social Science, Professor, Corresponding Member of National Academy of Sciences

Ирано-китайские взаимоотношения в контексте центральноазиатской политики

Г.И. ЮЛДАШЕВА

Введение

Невозможно сегодня полностью понять процессы вокруг Центральной Азии без анализа регионального взаимодействия Ирана и Китая, особенно в преддверии вывода миротворческих сил из Афганистана и возможного завершения переговоров «5+1» по ядерной программе Ирана.

Исламская Республика Иран (ИРИ) и Китайская Народная Республика¹ близки Центральной Азии с географической, историко-культурной и экономической точки зрения, что делает их региональную политику взаимозависимой и вносит свой существенный вклад в формирование нового миропорядка в регионе ЦА в период после окончательного урегулирования проблемы иранской ядерной программы.

Вместе с тем, эти отношения связаны также с конкуренцией США и России за влияние в Центральной Азии, Иране и Китае. Собственные сложные взаимоотношения последнего с Соединенными Штатами и Россией делают геополитику вокруг региона ЦА двойственной и склонной к колебаниям, что требует тщательного изучения.

В этой связи в статье предпринят анализ новых тенденций в ирано-китайских отношениях и их возможного влияния на Центральную Азию; пути пересечения, вызовы и угрозы интересам данных государств; динамики ирано-китайского партнерства в ЦА; роль США и России в этом партнерстве; приведены некоторые выводы о возможных вариантах геополитического развития вокруг Центральной Азии.

Интересы: общность и различия, вызовы и угрозы

Общность и различия. Китай является наиболее важным стратегическим партнером Исламской Республики, способной содействовать

¹ Далее «Иран» или «Исламская Республика», «Китай» и «КНР»

не только усилению иранской экономики, но и национальным оборонным интересам страны на международной арене.

Сущность внешней политики Ирана, как известно, сводится к образованию многополярного мира под эгидой ООН, где Иран и другие исламские государства могли бы представлять один из важных полюсов сил. Однако, в настоящее время нестабильность исламского мира не позволяет выполнить эту задачу. К тому же Иран должен соразмерять свои национальные интересы в Центральной Азии с интересами Китая, обеспечив себя при этом стабильным соседством и взаимовыгодным сотрудничеством в зоне своего культурно-исторического влияния. В настоящее время это не представляет какую-либо трудность для Ирана, так как Тегеран рассматривает Китай не только в качестве независимой, неприсоединившейся и развивающейся азиатской страны. Китайский опыт развития, успешно сочетающий в себе достижения Запада и Востока при сохранении местных традиционных ценностей, представляет для Ирана наиболее привлекательную модель для копирования.

Вместе с тем у Пекина и Тегерана есть масса совпадающих интересов и подходов по региональным проблемам, включая ближневосточный кризис. Обе стороны заинтересованы в интересах безопасности в скорейшей стабилизации и мирной реконструкции Афганистана, в формировании там широко представленного инклюзивного правительства. В то же время обе стороны озабочены долговременным присутствием военных сил США у своих границ и растущим американским влиянием в регионе. Очевидно, что продолжение ирано-американских разногласий побуждает Иран к стратегическому союзу с такой растущей глобальной державой, как Китай.

В этой связи также как иранское, так и китайское руководство выступают против односторонности в мировой политике и призывают ООН играть ведущую роль на международной арене. Как отмечает еще в ходе двустороннего саммита в апреле 2003г. Аятолла Хомейни, сопротивление «несправедливой» политике США «необходимо для будущего планеты».²

Усилия Пекина направлены одновременно на предотвращение сотрудничества террористических групп в исламских странах с сепаратистскими группами в китайском Синьцзян-Уйгурском Автономном Регионе (СУАР). Борьба против религиозного экстремизма не исключает развитие отношений с Исламской Республикой, что демонстрирует прагматизм и гибкость китайской политики,

² RFE/RL, April 22, 2003.

учитывающей роль и стратегическое значение Ирана в регионе ЦА. Пекин воспринимает Исламскую Республику больше в качестве экономического, а не политического соперника в Центральной Азии, что основано на понимании текущих стратегических возможностей Тегерана и признании факта несовместимости политических режимов в Иране и пост-советской Центральной Азии.

При этом, однако, политическая компонента современной китайской стратегии явно преобладает над экономической. Это подтверждается не только уязвимостью Китая динамично развивающемуся религиозному экстремизму и национальному сепаратизму, но и его очевидным стремлением использовать текущий момент с учетом украинского кризиса для усиления своего глобального статуса на международной арене, включая в целом на территории Центральной Азии.

Данная тенденция не только не противоречит, но и дополняет существенный экономический интерес Пекина к Ирану. Китай является крупнейшим импортером иранской нефти – около 50% только в первой половине текущего года.³ Объем двусторонней торговли постоянно возрастает, увеличившись с \$500 млн в первые годы после исламской революции в Иране до \$27 млрд в последние годы.⁴

Со своей стороны Тегеран готов углубить в будущем экономическое сотрудничество с Китаем в рамках ШОС. Тем временем обе стороны заинтересованы в развитии двустороннего партнерства, в первую очередь, в сфере энергетических и транспортных проектов в Центральной Азии. Согласно китайским оценкам, каспийские углеводороды должны в будущем стать основными в обеспечении поступательного развития китайской экономики.⁵ С этой целью Китай активно участвует в разработке центральноазиатских проектов с участием Ирана. В частности, Пекин участвует в разработке различных нефтяных проектов, включая непосредственно из Казахстана.

Не менее важным являются усилия Ирана и Китая тесно координировать свою политику в вопросах строительства Шелкового Пути XXI века. В результате маршрут поставок китайской продукции на

³ Экспорт иранской нефти возрос на 25%//http://www.iran.ru/news/economics/94235/Eksport_iranskoj_nefti_v_Aziju_vyros_na_25, 31 июль 2014.

⁴ Иран и Китай обладают достаточным потенциалом для дальнейшего расширения двустороннего сотрудничества//http://www.iran.ru/news/economics/94234/Iran_i_Kitay_obladayut_dostatochnym_potencialom_dlya_dalneyshego_rasshireniya_dvustoronnego_sotrudnichestva, 31 июль 2014.

⁵ См.: Резникова О. Центральная Азия и Азиатско Тихий регион//Мировая экономика и международные отношения. -М. 1999. -№ 4. Р. 100–108; Иран координирует создание железнодорожного коридора Китай-Европа// <http://www.iran.ru>, 19 август 2004.

Кавказ и в Центральную Азию пройдет по территории Ирана.⁶ Сеть транспортных коридоров через Китай может ослабить китайскую зависимость от американского рынка, предоставляя в то же время для государств ЦА альтернативный выход на мировые рынки.

Для государств ЦА роль Китая и Ирана имеет большое значение в качестве возможного противовеса притязаниям того или другого центра геополитической силы; их потенциала в борьбе против региональных угроз безопасности; доступности и близости их рынков; роли этих стран в качестве важных транзитных маршрутов для поставок центральноазиатских товаров на международные рынки. Более того, приоритеты обоих государств предусматривают сохранение стабильности в регионе Центральной Азии и развитие здесь энергетического и в целом экономического сотрудничества.

Вызовы и угрозы. Основным препятствием для успешного развития ирано-китайского партнерства в Центральной Азии является иранская стратегия США, препятствующая крупным инвестициям и активному участию в крупномасштабных проектах с вовлечением Ирана. Пекин воспринимает всесторонние санкции в международной политике контрпродуктивными. Несмотря на оппозицию Китая приобретению Тегераном ядерных возможностей, Пекин, похоже, допускает мирное использование ядерной программы, так как не видит опасности со стороны нынешнего политического режима в Иране. Однако, это не соответствует интересам США, склонным сменить, по мере возможности, текущий иранский режим.

С другой стороны, Китай участвует в попытках США ограничить возможности Исламской Республики в развитии ядерного оружия. Очевидно, такой подход предпринимается, как с целью не допустить изоляцию Китая на международной арене и сохранить его основных экономических партнеров – США и ЕС, так и под давлением важных для КНР региональных государств - например, Саудовской Аравии, являющейся крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай (20% импортируемой сырой нефти)⁷.

В то же время Китай обходит введенные санкции в проектах особой экономической важности для страны. В частности, сохраняя право

⁶ См.: Через Иран пройдет маршрут поставок китайской продукции на Кавказ//http://www.iran.ru/news/economics/94097/Cherez_Iran_proydet_marshrut_postavok_kitayskoy_produkcii_na_Kavkaz, 10 июль 2014.

⁷ Dawns Erica. Cooperating with China on Iran//Policy Brief. The German Marshall Fund of the United States. Strengthening Transatlantic Cooperation. Embassy's Dialogue on Asia/ <http://www.gmfus.org/asia>. January 2012

проложить трубопровод через территорию Ирана к Персидскому Заливу, Пекин дает понять, что озабочен в целом не американскими санкциями, а только экономическим аспектом бизнеса.

Наряду с этим, чрезмерное усиление экономического и политического влияния Тегерана в Центральной Азии противоречит интересам Пекина. Представляется в этой связи, что вопреки официальной риторике китайское руководство ранее было заинтересовано в некотором смысле в продолжении ирано-американских противоречий, как с точки зрения предотвращения потенциального распространения религиозного радикализма с иранской территории, так и с точки зрения недопущения в будущем роста экономической мощи и веса Тегерана в сфере своих интересов. Анти-иранские санкции обеспечивали Пекин возможностью без каких-либо препятствий усилить свои позиции в Центральной Азии.

В настоящее время неофициальное геэкономическое соперничество с Ираном наряду с некоторыми техническими причинами внутреннего характера и определенным давлением со стороны США, очевидно, влияют на медленное развитие отдельных иранских проектов, спонсируемых Китаем. В частности, участие в иранском проекте, связанном с выполнением выгодных каспийских нефтяных своп операций сводится к помощи нескольких частных китайских компаний в деле реконструкции нефтеперерабатывающих заводов в Тегеране и Тебризе.

Тем не менее, в условиях ирано-американской конфронтации и санкций против Тегерана Китай не может реализовать свои стратегически важные инициативы по Шелковому пути. Более того, в обозримом будущем текущие экономические трудности Ирана не позволят ему стать сильным соперником Пекина. Однако, он может стать полезным партнером в вопросах противодействия региональной политике США.

Итак, с точки зрения экономики и безопасности Китай продолжает бойкотировать любое продление экономических санкций против Ирана на переговорах группы «5+1» по иранской ядерной программе. Очевидно также, что Пекин против любого военного вмешательства в регион Ближнего Востока в случае отсутствия решения по иранскому вопросу, поскольку это резко ограничит поток энергоресурсов из региона, будет препятствовать реализации китайского проекта Шелкового Пути, содействовать распространению религиозного экстремизма и насилия вблизи китайских границ и на территории самого Китая (СУАР).

Динамика двустороннего партнерства

Руководствуясь этими стратегическими интересами, Иран и Китай прошли несколько стадий в развитии двустороннего партнерства. Условно их можно подразделить на следующие периоды:

1991-1997 – Период знакомства с новыми пост-советскими реалиями и новыми возможностями ЦА региона для развития взаимовыгодного сотрудничества. Экс-президент Х.Рафсанджани призывает к усилению экономического и политического сотрудничества Ирана с Китаем и Россией, как естественных союзников в регионе ЦА. Однако, данный период осложнен вовлечением Ирана в гражданскую войну на территории Таджикистана в 1992 г. и последующим длительным недопониманием и отсутствием доверия между Тегераном и государствами ЦА, что негативно влияет на любое плодотворное региональное сотрудничество с участием Ирана. В итоге в этот период практически отсутствуют какие-либо значительные ирано-китайские проекты в Центральной Азии.

1997-2002 – Приход к власти С.М.Хатами и его концепция Диалога цивилизаций в значительной степени способствует росту взаимопонимания как между государствами ЦА и Ираном, так и между Ираном и Китаем. Следующим стимулом для начала частичного ирано-китайского сотрудничества в регионе становится международная анти-террористическая кампания, последовавшая за сентябрьскими событиями 2001г.

В результате в июне 2000г. бывший иранский президент М.Хатами посещает с официальным визитом Пекин. Событие оценивается как новая глава во взаимоотношениях Ирана с Китаем. Стороны приступают к развитию двустороннего военного и военно-технического партнерства, включая сферу атомной энергии. Китай становится третьим торговым партнером Ирана в Азии после Японии и четвертым в мире. Основным пунктом их двустороннего диалога является сотрудничество в нефтяной сфере. Сырая нефть составляет 98% иранского экспорта в Китай, благодаря чему Иран обеспечивает 18% китайских потребностей в импорте данного сырья.⁸

Китай и Иран имеют общие позиции по Афганистану и сотрудничают в вопросах поствоенной реабилитации страны на двусторонней основе и с вовлечением ЦА государств. Одним из наиболее перспективных и выгодных направлений в плане обеспечения энер-

⁸ Тулиев М. Состояние и перспективы развития ирано-китайских отношений// <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/20-11-03.htm>, 20 ноябрь, 2003.

гети-ческой и геополитической безопасности Китая и региональных государств является активизация нефтегазового сотрудничества КНР с Казахстаном. Что касается ирано-китайского крупномасштабного экономического сотрудничества в Центральной Азии, оно остается практически на нулевом уровне по причине продолжения ирано-американской конфронтации, вновь обострившейся после включения в 2002г. Ирана в список государств, составляющих «ось зла».

2003-2010 – Данный период знаменателен дальнейшим продолжением ирано-американских противоречий и ужесточением анти-иранских санкций. Как следствие, ирано-китайское сотрудничество в регионе ЦА все еще находится на относительно низком уровне. Однако, это период уже явно демонстрирует растущий уровень сотрудничества Ирана и Китая. Двусторонние отношения постепенно высвобождаются от каких-либо политических соображений, связанных с иранской ядерной программой или экономическими санкциями против Тегерана.

Усилия обеих сторон направлены на поиск взаимоприемлемого баланса отношений с Россией (для Китая – также с США) и формирование предпосылок для дальнейшего развития отношений с ЦА государствами. Эти меры предусматривают активное участие Исламской Республики и Китая в энергопроектах ЦА и в строительстве жизненно важных транспортных коридоров, связующих все стороны с европейскими и азиатскими рынками. Кроме того, в условиях растущего американского присутствия в регионе, особенно после иракских событий 2003г., Иран и Китай углубляют сотрудничество по международным вопросам и активизируют торгово-экономическое партнерство. Так, несмотря на американское присутствие, торговый оборот между двумя странами превышает в 2005г. \$7 млрд. что на 25% больше, чем в 2004.⁹

Иран играет существенную роль в реализации китайских энергопроектов в Центральной Азии. В декабре 2005 был открыт трубопровод длиной в 1000 км, соединяющий Казахстан с Китаем. Он становится первым центральноазиатским экспортным маршрутом, проложенным в обход российской территории. Иранский проект Шелкового пути предполагает возможность энергетического транзита через территорию Казахстана в Китай, иранские судоходные линии на Каспийском море объединяют порты Энзели и Нау Шахр в Иране и Эктау в Казахстане. С целью защитить себя от потенциальной блокады энергетических поставок из Ближнего Востока Китай также

⁹ <http://www.iran.ru>, 11 ноябрь 2005.

придает большое значение «второму евразийскому мосту» через Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Иран в Европу.¹⁰ Проект, предполагающий проведение железной дороги Кашгар-Ош-Андижан рассматривается Китаем как часть данного «моста».¹¹ Тем временем Иран координирует строительство железнодорожного коридора Китай-Ближний Восток-Европа.

Одновременно, Пекин активизирует после иракских событий 2003г. политику объединения государств ЦА в рамках ШОС¹² и углубляет с ними торгово-экономические отношения. В частности, китайско-узбекский товарооборот в 2003г. составляет \$347млн, что вдвое больше, чем в 2002. Наряду с этим Пекин выделяет ЦА партнерам по ШОС по \$900 млн кредита для реализации экономических проектов. Стоит также отметить попытки Китая сформировать энергетический клуб Азии, идею, провозглашенную на саммите ШОС в Душанбе 15 сентября 2006г. Подобные тенденции не могут не привлечь внимание Тегерана, что отражается в его стремлении присоединиться в будущем к рядам ШОС.

Тем не менее, «2010 был очень неустойчивым годом в двусторонних отношениях»¹³ вследствие возросшего американского давления на Китай. В 2010г. Китай поддерживает резолюцию Совета Безопасности Объединенных Наций 1929, которая содержит наиболее значительные к тому времени многосторонние санкции против Ирана. К тому же Китай частично подчиняется и требованиям всесторонних санкций по Ирану, введенных согласно Акту подотчетности и девиности (CISADA).

2011-2014 – Чрезвычайно затянувшиеся ирано-американские противоречия становятся в этот период одним из крупнейших препятствий на пути регионального сотрудничества и экономической интеграции, что ужесточает геоэкономическую и геополитическую конкуренцию в мире и вокруг Центральной Азии. Обострившаяся геополитическая борьба создает благоприятные условия для различных международных конфликтов, которые могут быть осложнены предстоящим выводом американских войск из Афганистана.

Наиболее динамично развивающейся страной данного периода является, по всей видимости, Китай. В условиях ослабления России и ЕС, занятости США своими внутренними и внешними проблемами

¹⁰ См.: In Kazakhstan Oilfields // <http://www.eurasianet.org>, January 21, 2004.

¹¹ Ходжаев А. Китайский фактор в Центральной Азии//Ташкент: Фан, 2004. С. 78.

¹² См.: Carlson Charles. Central Asia: Shanghai Cooperation Organization Makes Military Debut// RFE/RL, August 05, 2003.

¹³ Dawns Erica. Cooperating with China on Iran – Ibid.

развития, включая вывод войск из Афганистана, Китай постепенно усиливает свои позиции в Центральной Азии и стремится на деле возглавить важные региональные процессы как в рамках ШОС, так и на двустороннем уровне. Вполне очевидно, что консолидация китайского сотрудничества с Ираном является частью предпринятых Пекином мер по реструктуризации ближайшего соседства в своих интересах. Как говорит китайский ученый Йян Пенг, «Китай должен использовать возможность “трансформировать не оправдывающие себя международные механизмы ... включая международные или региональные организации, режимы и законы.»»¹⁴ В условиях евроатлантических санкций у Ирана нет другого приемлемого пути, кроме как сблизиться с Китаем.

В этой связи оба государства придают большое значение развитию торгово-экономических связей, уровень которого достигает в 2013г. \$40 млрд¹⁵. Более того, через десять лет планируется довести ежегодную двустороннюю торговлю до \$ 200 млрд. Одновременно Иран планирует построить в районе порта Чабахар стратегически важный центр по экспорту нефте-химических продуктов. Близость Чабахара к рынкам Китая и Индии делают его особенно привлекательным для географически изолированных государств ЦА.

Наряду с этим уровень ирано-китайского партнерства во многом еще зависит от двух главных внешнеполитических факторов: США и России.

США

В последние годы ирано-китайское сотрудничество в экономической, военно-технической, атомной и других сферах играет на деле роль специфического китайского рычага давления на региональную политику США. Приход к власти президента Х.Рухани и начало переговоров по ядерной программе Ирана на деле легитимизирует латентно развивающиеся ирано-китайские отношения. С другой стороны, Вашингтон также оказывает существенное давление на неудобную политику Пекина в отношении Ирана. Эти две противоречивые тенденции в отдельные периоды снижают, в другие – ускоряют темпы ирано-китайского партнерства.

¹⁴ Minxin Pei. How China and America See Each Other And Why They Are on a Collision Course//Foreign Affairs, March/April 2014 issue/ <http://www.foreignaffairs.com/articles/140755/minxin-pei/how-china-and-america-see-each-other>

¹⁵ Iran, China Set to up Trade to \$200bn: Official// <http://www.presstv.com/detail/2014/03/03/353028/iran-china-set-200bn-trade-target/March 03, 2014>

Так, вероятность формирования группы государств (Китай, Россия, Иран и ЦА государства), объединенных в единый самодостаточный энергетический блок явно беспокоит Запад. В этой связи Пекин полагает, что различия в американских и китайских подходах к политическому развитию Центральной Азии и перспективам каспийских углеводородов могут в конечном итоге ухудшить отношения между США и Китаем.¹⁶

Соединенные Штаты также остро реагируют на ирано-китайские соглашения в атомной области. Под давлением США двустороннее сотрудничество в этой сфере приостановлено в 1999г. Однако, некоторые китайские компании не раз подвергаются санкциям¹⁷. В частности, в начале 2012г. Вашингтон вводит санкции против трех китайских фирм, обвиняя их в поставках веществ и материалов, которые могут быть использованы для производства оружия массового поражения.

Параллельно США сталкиваются в Совете Безопасности ООН с противодействием Китая санкциям в отношении Ирана. По мнению Пекина, «санкции, принятые на двустороннем уровне, препятствуют нормальному торговому сотрудничеству других государств с Ираном»¹⁸. Пекин использует и такой инструмент давления против Вашингтона как углубление военно-технического партнерства с Ираном. Так, в 2014 г. Пекин намерен увеличить свои военные расходы на более, чем 12% и довести их до уровня \$132 млрд, что вызывает беспокойство в Соединенных Штатах.¹⁹ Летом 2013г. Иран и Китай подписывают договор по вопросам безопасности, нацеленный на подготовку совместных мер противодействия международному экстремизму и терроризму. В мае 2014г. вице-секретарь иранского Совета по национальной безопасности Али Багери посещает Китай.

Тем не менее, Пекин учитывает роль и значение глобальной супердержавы, стратегическое партнерство с которой предотвращает вызовы национальной безопасности Китая, содействует существенному экономическому росту и территориальной целостности государства. Поэтому даже жесткие китайские консерваторы не

¹⁶ См.: Li Lifan (Ли Лифань). Различия взглядов США и Китая на политическое развитие Центральной Азии // Эксперт-Казахстан. Астана. 24 май 2004/<http://www.expert.ru/kazakhstan>.

¹⁷ См.: Chinese Firms Punished over Iran // BBC news. January 18, 2005; Bilefsky Dan, Sanger E. David. Europeans Criticize U.S. Sanctions as Potential Risk to Iran Talks // The New York Times, International Herald Tribune. December 29, 2005.

¹⁸ В отношениях с Ираном Китай строго выполняет только санкции ООН // <http://www.vestikavkaza.ru/news/58534.html>, 23 мая 2012.

¹⁹ Иран, Китай и оборонная специфика Шелкового Пути в третьем тысячелетии // http://inosmi.ru/irna_ir/20140512/220199836.html, 12 май 2014.

возражают диалогу ШОС-НАТО, поскольку Пекин не заинтересован в продолжительной конфронтации с Вашингтоном. Для Соединенных Штатов стратегическое значение Китая состоит в его активном интересе к урегулированию проблем региональной безопасности и ведущей роли Пекина в ШОС. Вашингтон вынужден учитывать присутствие этой динамично развивающейся державы в Центральной Азии и примирить данный факт с региональной политикой США. Более того, Вашингтон не имеет принципиальных возражений против присутствия Пекина в каспийских проектах. При этом учитывается растущее соперничество Пекина и Москвы в регионе ЦА и масса внутренних проблем в развитии Китая. К тому же Китаю необходим доступ к важнейшим зарубежным рынкам, сосредоточенных в США, чтобы обеспечить себе дальнейший экономический рост.

С другой стороны, Пекин не видит какого-либо прорыва в переговорном процессе по ядерной программе Ирана. Американские отношения не достаточно стабильны, чтобы устранить ключевые санкции против Ирана, поэтому часть китайских экспертов считает необходимым содействовать процессу примирения между США и Ираном. В качестве партнера обеих сторон Китай, считают они, вынужден осторожно регулировать тройственные отношения, и воспринимает себя больше жертвой, нежели получающей выгоду стороной. В случае какого-либо конфликта интересы Пекина в поддержании стабильных энергопоставок и стабильного рынка товаров будут серьезно подорваны²⁰.

Исходя из этих существующих реалий, Вашингтон и Пекин прикладывают значительные усилия, чтобы урегулировать свои разногласия на различных конференциях и семинарах, в ходе всевозможных консультаций и саммитов. В условиях украинского и иракского кризисов суть дела, по всей видимости, сводится к разделу сфер влияния и интересов, образованию нового мирового порядка, где интересы США и Китая могли бы в наибольшей степени быть сбалансированы.

Так, в процессе шестого раунда американо-китайского стратегического и экономического диалога (9-10 июля 2014, Пекин) и пятого раунда консультаций на высоком уровне США и Пекин приходят, по мнению западных экспертов, к некоторым позитивным выводам.²¹

²⁰ См.: Jin Liangxiang. The Prospect of the Iran Nuclear Issue and China-Iran Economic Relation//<http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/the-prospect-of-the-iran-nuclear-issue-and-china-iran-economic-relations/January 8, 2014>.

²¹ См.: Xue Junying. Strategic Reaffirmation on China-US Relations//<http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/strategic-reaffirmation-on-the-china-us-relations/> July 14, 2014.

Стоит при этом обратить внимание, что американо-китайский договор о тесном сотрудничестве, включая в области военно-политической сферы, запланирован вскоре после достижения соглашения об ирано-китайском оборонном партнерстве в мае 2014. Интерес представляет и то, что некоторые иранские эксперты не исключают возможность формирования в будущем системы региональной безопасности под эгидой ШОС и США, где ШОС мог бы играть роль посредника в партнерстве региональных государств с западными.

Россия

Общая оппозиция Ирана и Китая униполярной системе и долгосрочному присутствию в регионе ЦА ориентируют эти страны в сторону России. Пекин и Тегеран отдают должное экономическому и военному потенциалу России, ее интересам в Центральной Азии, способности быть противовесом американскому присутствию в регионе. Эти, а также экономические соображения объясняют участие Ирана и Китая в двусторонних и многосторонних военно-политических и экономических соглашениях по Центральной Азии, включая строительство коридора Север-Юг и возрождение Великого Шелкового пути.

Тройственное сотрудничество генерирует идею стратегического союза между Ираном, Китаем, Россией и Индией, а также координацию и сотрудничество между ШОС и БРИКС. Представляется, однако, что последние украинские события с их внутренними и внешними негативными последствиями для Москвы существенно снижают возможности России играть ведущую роль в данном союзе, по крайней мере, в обозримом будущем. Возможная консолидация этих организаций может только усилить роль Китая в Центральной Азии при поддержке Ирана, постепенно высвобождаемом из экономических пут.

В частности, в ходе четвертого саммита по взаимодействию и построению мер доверия в Азии, прошедшем в Шанхае в мае 2014г., Президент КНР Ху Цзин Пин подчеркивает необходимость формирования новой региональной архитектуры безопасности.²² Альянс в сфере безопасности между Ираном, Китаем и Россией, усиленный в будущем партнерством с другими азиатскими странами, позволит, согласно мнению этих государств, защищать их интересы

²² См.: Iran-Russia-China Alliance US Nightmare: Academic//<http://www.presstv.com/detail/2014/05/22/363702/us-fears-iranrussiachina-alliance/> May 22, 2014.

в процессе взаимодействия с США и ЕС. В этой связи российские эксперты²³ обосновывают новые формы сближения с Тегераном с предоставлением ему права на полноправное членство в ШОС и право присоединения к БРИКС. Однако, есть ряд факторов, свидетельствующих в пользу противоположной тенденции, отвечающей интересам США и ЕС.

Во-первых, в Москве сегодня нет особого оптимизма по поводу будущего ирано-российского сотрудничества.²⁴ Они учитывают наличие сильного про-западного лобби как в Иране, так и в самой России. В то же время финансово-банковская система России на деле напрямую зависима от финансово-банковской системы США и Европы. Нужно отметить и «пятую колонну», про-израильское лобби и достаточно активное в последние годы арабское лобби, что в совокупности препятствует успешному сотрудничеству России и Ирана. Приблизительно такая же картина наблюдается и в Иране. Сомнительно в то же время, что Россия с ее текущим экономическим положением сможет обеспечить Иран в краткосрочном периоде крупными инвестициями и технологиями. Реализация заявленных крупномасштабных проектов требуют времени, соответствующей инфраструктуры и логистики и что не менее важно, существенную перестройку организаций, занимающихся внешнеэкономической деятельностью. В этом смысле как недавно подписанный Меморандум между Ираном и Россией, предполагающий активизацию их экономического сотрудничества, так и подготовка многомиллиардной сделки по покупке иранской нефти не могут быть достаточно успешными, особенно в условиях жесткой геоэкономической конкуренции за иранский рынок. В частности, только немецкая торгово-промышленная палата планирует ежегодно инвестировать в Иран €10 млрд²⁵.

Во-вторых, с экономической и политической точек зрения Президент Ирана Х.Рухани и Верховный Лидер страны Али Хаменеи чрезвычайно заинтересованы в достижении окончательного соглашения по ядерной программе. Можно понять их беспокойство, если принять во внимание внутреннюю экономическую ситуацию в стране: рост

²³ См.: Алексеев Вл.О вступлении Ирана в ШОС и БРИКС//http://www.iran.ru/news/analytics/94170/O_vstuplenii_Irana_v_ShOS_i_v_BRIKS, 21 июль 2014.

²⁴ См.: Ефимов Вл. Могут ли Россия и Иран стать стратегическими партнерами?//http://www.iran.ru/news/analytics/94124/Mogut_li_Rossiya_i_Iran_stat_strategicheskimi_partnerami, 14 июль 2014.

²⁵ Барсуков Ю., Мельников К. и др. Россия и Иран объединились на почве нефти// Коммерсантъ, http://www.iran.ru/news/analytics/94262/Rossiya_i_Iran_obedinilis_na_pochve_nefti, 06 август 2014.

безработицы колеблется от 2.4 млн до 2.53млн, что составляет 0.2%, согласно официальной статистике. В то же время в прошлом году было зарегистрировано 26% безработных среди молодежи в возрасте 15-24.²⁶ В случае затягивания экономических перемен, что связано с потоком крупных инвестиций и высокой технологии в регион, ситуация может выйти из-под правительственного контроля с учетом также нестабильного соседства (Ирак, Сирия, др.). В свою очередь снятие санкций с Ирана может быть ускорено растущим недовольством европейцев и простых американских граждан, выступающих против любой войны и экономических лишений. Если переговоры потерпят неудачу, западные эксперты прогнозируют «нежелательные последствия не только в иранском случае, но и при построении будущего партнерства с Европой в вопросах санкций, особенно в отношении России»²⁷. Понятно, что США в этих обстоятельствах могут предпринять меры для защиты интересов США и ЕС в Иране.

В-третьих, в ответ на западные дискриминационные меры Россия радикально меняет свою военную политику, делая ее более жесткой и провозглашает готовность, в случае необходимости, использовать военную силу в зонах своего интереса. По всей вероятности, Москва не доверяет также Пекину, учитывая его последние инициативы с США. Отсюда заявления о том, что Россия не несет больше никакой коллективной ответственности и призывы выйти из санкционного режима против Ирана.

В-четвертых, между государствами-членами БРИКС нет достаточного единства для консолидации этой организации, что осложняется доминирующим финансовым положением в этом союзе Китая. Так, из \$100 млрд первоначального пула Китай внес \$41млрд, в то время когда Бразилия, Россия и Индия каждая по отдельности внесли только \$18 млрд,²⁸ что уже создает основу для будущего ассиметричного развития организации. С другой стороны, понимание Индией российских подходов не снимает с повестки дня ее стратегическое партнерство с Соединенными Штатами и привлекательность для нее американско-спонсируемого проекта Новый Шелковый Путь, также как и другие варианты регионального сотрудничества. Невозможно также

²⁶ Jobless Rate Rises in Iran Even for the Educated // Radio Zamaneh, <http://www.payvand.com/news/14/jul/1136.html>, July 23, 2014.

²⁷ Geranmayeh Ellie. Congressional Backlash on Iran is a Problem for Europe, Too // <http://www.payvand.com/news/14/aug/1003.html>, August 01, 2014.

²⁸ Шарова Е.А. Основные итоги VI саммита БРИКС. Экономические аспекты//<http://www.riss.ru/analitika/3411-osnovnye-itogi-vi-sammita-briks#.U9hsZvnUvPR>, 21 июль 2014.

исключить традиционные индо-китайские противоречия (военно-политическое партнерство между Китаем и Пакистаном). В последнее время Пекин стремится наладить взаимоотношения с Дели и намерен инвестировать 20 млрд долларов²⁹ в экономику Индии в течение пяти лет, однако делать выводы о перспективах такого сотрудничества пока рано. Тем более, что направленность предстоящего индо-китайского экономического партнерства может не совпадать с интересами России (проект Новый Шелковый Путь).

Не случайно Индия снижает свою нефтяную зависимость от Ирана: в то время, когда Китай увеличивает импорт нефти из Ирана в среднем до 630 баррелей в день, Индия, напротив, сокращает его, обеспечивая только 5,8% своих потребностей в иранской сырой нефти. Взамен Дели увеличивает нефтяной импорт из таких стран, как Колумбия и Мексика.³⁰

Выводы:

Как видим, ирано-китайское сотрудничество в Центральной Азии носит прагматический, рациональный характер и определяется, в первую очередь, взаимовыгодными интересами в сфере экономики и региональной безопасности. В этом смысле оно стабильно и не подвержено каким-либо колебаниям, как в настоящее время, так и при любых схемах развития Центральной Азии. Более того, после снятия санкций ожидается дальнейшее углубление ирано-китайского взаимодействия, включая в рамках ШОС после возможного присоединения Ирана к этой организации.

Что касается геополитических союзов с участием этих государств, довольно трудно в настоящее время прогнозировать что-либо определенное. Тем не менее, можно, по всей видимости, ожидать развитие следующих вариантов взаимодействия в Центральной Азии.

Сохранение текущих иранских санкций, резко ограничивающих экономическую деятельность организации и создающих излишнее напряжение как внутри организации, так и в ее отношениях с Соединенными Штатами делает вступление Ирана в ряды ШОС маловероятным на данном этапе. По сути ШОС во главе с Китаем

²⁹ Китай инвестирует \$20 млрд в экономику Индии//http://forbes.kz/news/2014/09/18/new-sid_68403, 18 сентября 2014.

³⁰ Китай и Индия по-разному подходят к импорту иранской нефти//http://www.iran.ru/news/economics/94194/Kitay_i_Indiya_po_raznomu_podhodyat_k_importu_iranskoj_nefti, 23 июль 2014.

избегает какой-либо конфронтации с США, что делает вопрос о вступлении Ирана в организацию зависимым от урегулирования ирано-американских разногласий.

Не исключено, однако, что именно опора на ирано-китайский тандем в ЦА, при поддержке его Индией, в случае снятия иранских санкций или их дальнейшего послабления более всего подходит интересам США в случае сохранения нынешних противоречий с Россией. Однако даже в этом случае сотрудничество между ШОС (с участием Ирана) и НАТО можно ожидать только в исключительных случаях с учетом непримиримых позиций России и НАТО.

Параллельно будет, по всей видимости, сохранен и союз Иран-Китай-Россия в качестве инструмента давления на Соединенные Штаты, в будущем включая, возможно, и в рамках ШОС с участием Ирана.

Что касается БРИКС, в настоящее время его потенциал достаточно слаб, чтобы конкурировать с США. Учитывая текущий американо-китайский диалог с одной стороны, и заметную роль Китая как в ШОС, так и в БРИКС, можно ожидать в перспективе, что обе организации сохранят элемент конкурентности с интересами США и ЕС и станут взаимодополняемыми факторами в развитии международной экономики и системы безопасности.

Тем временем государства ЦА могли бы только выиграть от любого мирного урегулирования международных проблем и конструктивного регионального сотрудничества. Общие глобальные угрозы, в первую очередь, исламский экстремизм и радикализм могут служить объединяющим фактором для всех заинтересованных сторон. В этой связи было бы целесообразно как можно быстрее урегулировать текущие межгосударственные разногласия и искать способы возможного сотрудничества между ШОС и НАТО.

Религия и политика в Таджикистане: между конкуренцией и сотрудничеством

А.Ж. КУШКУМБАЕВА

Политическая ситуация в Таджикистане развивается противоречиво. Как известно, на рубеже 2010-х гг. власти Таджикистана столкнулись с активизацией террористической активности в республике. Кроме того, соседство с нестабильным Афганистаном позволяет активистам радикальной оппозиции периодически укрываться в соседней стране, как это произошло с группой бежавших в августе 2010 г. осужденных за терроризм боевиков.

Деятельность радикальных экстремистских групп в настоящее время несет, как и прежде угрозу стабильности на региональном уровне и в трансграничных зонах (Согд, приграничные с Афганистаном районы). Тем не менее, их деятельность пока носит не масштабный характер и в случае своевременных и эффективных мер по их локализации не способна стать угрозой стабильности Таджикистана.

Таджикские власти с большой настороженностью относятся к существующему тренду исламизации общества. Ислам и религиозные авторитеты играют более важную роль в жизни таджикского общества.

В ответ на это, правительство стремится усилить регламентацию религиозной сферы и пресечь появление радикальных религиозных групп. В таджикском обществе, как известно, еще устойчивы воспоминания о прошедшей гражданской войне и данная тема активно используется властями для консолидации общества. Следует отметить, что в целом население с опасением относится к радикальной оппозиции, так как не желает повторения гражданского конфликта в стране.

Показательна статья мэра столицы М. Убайдуллоева, опубликованная летом 2013 г., накануне дня национального единства, который отмечается 27 июня. По его мнению, в Таджикистане до сих пор существуют факторы, угрожающие национальному единству. К ним он относит экологические угрозы, международный терроризм,

транснациональные преступные группы, незаконный оборот наркотиков, а также растущее число религиозных экстремистов [1]. Последний фактор довольно значим, и в реальности он не последний в списке угроз. По сути, названные риски – это реальные опасения правящего класса Таджикистана.

Праздник национального единства активно используется и оппозиционными политическими силами. Ряд представителей интеллигенции и гражданского общества обратились к президенту страны Э. Рахмону в преддверии президентских выборов 2013 г. с открытым письмом, текст которого был размещен в социальных сетях. В письме была выражена тревога в связи с нездоровыми процессами в социально-экономической и политической жизни страны [2].

В связи с этим, небезосновательно мнение таджикского политолога П. Муллоджанова, – «Международный опыт показывает, что чаще всего радикальные движения укрепляются и находят поддержку в тех регионах, где есть определенные зачатки экономического развития, но в то же время там существуют препятствия для развития мелкого и среднего бизнеса, в виде повышенных налогов, коррупции. Мелкие бизнесмены, люди с базара, челноки, не имеют возможности реализоваться, и поэтому рост недовольства среди них выше, чем даже в более бедных регионах» [3].

В целом, правительство стремится учитывать растущую роль религии в жизни общества. В связи с тем, что абсолютное большинство населения страны составляют мусульмане-сунниты, как известно, парламент Таджикистана 2 апреля 2009 г. придал суннизму ханафитского мазхаба официальный статус. Вместе с тем, следует учитывать, что в Горном Бадахшане проживают, сравнительно небольшие этно-конфессиональные группы, традиционно исповедующие шиизм исмаилитского толка.

Безусловно религия играет важнейшую роль в таджикском обществе. Власти республики не могут не учитывать этого фактора, но зачастую попытки государства регулировать эту сферу носят административно-запретительный характер. Как например, ношение религиозных атрибутов, посещение мечетей, обучение в исламских учебных заведениях, или орбсуждавшиеся попытки установить зарплату официальным имам-хатибам за счет госбюджета и др. В этой связи, официально признанное духовенство в силу зависимости от властей, воспринимается многими мусульманами как «хукумати», т.е. как «государственное духовенство».

Растущее влияние ислама объективная тенденция в стране. Квота

на число паломников составляет в Таджикистане 5,5 тыс. человек. Ежегодно она заполняется полностью, но желающих совершить хадж гораздо больше. При этом Духовное управление мусульман РТ (муфтият) страдает от тех же проблем, что и в соседних странах Центральной Азии, а именно недостаточный авторитет официального духовенства.

Власти, пытаясь поддержать муфтият и оттеснить на периферию действующую фактически в рамках светских принципов Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), могут невольно способствовать оттоку части верующих в экстремистские и незаконные религиозные структуры.

Активизация религиозных экстремистов также тревожный процесс в республике. Ежегодно по данным МВД РТ происходит задержание сотен активистов радикальных религиозных организаций - «Хизбут-Тахрир», ИДУ. По официальным данным, в Таджикистане за два последних года были осуждены более 250 активистов радикальных движений. При этом отмечается трансформация деятельности радикалов, широкое использование неформальных кружков, социальных сетей и т.д.

Кроме того, меры властей по противодействию экстремизму выражаются в несколько упрощенных и прямолинейных действиях, связанных с увеличением количества задержанных и осужденных. Например, по данным ГКНБ, в течение января-апреля 2013 г. были задержаны 75 предполагаемых членов террористических организаций. По официальным данным, среди задержанных предполагаемых террористов были также смертники [4].

Росту радикализма нередко способствуют и сами власти, вводя те или иные ограничения. Как пример тому - запреты на ношение хиджабов, табу на посещение женщинами и подростками мечетей. Наблюдатели обоснованно отмечают, что путь запретов весьма опасен. Любое табу влечет за собой стремление его нарушить. «Каждое действие вызывает соответствующее противодействие. Так, светский радикализм порождает крайние религиозные идеи и наоборот», - отмечает таджикский политолог Р.Г. Абдулло [5].

Как отмечалось, таджикские власти поэтапно стремятся вытеснить ПИВТ с политической арены. Особенно активная информационная кампания была в предвыборный период, летом-осенью 2013 г. СМИ и особенно телевидение республики регулярно демонстрировало дискредитирующие ПИВТ и неформальных религиозных авторитетов материалы. Хотя частота этих публикаций снизилась в послевыборный период, тем не менее, практика сохранилась.

После президентских выборов на пресс-конференции заместитель председателя ПИВТ М. Хаит заявил, что «в течение почти полутора месяцев нет дня, когда посредством информационных программ государственных телеканалов Таджикистана не были бы показаны сюжеты, дискредитирующие ПИВТ и ее руководителей» [6].

Например, комитет по делам религии Таджикистана стремясь ограничить влияние авторитетных сторонников ПИВТ в религиозной сфере, сначала на три месяца снизил статус соборной мечети братьев Тураджонзода, в которой по пятницам собиралось до 10 тыс. прихожан, а затем лишил сана имам-хатиба братьев Нуриддина и Махмуджона Тураджонзода. Кроме того, суд приговорил Нуриддина Тураджонзода и другого его брата Акбара Тураджонзода к штрафу за оскорбление руководителя Совета исламских улемов [7].

Власти страны в целях недопущения распространения экстремистских идеологий стремятся ограничить число обучающихся в зарубежных религиозных учебных заведениях. По словам главы комитета по делам религии и упорядочению традиций и обрядов при правительстве РТ А. Холикова, в исламских странах по состоянию на начало 2014 г. остаются 169 таджикских студентов. Официально до 2014 г. из мусульманских стран было возвращено на родину 2 тыс. 705 таджикистанцев, которые выехали за рубеж получать религиозное образование [8].

В целом, в странах мусульманского мира получали образование 2 тыс. 874 молодых таджикистанцев. Граждане Таджикистана обучались, в основном, в Саудовской Аравии, Ливии, Египте, Иране, Пакистане и Йемене. Как известно, возвращение таджикских студентов из зарубежных медресе началось в 2010 г. после известного призыва президента Э. Рахмона к родителям вернуть своих детей из исламских стран. «Вы думаете, они там станут муллами? Они станут террористами и экстремистами!», - заявил тогда таджикский лидер [9].

По новым правилам теперь граждане Таджикистана могут учиться в за рубежом только после окончания Исламского института Таджикистана – единственного в стране религиозного учебного заведения.

В июле 2013 г. состоялась встреча президента Э. Рахмона с исламским духовенством, на которой ряд выступающих призывали закрыть ПИВТ так как «в исламе нет партий» [10]. По сути, поддерживаемые властями призывы провластного духовенства являются средством давления на ПИВТ и снижения ее легитимности.

При этом было бы упрощением рассматривать давление властей на ПИВТ и неформальных религиозных лидеров как борьбу с религией. Власти республики справедливо рассматривают ПИВТ и неофициальных религиозных лидеров, прежде всего как политических конкурентов.

Следует отметить, что ПИВТ при официальной численности около 30 тыс. членов, остается ключевой легитимной оппозиционной силой. В целом ПИВТ, учитывая внутривнутриполитическую ситуацию, стремится сохранять конструктивно оппозиционные отношения с властями. Как известно, эта партия ослабила свои публично-политические позиции в период после смерти ее основателя Саид Абдулло Нури в 2006 г.

Осознавая это, лидер ПИВТ М. Кабири, являясь депутатом парламента, стремится сохранить диалог с властями и зачастую занимает осторожные позиции, избегая в своей публичной деятельности острой критики властей.

ПИВТ поддерживает меры правительства по ограничению деятельности салафитов, так как не разделяет идейно-религиозных воззрений последних. Тем не менее, исламская партия осознает, что правительство стремится также играть и на религиозно-политическом поле и не считает правомерным активное вмешательство государства в религиозную сферу.

В этом контексте, не безынтересно мнение лидера ПИВТ М. Кабири, – «Виновата ли сама религия в том, что часть молодежи прибегает к радикальным религиозным лозунгам, или виновато общество, в том числе и правительство, политические партии, общественность? Большинство молодежи, которая уезжает из страны, чтобы присоединиться к другим радикальным течениям, можно спасти, если общество предоставит им возможность реализовать себя, найти работу, получить образование» [11].

Конструктивно оппонировав властям ПИВТ, стремится укрепить и по возможности расширить свои позиции. Следует отметить, что ключевыми задачами в программе ПИВТ, обозначены борьба с коррупцией и бедностью, защита социально-экономических прав граждан. Лидеры ПИВТ стараются не участвовать в президентских выборах мотивируя, трагическим опытом раскола общества и не желанием вновь обострять обстановку.

При этом ПИВТ, облеченная в светские политические формы также не особо популярна в среде консервативных мусульман. Как отмечают наблюдатели, на этом фоне начали активно функционировать не официальные религиозные течения и обретать популярность среди

своих последователей, что свидетельствует об усилении тенденции отчужденности определенной части населения от легализованных форм религиозной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мэр Душанбе поделился своим видением факторов, которые угрожают национальному единству // <http://www.news.tj/ru/node/149214>, 6 июня 2013 г.
2. Представители интеллигенции и гражданского общества просят президента заступиться за З. Саидова // <http://news.tj/ru/news/predstaviteli-intelligentsii-i-grazhdanskogo-obshchestva-prosyat-prezidenta-zastupitsya-za-z-sa>
3. Саркорова А. Таджикистан: исламизм от нищеты и безысходности // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/01/110125_tajikistan_radicalism_growth.shtml, 25 января 2011 г.
4. Таджикским студентам советуют не попадаться в сети террористических организаций // www.rosbalt.ru/exussr/2013/04/30/1124364.html
5. Социальная несправедливость в Таджикистане порождает радикализм // www.dw.de/a-16901717
6. Юлдашев А. «Хаит: власти оказывают давление на новоизбранного главу ПИВТ по ГБАО» // <http://news.tj/ru/node/168105>, 24 августа 2013 г.
7. Толерантно ли таджикское общество? // <http://rus.ozodi.org/content/article/25234528.html>, 19 января 2014 г.
8. <http://tajikta.tj/popular-news/detail.php?ID=18919>
9. Таджикистан: Совет богословов призывает священнослужителей прекратить отвлекать юношей от учебы на молитвы // <http://www.fergananews.com/news.php?id=15493>, 8 сентября 2010 г.
10. Духовенство Таджикистана выступило против ПИВТ // <http://news.tj/ru/node/157324>, 4 июля 2013 г.
11. Саркорова А. Таджикистан - исламизм от нищеты и безысходности // www.bbc.co.uk/russian/international/2011/01/110125_tajikistan_radicalism_growth.shtml, 25 января 2011 г.

Проект «Западная Европа – Западный Китай» – возрождение Шелкового Пути

А.А. АРЗЫКУЛОВ

Дорога, торговля, процветание страны – эти три понятия испокон веков были тесно взаимосвязаны. История Великого Шелкового пути рассматривается в наши дни как актуальный опыт взаимовыгодной торговли и мирного культурного общения народов разных стран. Сегодня бывшие караванные тропы и маршруты Великого Шелкового пути трансформировались в современные железные и автомобильные дороги, соединенные в международные транспортные узлы.

Создание международных транспортных коридоров является одной из важнейших задач экономической политики любой страны, решение которой позволит интегрироваться в мировую систему грузовых перевозок.

Целью формирования и развития МТК является обеспечение условий для повышения надежности и эффективности внешнеторговых перевозок, привлечение отечественных и зарубежных инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры страны, создание условий для ускорения развития регионов, интеграции казахстанского транспорта в европейские и мировые транспортные системы [1].

Руководствуясь таким понятием, как взаимодействие культурных, экономических и туристических связей, руководство стран Азии и Европы решило создать новый автотранспортный коридор, который положит начало интеграции этих стран. Немаловажным импульсом принятия такого решения стало и несоответствие современным требованиям безопасности и комфорта автомобильной дороги, построенной в шестидесятые годы прошлого века.

Преимущество этого маршрута заключается в том, что он связывает собой практически все транспортные узлы стран-участников и дает возможность выхода на основные транспортные автомагистрали Казахстана и стран Средней Азии, России и Китая, стран Европы. Все это будет способствовать развитию экономических связей, позволит активно использовать транспортные коммуникации для международного

транзита, развития торгово-экономических отношений и активизации межрегиональных связей.

История настоящего проекта начинается с 2005 года, когда в адрес Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева обратился Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев с предложением по формированию нового автодорожного маршрута Санкт-Петербург – Вологда – Кострома – Киров – Казань – Оренбург – граница Казахстана. Создание коридора стало главной темой обсуждения и во время встреч в ноябре 2006 года с министром транспорта Российской Федерации И. Левитиным на втором заседании казахстанско-китайского Подкомитета по транспортному сотрудничеству казахстанско-китайского Комитета по сотрудничеству.

Официальное название проекта впервые было определено в Указе Президента Республики Казахстан от 6 апреля 2007 года № 310 «О дальнейших мерах по реализации Стратегии развития Казахстана до 2030 года» [2].

В декабре 2007 года главы транспортных ведомств Казахстана и России приняли решение о рассмотрении вопроса включения коридора «Западная Европа – Западный Китай», проходящего через Казахстан и Россию, в перечень азиатских автомобильных дорог в рамках ЭСКАТО ООН для стран АТР. 22 сентября 2008 года в городе Актобе был подписан меморандум между Министерством транспорта и коммуникаций Республики Казахстан и Министерством транспорта Российской Федерации о сотрудничестве и развитии автомобильных дорог по маршруту Санкт-Петербург – Казань – Оренбург – Актобе – Алматы – граница КНР. 16 апреля 2009 года в Пекине был подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством транспорта и коммуникаций Республики Казахстан и Министерством коммуникаций Китайской Народной Республики о создании автотранспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай».

11 июня 2009 года в городе Алматы был подписан Меморандум о взаимопонимании в области развития транспортных сетей между Европейской комиссией и Министерством транспорта и коммуникаций Республики Казахстан.

Общая протяженность коридора по маршруту Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань – Оренбург – Актобе – Кызылорда – Шымкент – Тараз – Кордай – Алматы – Хоргос – Урумчи – Ланьчжоу – Чжэнчжоу – Ляньюньган составляет 8 445 км. Из них 2 233 км – по территории Российской Федерации, 2 787 км – Республики Казахстан, 3 425 км – Китайской Народной Республики.

По всему коридору предусматривается улучшение геометрических параметров трассы (повороты, видимость, уклоны), в целях улучшения экологической и санитарной обстановки предусматриваются обходы крупных населенных пунктов.

Сегодня автомагистраль «Западная Европа – Западный Китай» является самым масштабным транспортным проектом за всю историю независимого Казахстана. Недаром ее называют «стройкой XXI века», ведь она уникальна в своем роде, призвана объединить Европу и Азию.

Практическая реализация проекта «Западная Европа – Западный Китай» началась в 2010 году. По данным 2012 года, в строительстве транспортного коридора на территории Казахстана было задействовано более 35 тысяч человек, из которых 34,4 тысячи являются казахстанцами. Планируется, что количество трудоустроенных будет увеличено до 50 тысяч [3].

Особое внимание уделено и применяемым строительным материалам. В ходе реализации проекта в строительстве и реконструкции дорог будут применяться современные технологии, апробированные на других казахстанских участках. Немалую долю составит казахстанское содержание, ведь на сегодня автодорожная отрасль практически полностью снабжается отечественной продукцией [4].

Основными положительными показателями данного проекта по сравнению с существующими альтернативными коридорами, такими как автодорожный Транссиб и морской через Суэцкий канал, являются его протяженность и время нахождения в пути. Если при использовании морского коридора время нахождения в пути доходит до 45 суток, а по Трансибу – 14 суток, то по коридору «Западная Европа – Западный Китай», от порта Ляньюньгань до границ с европейскими государствами (Финляндия), время в пути составит порядка 10 суток.

Проведенные исследования на стадии разработки ТЭО-проекта показали, что к 2020 году объем грузоперевозок увеличится в 2,5 раза. Согласно ожиданиям Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан, ежегодный экономический эффект после введения в эксплуатацию автомагистрали «Западная Европа – Западный Китай» оценивается в 86,7 миллиардов тенге. Об этом заявил на Online-конференции BNews.kz бывший министр транспорта и коммуникаций Республики Казахстан Абельгазы Кусаинов [5].

Среднегодовая экономическая выгода от реализации проекта будет получена за счет сокращения времени пути, количества ДТП и затрат на эксплуатацию автотранспортных средств и благодаря росту валового регионального продукта.

Также рассматривается проект обеспечения спутниковой навигации и отслеживания грузопотоков на международном транзитном коридоре «Западная Европа – Западный Китай», анализируется международный опыт внедрения навигационных систем для мониторинга транспортных средств, функциональные возможности информационной телекоммуникационной сети. Значительный импульс будет дан развитию малого и среднего бизнеса, сервисной индустрии, туризма и другим секторами экономики.

«Казахстан может выступать связующим звеном между Востоком и Западом как в контексте железных дорог, так и другими путями. Он граничит с Россией и Китаем – двумя значимыми экономиками региона. Конечно, страна стоит перед вызовами, связанными с сохранением своей государственности и защиты интересов. Но такое положение предоставляет огромные возможности как для развития природных ресурсов, будь то поставки или производство, так и для того, чтобы стать мостом между Востоком и Западом. Учитывая движение товаров между европейскими странами, Казахстан является ключевым связующим звеном в контексте торговых маршрутов», – делится мнением Управляющий партнер по СНГ компании Ernst&Young Карл Йоханссон [6].

В ходе разработки проекта международного транзитного коридора были проведены анализ рынка, анализ вариантов финансирования, маркетинговый, регионально-экономический и торговый анализы проекта. Маркетинговый анализ определяет три основных грузо-коридора: Китай – ЦАР, Казахстан – Китай и Казахстан – Россия. Из трех региональных грузо-коридоров коридор Китай – ЦАР имеет самый высокий потенциал роста грузооборота. Анализ рынка показывает, что наибольшие грузопотоки ожидаются на этом участке. Через десять лет по международному транспортному коридору «Западная Европа – Западный Китай» будет перевозиться около 330 миллионов тонн грузов в год.

Строительство международного транзитного коридора «Западная Европа – Западный Китай» позволит повысить транзитный и экспортный потенциал Казахстана и будет успешным практическим вкладом в процесс вовлечения республики в мировую транзитную сеть.

Планируется, что после реализации проекта грузопоток по данному маршруту увеличится в 3,5 раза и составит уже 3,5 миллиона тонн груза. Данная магистраль – это самый короткий путь из Европы до Китая через Азию. Товары, приходящие к нам из Европы, уже не будут

включать в себя столь высокую долю транспортных расходов, как сейчас. Несмотря на то, что данный проект является для отдельных государств возможностью укрепления своего влияния в регионе, в целом он направлен на сближение стран-участников, а также на закрепление статуса сильного региона в мире.

В заключение хотелось бы сказать, что реализация данного проекта стала бы прорывом для региона Азии, в частности Казахстана, России и Китая, так как это способствовало бы вовлечению большинства стран региона в торговлю; позитивно повлияло бы на развитие транспортной инфраструктуры; стимулировало бы производство вдоль самой трассы и прилегающих к ней дорог; а также в целом способствовало бы ускоренным темпам развития экономик региона и стимулировало бы дальнейшую региональную интеграцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатов М., Елисеев С., Лидин К., Хроменко А., Якобсон А. Регионоцентричный подход к реализации евро-азиатского транспортного коридора // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 6. – С. 60.
2. Баливаров А. Западная Европа – Западный Китай – стройка тысячелетия // Литер. – 2011. – № 129. – С. 6.
3. <http://www.europe-china.kz/links>.
4. Кулманов К.С., Калпенова З.Д. Международные транзитные коридоры «Западная Европа – Западный Китай». Строительство, архитектура, дизайн: интеграционные процессы в современных условиях. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Том 1. – Алматы, 2012. – 317 с.
5. Там же.
6. <http://www.zakon.kz/4468340-razvitie-infrastruktury-avtodorogi.html>.

Принцип меритократии в казахстанском государственном управлении

Г.И. МУХАТАЕВА

Успешное развитие нации во многом зависит от кадров – это аксиома. Казахстану, следующему политике социально-экономического развития и стремящемуся войти в число 30 развитых стран, необходимо создать надежный, устойчивый кадровый и интеллектуальный потенциал. Известное утверждение «кадры решают все», как нельзя кстати подходит к реалиям нашего времени.

В современной кадровой политике Казахстана, как и в других государствах, существуют многочисленные проблемы, которые могут тормозить процесс дальнейшего развития страны и повышения ее конкурентоспособности на международной арене. В административном секторе укоренилась практика «командных перемещений». Руководитель государственной службы, передвигаясь по иерархической лестнице, приводит в новую структуру свою команду. И чаще всего такие кадры отличает не профессионализм, а личная преданность своему начальнику, родство либо землячество.

Согласно данным социологического исследования КИСИ одним из основных механизмов рекрутирования кадров для органов власти Казахстана являются родственные или дружеские отношения (54,2%). По мнению общественности, место в госслужбе можно получить благодаря профессионализму (47,6%), а также, «купив» должность (41,1%).

Для искоренения незаконных кадровых решений Казахстан перенимает международный опыт по внедрению принципов меритократии. Меритократия (от лат. *meritus* достойный и греч. *krátos* власть), буквально, означает власть наиболее одарённых. Термин, введенный английским социологом Митчелом Янгом, на современном этапе характеризует систему, при которой положение человека в обществе определяется его способностями и заслугами, а не социальным положением. Вслед за Англией систему заслуг и достоинств «merit system» при формировании кадровой службы стали применять Соединенные

Штаты Америки. Закон «Pendleton Act», принятый Америкой в 1883 г., позволил ограничить практику «spoils system» (передачу федеральных должностей сторонникам партии, победившей на выборах). Теперь кандидаты отбирались с учетом их компетентности, невзирая на партийность, расу, цвет, религию, национальное происхождение, пол, семейное положение и возраст. Претенденты сдавали конкурсный экзамен, имеющий практический характер и дающий возможность выявлять способности к определенной службе. При отборе кадров никакие рекомендации со стороны сенатора или члена палаты не должны были учитываться.

На основе принципов меритократии принимают на работу в стране, где государственная служба считается одной из самых эффективных в Азии. Это Сингапур. Честность, прием на работу наиболее способных кандидатов и антикоррупционная дисциплина – фундамент административного сектора. Согласно рейтингу, опубликованному Transparency International в 2013 году, Сингапур как наименее коррумпированная страна вошла в число лидеров наряду с Новой Зеландией, Канадой, Австралией, Скандинавскими странами, Швейцарией. Государственная служба Сингапура нейтральна и не вовлечена в политику. Эта традиция нейтральности была унаследована от британцев и позволяет обеспечить преемственность работы государственной службы во время политических изменений. Сингапур также первым в мире реализовал идею правительственного портала. Сервер поддерживает девять разделов: бизнес, оборона, образование, занятость, здравоохранение, жилье, правопорядок и т.д.

В нашем государстве электронное правительство (e.gov) было создано в 2005 году. Информационные услуги существенно упростили и ускорили процедуры получения справок, свидетельств, разрешительных документов и производства платежей. Повысилось не только качество государственных услуг, но и доверие граждан к государству. Инновационной является и система «е-кызмет», пилотный проект которой планируется запустить в 2015 году. Новая коммуникационная технология позволит осуществлять более эффективное управление кадровыми ресурсами. В режиме онлайн будет доступна полная кадровая информация о госслужащих центрального и регионального уровней. Через систему «е-кызмет» чиновники смогут ознакомиться с необходимыми документами, получить поручение и даже пройти тест на подтверждение квалификации.

Реформирование государственной службы, как показывает практика, требует сильной политической воли руководства страны. В Стратегии

«Казахстан 2050» модернизации государственной службы отведена важная роль. Президент отмечает, что подписанный им закон о новой системе госслужбы обеспечивает усиление антикоррупционных мер, повышение прозрачности отбора госслужащих, продвижение лучших кадров по принципу меритократии. Изменения и дополнения, внесенные в 2012 году в закон Республики Казахстан «О государственной службе» нацелены на устранение системных проблем в работе государственных структур, в частности касающихся двойного толкования должностных обязанностей госслужащих; подбора и расстановки кадров по признакам родства, землячества и личной преданности; соблюдения госслужащими норм этики.

Казахстан, с учетом мирового опыта, формирует собственную структуру государственной службы, построенную на синтезе позиционной и карьерной моделей. Карьерная модель характерна для таких стран, как Германия, Япония, Франция, где идет карьерный рост с низшей должности. Поступление на государственную службу происходит по конкурсному экзамену на основании принципа равенства всех кандидатов. Обязательными условиями при поступлении являются наличие базового образования и специальное предварительное обучение. Таким образом, государственная служба основана на карьерном росте, основным принципом которой является «посвящение себя службе государству».

Позиционная модель функционирует в США, Канаде, Британии, в этих странах на госслужбу можно поступать с позицией выше, извне госслужбы. Основной характеристикой модели является акцент на концепцию Нового государственного менеджмента (New public management) и систему оценки качества и результативности работы. В то же время англо-саксонская система продвижения по службе отличается жесткостью на всех уровнях. Вся система приема, обучения и продвижения по службе организована так, чтобы создать тип профессионального управленца, администратора широкого профиля - дженералиста.

По примеру Сингапура отечественная государственная служба разграничена на политическую и административную. Политические служащие ответственны за формирование политики. Профессиональные административные государственные служащие - за ее реализацию. При этом, административная государственная служба состоит из двух корпусов. Корпус «А» - профессиональные государственные менеджеры (ответственный секретарь госорганов, председатели комитет, городские, сельские и районные акимы). Этот корпус является активным звеном

между принятием стратегических решений и их непосредственным исполнением. Корпус «Б» - остальные государственные служащие, осуществляющие деятельность на постоянной профессиональной основе.

Еще одним новшеством является переименование кадровой службы в службу управления персоналом. Опыт частных компаний показал, что акцентирование внимания на персонале, отбор и продвижение наиболее компетентных и заинтересованных в работе сотрудников, их мотивация являются залогом успеха бизнеса. HR менеджмент может кардинально изменить облик государственной службы. Продуманная кадровая политика позволит создать сильный, профессиональный кадровый корпус, отвечающий современным социально-политическим требованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственной службе: Закон Республики Казахстан № 453 от 23 июля 1999 г. // [Электронный ресурс] // Электронное Правительство Республики Казахстан. – Режим доступа: www.egov.kz.
2. И.А. Черных «Казахстан в 2013 году: актуальные вопросы развития страны через призму общественного мнения»: КИСИ при президенте РК, Алматы 2014 г.
3. Ю. Магер «Внедряя принцип меритократии», Казахстанская правда №319 (27593) 20.11.2013 г.

Перспективы применения электронного голосования в РК: вызовы и возможности реализации

М. КАСЕН

Особое влияние на процесс общей демократизации и развитие политической системы в Республике Казахстан оказало применение в 2004-2011 годах электронного голосования. В этой связи представляется целесообразным анализ тех причин, которые привели к отказу от дальнейшего применения этой технологии в избирательной системе страны, и исследовать потенциальные политические и технологические вызовы, связанные с возможным применением этого политического института в будущем. При этом положительные результаты в этой области будут достигнуты только при разработке продуманной процедуры внедрения нововведения, где ключевым вопросом является дальнейшее совершенствование имеющихся систем электронного голосования и решение тех принципиальных вопросов, которые делают этот институт избирательной системы весьма противоречивым с политической точки зрения.

Как показал отечественный опыт применения электронного голосования, внедрение информационных систем в политическую систему – это весьма долгий и сложный организационный и технологический процесс. Это не только развитие необходимой инфраструктуры, а именно, наличие оборудования и квалифицированного персонала, но и подготовка соответствующей почвы для её внедрения в политическую практику: организационно-методологическая основа, материальные и людские ресурсы.

В этой связи, анализируя механизм реализации активного избирательного права при помощи электронных способов можно прийти к выводу, что существует два принципа работы нового механизма электронного голосования, которые зависят от того, как государство относится к вопросам хранения и безопасности персональных данных.

В первом случае, существует полный контроль над сохранностью информации об итогах голосования. Поэтому имеется возможность уз-

нать о политическом выборе того или иного гражданина. В этой связи прозрачность выборов обеспечена, так как население и наблюдатели могут позднее проверить правильность учета политического выбора на итоговых листах.

Во втором случае, с целью избежать нарушения принципа тайны голосования, подсчитывается только общее количество поданных голосов, где, как и при обычном бумажном голосовании, в бюллетене не указывается фамилия. Однако и здесь существует проблема, так как теоретически нельзя исключить возможности манипулирования голосами избирателей.

Таким образом, логически две модели голосования противоречат друг другу. *При этом, можно выделить три группы вопросов: технологические, юридические и психологические.*

Во-первых, два вышеприведенных принципа работы электронного голосования заключают в себе потенциальную проблему. Как и в любом проекте, данная инновация, наравне с очевидными плюсами, имеет и определенные недостатки, которые являются своеобразной компенсацией за преимущества. В случае с электронной избирательной системой, эти недостатки носят не столько технический оттенок, сколько правовой, поскольку существует проблема обеспечения технической процедуры, безупречной с юридической точки зрения и, таким образом, законодательного закрепления применения новых технологий в избирательном процессе.

Однако наиболее важным является влияние этих факторов на политическое поведение граждан, а именно на процесс политического волеизъявления населения в связи с тем, что у рядового избирателя возникает определенное опасение, что его политическое мнение может быть документально зафиксировано.

Естественно, развеять эти опасения можно при помощи обеспечения тайны голосования. Однако в этом случае со стороны населения также может возникнуть недоверие к новой системе голосования и, как результат, низкая электоральная активность граждан, так как существует теоретическая возможность изменения итогов голосования. То есть пока риск манипулирования голосами избирателей более реален при электронном голосовании, чем при традиционной системе.

Вышеупомянутые три комплекса вопросов логически можно приписать ко всем современным системам электронного голосования.

Анализ мирового опыта свидетельствует о том, что большинство развитых государств мира, имеющие необходимую инфраструктуру, используют новую избирательную технологию только в основном на местном уровне - муниципальных и районных выборах, а также в ад-

министративной процедуре голосования внутри самих государственных органов, особенно, в представительских органах.

Осторожность и даже определенная нерешительность по широкомасштабному применению электронного способа голосования связана именно с нерешенностью юридических проблем. Однако ситуация может быть в корне изменена уже в ближайшее время, поскольку стремительное развитие новых технологий дает все основания повысить безопасность хранения и передачи данных, то есть результатов голосования. Таким образом, решение этих вопросов позволит полностью перейти на электронное голосование.

Этим объясняется тот факт, что в 2011 году Казахстан отказался от дальнейшего использования этой технологии в политической системе [1], по крайней мере, пока не будут разработаны более эффективные с юридической и технологической точки зрения методы работы с ней, которые будут политически одобрены гражданским обществом [2]. Необходимо отметить, что с 2004 года на протяжении нескольких лет Казахстан вполне успешно применял на практике механизм работы электронного голосования и даже прилагал большие усилия по совершенствованию данной технологии с учетом реалий развития политических институтов в стране. Например, казахстанская модель электронного голосования «Сайлау» использовалась на всенародных голосованиях: выборах депутатов парламента в 2004 и 2007 годах и на президентских выборах 4 декабря 2005 года. За короткий промежуток времени система прошла этап модификации и усовершенствования. Это коснулось как самого оборудования, так и процедуры электронного волеизъявления.

Технология, как и во всем мире, в республике внедрялась поэтапно. Большинство населения голосовало традиционным бумажным способом. Если, к примеру, на выборах в сентябре 2004 года электронным голосованием было охвачено около 10 % избирательных участков, то на президентских выборах более 15 % участков были оснащены оборудованием для электронного голосования. Избирательные участки, оснащенные этой технологией, преимущественно были расположены в крупных городах. Это объяснялось наличием более развитой инфраструктуры, в том числе и в области информационных технологий, так как существует меньшая вероятность сбоев в работе участковой избирательной комиссии, например из-за отключения электроэнергии.

То есть одним из преград полного перехода к новой избирательной технологии было неравномерность развития информационной инфраструктуры в стране. В этой связи, если данная технология будет применена снова, было бы полезным применить опыт Финляндии и Канады в этом вопросе. Эти страны, как и Казахстан, обладают большой террито-

рией, но малочисленным населением. Поэтому власти уделяют особое внимание равномерному развитию инфраструктуры всех регионов. Это позволило с успехом внедрить новые технологии в системе государственного управления. Более того, новые технологии позволили существенно сократить материальные расходы во время выборов в этих государствах.

Однако, как показывает анализ мирового опыта применения электронного голосования, больших успехов в процессе внедрения данной технологии добиваются небольшие страны. Например, значительных успехов в этой области добилась Эстония [3]. Также довольно успешно развивает свои системы электронного голосования Ирландия [4]. Объясняется этот тем, что переход на новую избирательную технологию проходит быстрее и эффективнее в небольших государствах, как с организационной, так и с экономической точки зрения.

Таким образом, немаловажным моментом является способность правительства приспособить универсальные по своей сути технологии к местным условиям. Механизм работы электронной системы голосования совершенствуется с каждым годом. Поэтому процесс модификации будет проходить по-разному. Многое в этом вопросе зависит от политического, экономического и культурного развития государства. Не последнюю роль в этом вопросе играет уровень развития гражданского общества и демократии.

В этой связи необходимо отметить, что Казахстан также перед началом применения механизма электронного голосования подготовил необходимую законодательную основу для этого. Например, было принято несколько нормативных документов, которые регулируют процесс электронного голосования: инструкции Центральной избирательной комиссии, постановления Правительства, указы Президента Республики Казахстан. Однако ключевым юридическим инструментом, который определяет работу электронного голосования, является Конституционный Закон «О выборах». Учитывая возможные перспективы дальнейшего использования этой технологии в Казахстане, целесообразным представляется разработка Закона «Об электронном голосовании».

Анализируя вопрос с обеспечением информационной безопасности вокруг использования института электронного голосования, также нужно отметить, что защита от манипуляции извне или отказ оборудования практически гарантируется. В Казахстане электронная защита оборудования соответствует уровню С-3. Точно такая же система защиты данных используется в Национальном банке Казахстана. Существовала система резервного копирования данных и вся информация, передаваемая через информационные каналы в ЦИК, была закодированной. Однако система электронного голосования в Казахстане использовала для передачи

данных обычную телекоммуникационную связь, которая не отличается достаточной информационной безопасностью, что может привести к сбоям в работе.

Хотя электронное голосование применяется частично во многих странах мира, это еще очень молодая область электоральной политологии. Во всех современных системах электронного голосования самая слабая сторона – недостаточная транспарентность самого механизма работы.

Однако развитие новых технологий и внедрение их в избирательный процесс может уже в скором времени предложить несколько преимуществ. Во-первых, может ускорить процесс подсчета голосов, помочь избирателю избежать случайной порчи избирательного бюллетеня, дает возможность избирателю голосовать с любой точки земного шара, что невозможно при традиционном голосовании. *Но к каким угрозам в перспективе могут привести недоработки в процессе внедрения и использования системы электронного голосования?* Рассмотрим возможные технологические, и связанные с этим юридические и политические вызовы непродуманной организации электронного голосования.

Вначале нужно отметить, что внедрение информационных технологий в политическую практику, несмотря на большие преимущества, может привести к снижению прозрачности политически процессов. В этой связи, нельзя не упомянуть и о человеческом факторе. Специалист, работающий с оборудованием, теоретически может повлиять на ход и результаты голосования.

Кроме того, важным элементом независимой оценки и наблюдения за выборами является, наряду с деятельностью СМИ, и институт международных наблюдателей.

Анализируя мнения наблюдателей по выборам 2004 года, необходимо отметить, что в целом они были положительными. Практически всеми была отмечена смелость и решительность Казахстана в вопросе внедрения электронного голосования.

В механизме работы модели электронного голосования на президентских выборах 2005 года были учтены минусы недоработки предыдущей системы «Сайлау». Обновленная модель, по мнению Центральной Избирательной Комиссии Казахстана, соответствовала всем стандартам применения электронного голосования, принятым в странах Европейского союза.

Главным отличием электронной системы голосования на президентских выборах 4 декабря 2005 года стал тот факт, что основным элементом механизма голосования стал не терминал (портативный пульт), считывающий штрих-код, а электронная карта избирателя. Эта карточка считывается специальным устройством точно также как на

таксофоне. Однако вместо номера на сенсорном экране высвечивается список кандидатов. Еще одним отличием было применение штрих-кодов на удостоверениях личности лишь для регистрации избирателей.

Причина отказа от пульта для голосования заключается в том, что избиратель часто путал кнопки на пульте. Кроме того, иногда плохо считывались штрих-коды.

Во всем остальном новая система «Сайлау» напоминала механизм электронного голосования предыдущего года. Передача данных также осуществлялась через обычные телекоммуникационные линии.

В целом, стремительное распространение информационных и коммуникационных технологий во всех сферах общественной жизни республики является, несомненно, большим прогрессом, и, естественно, эта тенденция будет нарастать. Ярким примером является развитие электронного правительства в республике.

Однако бумажная система голосования пока удерживает за собой право основного инструмента избирательного процесса. Почему же при всех преимуществах электронной системы голосования она так медленно внедряется?

Сегодня самым большим плюсом бумажной системы голосования является прозрачность процесса. Избиратели могут быть уверены, что их голос засчитан правильно и вся система работает прозрачно, так как любая стадия избирательного процесса открыта и доступна для осмотра.

В то же время электронная система голосования пока не может гарантировать полной прозрачности всего процесса. Механизм работы современных компьютеров таков, что процессы его внутренней работы во время обработки и подсчета голосов на избирательном участке скрытны и объективно недоступны для непосредственного осмотра. К примеру, после того как избиратель сделал свой выбор электронным путем, уже невозможно объективно пронаблюдать, что сделает компьютер с данными. Даже если и произойдет какая-нибудь ошибка случайная или преднамеренная в процессе обработки или подсчета голосов никто об этом не узнает, кроме небольшой группы специалистов-компьютерщиков, а в некоторых случаях кроме одного разработчика программного обеспечения для машины электронного голосования.

Переход к электронному голосованию приводит к тому, что избиратель теряет чувство уверенности, что его голос будет засчитан правильно. Так как электронная система голосования с технологической точки зрения еще не гарантирует полной безопасности и безупречности хранения и обработки данных с голосами избирателей.

Как ни парадоксально, но такое технологически развитое государство мира как Япония не стремится занять первые позиции в вопросе вне-

дрения новых информационных технологий в избирательный процесс. Если в экономике активно применяются новые технологии, то сфера политического более консервативна. Анализ системы государственного управления этой страны показывает, что новые технологии используются в основном для оказания информационных услуг населению, а также для облегчения работы самих государственных учреждений (к примеру, рассылки SMS – сообщений во время стихийных бедствий, электронное делопроизводство и т.п.).

Анализируя практику внедрения новой технологии можно прийти к выводу, что многие правительства развивающихся стран рассматривают применение развитыми государствами электронной системы голосования как хороший стимул и для внедрения этой инновации на своей территории, забывая, что это пока очень новая технология. Поэтому, единственной основой для кредитоспособности этой системы среди населения пока является только развитая демократия и высокая политическая культура, чувство ответственности и законопослушность у большинства населения.

В любом государстве ни институт наблюдателей, ни общественный контроль не в состоянии полностью проконтролировать выполнение машинного кода компьютера и, таким образом, проследить за всем процессом электронного голосования. То есть решение этого вопроса требует комплексного подхода, в котором обеспечение политического доверия со стороны гражданского общества – это ключевой фактор успеха.

К сожалению, при классической системе электронного голосования всегда остается неуверенность в точности и безупречности ее работы. Поэтому наиболее важным и решающим для возможного применения в будущем электронного голосования в Республике Казахстан является развитие традиционных демократических институтов, несмотря на давление исходящее от информационной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОБСЕ приветствует решение Казахстана не использовать систему электронного голосования на предстоящих выборах. Интерфакс-Азербайджан. 28 февраля 2011 г. // <http://interfax.az/view/458542>

2. Система «Сайлау» может вернуться на избирательные участки во время других кампаний – ЦИК. ИА Новости-Казахстан. 2 апреля 2011 г. // <http://www.newskaz.ru/politics/20110402/1288050.html>

3. Lember, V., & Kalvet, T. (2014). Estonia. In *Public Procurement, Innovation and Policy* (pp. 127-149). Springer Berlin Heidelberg.

4. MacNamara, D., Carmody, F., Scully, T., Oakley, K., Quane, E., & Gibson, P. (2010). Dual vote: A novel user interface for e-voting systems. In *Proceedings of the IADIS International Conference on Interfaces and Human Computer Interaction* (pp. 129-138).

Патриотизм в системе общеказахстанских ценностей: *политологический анализ*

В.Х. БАЙМУРЗАЕВА

Патриотизм — особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям. Понятие «Родина» формируется в сознании человека на основе чувства сопричастности к родному дому, городу/селу, определенному кругу людей, а также к системе ценностей и идеалов общества. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификацию себя с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа.

Проблема патриотизма является предметом исследования в различных областях социогуманитарного знания, в том числе, и в политической психологии, в политической аксиологии. Как чувство любви к Родине, патриотизм связан с глубинными пластами человеческой психики, с архетипами бессознательного, с архетипом матери. Патриотизм имеет значимость, высоко оценивается в общественном сознании, т.е. является ценностью именно потому, что ценность объекта патриотизма – Родины - общепризнана и безусловна.

Ценность - это то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением. Ценность – термин, используемый в социогуманитарном знании для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающий к миру должного, целевого, смысловому основанию, Абсолюту. Ценности трактуются как «порождаемые культурой и (или) задаваемые трансцендентно содержания, вплетаемые в изменчивое многообразие социальной жизни как её инварианты, позволяющие: связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее); семиотизировать пространства человеческой жизни, наделяя все элементы в нём аксиологической значимостью; задавать системы приоритетов, способы

социального признания, критерии оценок; строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывать смыслы» [1, 798].

Так, общечеловеческие политические ценности - право на жизнь, право на счастье, свобода, социальная справедливость во всех сферах, участие в управлении государствами и общественными делами, сохранение мира, природы, культуры и другие. К общеказахстанским ценностям относят свободный выбор своей собственной судьбы, сопричастность к строительству нового государства, совместную ответственность за судьбу страны и будущих поколений ее граждан, что внутренне связано с патриотизмом.

Патриотизм определяется и как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием, которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает ответственность за судьбу Родины, за ее свободу и независимость. В этом состоит ценностная сторона патриотизма. В условиях образования наций и образования национальных государств патриотизм становится составной частью общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в его развитии.

Хотя представления о патриотизме связаны с трепетным отношением к Родине, но представления о сущности патриотизма у разных людей разные. В зависимости от того, на что направлен патриотизм, выделяют такие формы патриотизма, как **полисный, имперский, этнический, государственный**.

В политологическом анализе патриотизма как ценности, на наш взгляд, внимание акцентируется на политико-культурном аспекте отношения человека к отечеству. Это связано с исследованием политической культуры общества, массового и индивидуального политического сознания, политической психологии, политической и гражданской идентичности. *Политическая культура* представляет собой систему исторически сложившихся, относительно устойчивых, воплощающих опыт предшествующих поколений людей, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в деятельности субъектов политического процесса, и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности.

Гражданская идентичность, которая означает осознание индивидом своей принадлежности к государству, внутренне связана с патриотизмом. Высшей ценностью Республика Казахстан признала человека, его жизнь, свободу и неотъемлемые права. Именно это положение является

основой появления глубокой психологической связи между гражданином и государством – гражданской идентичности. Она проявляется в чувстве патриотизма. Это глубокое социально-психологическое чувство граждан республики, обусловленное генетической, исторической и правовой связью с Казахстаном, чувство, выражающее их отношение к Казахстану как своей Родине, уважение и любовь к которой они непосредственно проявляют в своих делах и поступках на благо ее развития и приумножения авторитета в мировом сообществе.

Как отмечает Амандыкова С.К., «в настоящее время казахстанский патриотизм представляет собой один из основополагающих принципов существования и развития Республики Казахстан. Обязательными элементами казахстанского патриотизма являются:

- бережное и уважительное отношение к истории своего народа, которое находит проявление в заботе о сохранности памятников культуры и истории (ст.37 Конституции РК);
- бережное отношение к природным богатствам нашей страны;
- чувство любви к Родине, преданности;
- осознание общности интересов людей различных национальностей;
- новое гражданское мышление, свободное от национального нигилизма;
- миролюбивый характер взаимоотношений граждан республики в отношении соседних стран и внешней интеграционной политики государства Казахстан» [2].

Формула патриотизма, по мнению М. Сейтенова, - «чувство общегосударственной сопричастности, гражданской ответственности и гражданского долга перед своей страной, толерантность, выражаемая пониманием и принятием культуры всех этносов Казахстана и мира» [3].

Политическая идентичность есть поддержка существующей власти, совокупности способов и средств ее осуществления - политического режима, что тоже имеет непосредственное отношение к патриотизму. Следовательно, для формирования патриотизма имеет значение и политика государства, взаимоотношения человека и власти.

Как показывает сравнительный анализ результатов социологических опросов, отношение казахстанского населения к патриотизму как к ценности меняется в позитивном направлении. Например, в 90-х гг. XX в., по данным социологических исследований, проведенных учеными Института философии и политологии в г. Алматы, патриотизм занял шестнадцатое место в системе повседневных ценностей (0,7 %). Первые пять позиций (по степени убывания приоритетности, выраженной в процентах) заняли такие ценности, как: семья, жизнь, благополучие,

деньги, совесть (18,8% - 7,4 %); во втором ряду заняли свое место такие пять позиций, как: труд, личное достоинство, свобода, безопасность, нравственность (6,6% - 4,9 %); в третьем ряду расположились такие пять позиций как: законность, независимость, духовность, равенство, демократия (3,9% - 1,0%) [4].

Экономические трудности (особенно в первые годы реформ) стимулировали эмиграционные настроения среди населения. С 1989 по 1999 годы население Казахстана сократилось с 16,46 млн. человек до 14,95 млн. человек (или 1,51 млн. человек). Процессы эмиграции, а также этническая специфика естественного прироста изменили этнический состав населения. С 1989 по 1999 годы наблюдалось значительное снижение численности европейцев: немцев - на 2,6 раза; русских - на 1,3 раза; украинцев - на 1,6 раза; белорусов - на 1,5 раза.

Наибольший показатель эмиграции приходится на 1994 год, за которым следует стабилизация миграционных процессов. В результате миграции Казахстан покинули люди преимущественно активного трудоспособного возраста (30 - 45 лет). Следствием этого стало старение населения, снижение рождаемости и рост смертности. Миграция населения, а также негативные демографические процессы обусловили отрицательный естественный прирост у представителей славянских народов: русских, украинцев, белорусов. Некоторое снижение естественного прироста наблюдалось у всех этнических групп.

В мае 1992 г. Президент Н.А. Назарбаев изложил основные направления реформы в обобщающей статье «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» [5]. В середине 1994 г. правительство Республики Казахстан приняло «Программу действий правительства по углублению реформ и выводу из экономического кризиса» сроком до 1996 г. Затем эта программа была продолжена на последующий период в виде «Среднесрочной программы экономических реформ в Казахстане на 1996—1998 гг.» и «Программы правительства до 2000 г.».

Сроки перехода Казахстана к новому состоянию были конкретизированы в программе «Казахстан—2030», где были выделены следующие семь долгосрочных приоритетов [6]:

- национальная безопасность;
- внутривнутриполитическая стабильность и консолидация общества;
- экономический рост, базирующийся на развитой рыночной экономике с высоким уровнем иностранных инвестиций. Этот приоритет в первую очередь связан с принципом ограниченного вмешательства государства в экономику при его активной роли;

- здоровье, образование и благополучие граждан Казахстана;
- энергетические ресурсы;
- инфраструктура, в особенности транспорт и связь;
- профессиональное государство, ограниченное до основных функций.

Одновременно с выдвижением и реализацией указанных приоритетов было осуществлено их правовое обеспечение Конституцией РК, Конституционными Законами РК, Указами Президента РК, имеющими силу конституционных законов.

Успешность реализованной на сегодняшний день политики, в первую очередь, обусловлена тем, что с самого начала приоритетным было определено формирование экономической основы нового независимого государства, были заложены основы казахстанской модели государства «от экономики к политике». Выбор нашим государством после обретения независимости модели политического развития «от экономики к политике» оказался верным.

По результатам социологического исследования на тему:

«Патриотизм и гражданственность населения Акмолинской области», проведенного в апреле 2012 г. Управлением внутренней политики области в г.Кокшетау, г.Степногорск и 17 районах, патриотизм как ценность в глазах населения переместился на десятое место (по сравнению с шестнадцатым местом, по результатам социологического опроса в Алматы в 90-х гг. XX в). Доминанту жизненных ценностей и приоритетов составляют личное благополучие (здоровье – 67%, семья – 61%), материальный достаток - 49%.

Во второй группе оказались ценности: справедливость (44%), дружба (29%), законность (27%), права человека (26%), безопасность (21%), успешная карьера (21%), патриотизм (20%).

Минимальное количество «голосов» получили такие ценности как духовность (10%), творческая самореализация (8,3%), власть (6,3%), общественное признание (5,6%) [7,2].

Целью исследования было определение доминирующих ценностей акмолинцев для того, чтобы обозначить место патриотических установок в рейтинге ценностных ориентаций населения региона. Из полученных данных следует, что приоритетными в системе общеказахстанских ценностей являются повседневные жизненные ценности, а патриотизм располагается во втором ряду ценностей.

Современный этап развития политического процесса в Республике Казахстан характеризуется доминированием социально-экономической парадигмы. По мере углубления процесса модернизации в Республике

Казахстан становится ясным, что социально-экономические параметры развития являются не только перспективной целью политических реформ, но и обладают значительным интегрирующим и консолидирующим потенциалом как инструментальная ценность в политике. Ценности, которые воспринимались и трактовались в ракурсе традиционной прагматики как сугубо экономические и социальные, в свете новых приоритетов государственной политики приобрели ярко выраженную политическую ориентацию.

Подавляющее большинство (92%) опрошенных акмолинцев испытывают чувство гордости за свою страну. В понимании акмолинцев истинный патриотизм заключается прежде всего в уважении традиций (44%); в укреплении семьи и воспитании (36%); в работе с полной отдачей (35%) [7, 5].

У большей половины (53%) опрошенных жителей области поводом для гордости за свою страну является внешняя и внутренняя политика, проводимая Президентом РК, Лидером нации Н.А.Назарбаевым.

«Факт успешного построения Республики Казахстан как крупного евразийского государства является, бесспорно, свидетельством того, что за 20 лет Независимости патриотизм реализован на практике, что независимость и патриотизм неразделимы», - отмечает И.Корнилов [8].

Воспитание патриотизма является составной частью государственной политики, так как он имеет непосредственное отношение к укреплению национальной безопасности как приоритету в деятельности государства. Особого внимания заслуживает молодежь, потому что ей принадлежит будущее нашей страны. Ценностные ориентиры политического сознания молодого поколения больше ориентированы на политический плюрализм при соблюдении демократических правил игры. Политическая апатия значительной части молодежи представляет собой форму дистанцирования от реальных процессов в политике. В то же время данная отчужденность может легко трансформироваться в активные формы политического участия путем самоорганизации, при этом эти организации, скорее всего, не будут носить политической направленности. В отношении основных идейно-политических течений молодежь склонна к либерально-демократическому направлению.

В ценностных ориентациях и в стремлении их реализации молодежь демонстрирует направление изменений ценностных систем поколения, выросшего в условиях рыночных реформ. Происходит слом коллективистско-патерналистского сознания и формирование индивидуалистического утилитарного сознания западного типа. Содержание

жизни современной молодежи определяется доминированием предикатов частной жизни. Ведущими факторами при этом выступают попытки упрочения своего положения, которые дополняются активным общением с друзьями, семейными проблемами и развлечением. Основной тип современной молодежи Казахстана очень близок по характеру своего досуга и предпочтений к стандартам жизни представителей среднего класса развитых стран.

Система патриотического воспитания в Республике Казахстан предусматривает: формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности и патриотизма в процессе обучения и воспитания в образовательных учреждениях всех типов и видов; проведение массовой политико-воспитательной работы в трудовых коллективах, армии, общественных организациях; осуществление деятельности средств массовой информации, направленной на анализ, изучение и освещение темы патриотического воспитания граждан.

Так, задачами Государственной программы патриотического воспитания граждан Республики Казахстан на 2006-2008 годы были:

- создание организационных предпосылок и системы мер, способствующих формированию у целевых групп граждан чувства осмысленной гражданской солидарности и сопричастности, межэтнического и межличностного взаимопонимания;
- обеспечение взаимодействия государства и общества в целом, государства и его граждан, в частности, при проведении комплекса мероприятий по воспитанию казахстанского патриотизма, толерантности, уважения к правам и свободам человека;
- создание условий и социальных предпосылок для формирования цивилизованных гражданских и межличностных отношений;
- содействие работе по воспитанию патриотизма через формирование позитивных моделей поведения и популяризацию образа героя нашего времени среди молодежи.

Особое значение в формировании патриотизма имеет изучение государственных символов Республики Казахстан, так как они являются источником создания положительного образа государства, предметом национальной гордости, служат объектом выражения патриотических чувств и волеизъявления. В 2007 году Президент нашей страны объявил 4 июня Днем государственных символов. Теперь ежегодно в этот день проводится Форум патриотов, в котором активно участвует молодежь.

По мнению опрошенного в 2012г. населения Акмолинской области области в деле гражданского и патриотического воспитания на первом плане стоит обучение основам политического образования (39%), затем -

развитие высокой социальной активности, гражданской ответственности, направленные на укрепление государства (37%) [7,6].

В рамках принятой Государственной программы патриотического воспитания граждан Республики Казахстан на 2006-2008 гг., для воспитания гражданского самосознания в различных целевых группах населения проводились дебаты по восприятию и осознанию значения национальной символики, формированию общих нравственных норм, таких, как честь, совесть, долг, ответственность за будущее страны.

Большое внимание патриотическому воспитанию уделено в новой Государственной программе развития образования на 2011–2020 годы. Как отмечает министр образования и науки РК Б. Жумагулов, «трудно переоценить роль в формировании патриотического сознания образования – от дошкольного до высшего и послевузовского. Уже сегодня практически в 50% учебных дисциплин учащиеся получают правовые, исторические, социально-культурные знания, навыки по формированию духовного потенциала, нравственности, любви к своему Отечеству» [9].

В связи с предстоящим переходом на 12-летнее среднее образование будут усилены нравственно-духовные, патриотические, гражданские аспекты содержания обучения и государственных стандартов образования. Предусмотрен переход от процесса познания патриотических ценностей к их воплощению в жизнь: участие молодежи в формировании и реализации программ и проектов, направленных на решение важнейших социальных вопросов.

Патриотизм молодежи проявился в реализации президентской программы «Жасыл ел»: обработано 77 тыс. гектаров земли и высажено более 40 млн. саженцев. Молодежь приняла также участие в реализации проекта «С дипломом – в село». За последние два года в сельские населенные пункты привлечены 9 055 педагогов, 640 работников культуры, 2 302 специалиста из числа врачей, фельдшеров и медсестер, 261 – организатор спортивных мероприятий, тренеров и преподавателей физкультуры, и 134 – системы социальной защиты населения.

Наблюдается рост числа молодых людей в представительной власти всех уровней – от районных и городских маслихатов до Парламента. На предстоящие годы поставлена задача довести долю молодежи, баллотирующейся в представительные органы, как минимум до 15%.

Доминирующим (86%) мнением опрошенных в апреле 2012г. акмолинцев является поддержка необходимости проведения мероприятий гражданско-патриотической направленности [7,6].

На молодежь Казахстана возлагается большая надежда в деле сохранения и продолжения традиции межнационального согласия и межрелигиозной толерантности в нашей стране.

В аксиологической парадигме политической культуры современного казахстанского общества можно выделить следующие основные элементы, в ряду которых занимает свое место и патриотизм как общекзахстанская ценность:

- особую ценностную иерархию, систему значимых материалистических и постматериалистических ценностей для решения жизненных задач казахстанцев. К материалистическим ценностям, согласно формулировке Р. Инглхардта, относятся предпочтения физической, психологической, экономической безопасности, материального благополучия. К постматериалистическим ценностям - подчеркнутое значение принадлежности к той или иной социальной группе, качество жизни, возможность самовыражения, эстетические мотивы, интеллектуальная самоактуализация;

- единый общий для эпохи достигнутой независимости символический ряд – набор ключевых слов: «суверенитет», «Президент РК», «Парламент РК», «многопартийность», «межэтническое согласие», «Ассамблея народов Казахстана»;

- парадигмальные (прецедентные или репрезентативные) тексты, выступающие ведущим мифом современной эпохи политического развития Казахстана: «Декларация независимости», «Казахстан-2030», «Доктрина национального единства»;

- наличие общей социокультурной эмоции, общего жизненного настроения казахстанцев: казахстанский патриотизм, межэтническое согласие, межконфессиональная толерантность.

Новые действенные установки в деле формирования патриотизма молодежи содержатся в работе Н.А. Назарбаева «Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда». Президент РК дал реалистичную оценку иллюзорным представлениям об обществе потребления, проявлениям социального инфантилизма в современном казахстанском обществе и призвал перейти к парадигме «Общества Всеобщего Труда». Конкретные поручения Президента исполнительным структурам, сделанные в этом контексте, выражают ориентиры на реальное укрепление системы общекзахстанских ценностей, в том числе и патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Новейший философский словарь / сост. Грицанов А.А.. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 2008. –896 с. –798.
- 2 Амандыкова С.К. Становление доктрины конституционализма в Казахстане. Караганда. Изд-во КарГУ, 2002. – 440 с.
- 3 Сейтенов М. Формирование казахстанского патриотизма <http://shimkent.info/25/01/2011г>.
- 4 Нурмуратов С.Е. Изменение ценностно-нормативных установок в полиэтнической культуре современного Казахстана //www.ca-c.org/datarus/nurmuratov.shtml
- 5 Назарбаев Н.А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства.- Алматы: Казахстан, 1992.
- 6 Казахстан – 2030. процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента страны народу Казахстана // <http://www.akorda.kz>
- 7 Информация по результатам социологического исследования на тему: «Патриотизм и гражданственность населения Акмолинской области» <http://uvp.akmol.kz/home/patriotizm>
- 8 Патриотизм в эпоху независимости // <http://kv.ucoz.kz/> /2011-11-01-8724
- 9 Жумагулов Б. Патриотизм – путеводная звезда молодых. Наша задача – дать поколению, устремленному в будущее, позитивные жизненные ориентиры, научить его гордиться своей страной <http://www.kazpravda.kz/c/1308098655>
- 10 Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда.10 июля 2012г. // <http://www.akorda.kz>

Влияние долговой проблемы развитых стран на казахстанскую экономику: *направления, потенциал*

В.Ю. ДОДОНОВ

Стабильность мировой финансовой системы в значительной мере базируется на состоянии ключевого ее звена — сбалансированности мировых резервных валют (представленных в первую очередь долларом США и евро), которая, в свою очередь, больше всего зависит от ситуации с долговым бременем стран-эмитентов. Эта зависимость определяется механизмом спроса на данные резервные валюты, формирующемся, прежде всего, за счет вложений в государственные долговые обязательства США и стран еврозоны, для покупки которых требуются соответственно доллары и евро. В свою очередь, неблагоприятное положение с государственным долгом и потенциальные кризисные явления в этой сфере способны спровоцировать дисбалансы спроса инвесторов, вкладывающихся в указанные долговые инструменты и, как следствие, понизить курсы валют, в которых эти инструменты деноминированы, повысить их доходность, а также вызвать общерыночную турбулентность глобального масштаба.

В связи с наличием отмеченной взаимосвязи особый интерес представляет текущая ситуация в области государственной задолженности ведущих эмитентов мировых резервных валют — США и ЕС. Эта ситуация поступательно ухудшалась на протяжении последних пяти лет — как в период кризиса, так и после его формального окончания. Несмотря на разные подходы к использованию государственных финансов в США и континентальной Европе (в США практиковалось накачивание экономики деньгами, а в еврозоне, напротив, — жесткая бюджетная экономия), в период с 2009 г. до настоящего времени практически у всех ведущих экономик мира, имеющих отношение к эмиссии резервных валют, заметно усилилось государственное долговое бремя.

Ухудшение ситуации с государственным долгом отмечалось не только в абсолютном выражении, что было особенно характерно для США, где за пятилетний период объем федерального долга вырос с 11,1 до 17,6 трлн долл. (рис. 1) — в 1,6 раза. Гораздо более серьезным является непрекращающийся рост и относительных параметров государственного долга США и еврозоны, в частности, отношение долга к ВВП, что свидетельствует о нарастающих системных проблемах в области длящегося уже около пяти лет долгового кризиса и растущей вероятности невозможности полноценного обслуживания развитыми странами своих долговых обязательств.

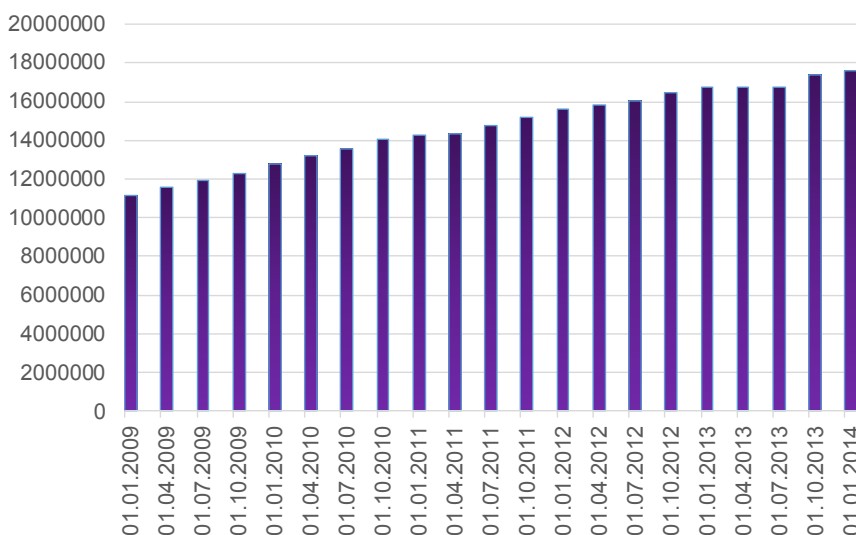

Рис. 1. Квартальная динамика увеличения федерального государственного долга США в 2009—2014 гг., млн долл.

Источник: Federal Debt: Total Public Debt, Millions of Dollars, Quarterly, Not Seasonally Adjusted. Federal Reserve Economic Data. Federal Reserve Bank of St. Louis // <http://research.stlouisfed.org>.

Так, ключевые европейские интеграционные объединения — ЕС и еврозона — на протяжении последних пяти лет увеличили относительные размеры государственного долга соответственно с 66 до 88% ВВП и

с 74 до 94% (рис. 2). Причем этот рост происходил практически на всем протяжении этого периода вне зависимости от изменений экономических условий (кризис, посткризисное восстановление) и особенностей экономической политики (период кризисной помощи, посткризисная жесткая экономия, запуск программ стимулирования в последние кварталы). Из крупных европейских экономик, у которых ситуация с государственным долгом стабилизировалась, можно выделить только Германию, где с 2011 г. происходит медленное сокращение соотношения госдолга и ВВП, однако, несмотря на ведущую роль германской экономики в еврозоне, этот позитивный тренд не в состоянии изменить общеевропейскую ситуацию с ухудшением долговой проблемы.

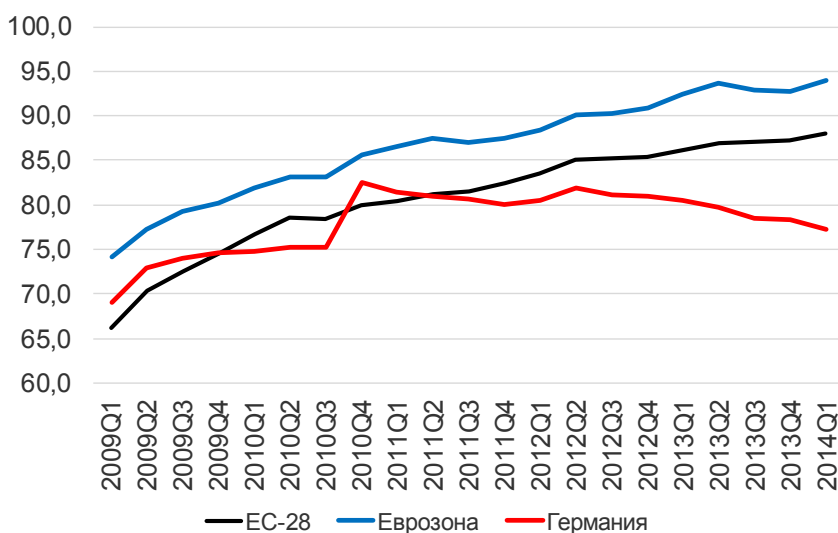

Рис. 2. Динамика относительного размера государственного долга ключевых европейских экономик в 2009—2014 гг., % относительно ВВП

Источник: Government consolidated gross debt. Government statistics. Eurostat // <http://epp.eurostat.ec.europa>.

Динамика относительных параметров государственного долга США еще хуже, чем в еврозоне — за тот же период с I квартала 2009 г. по I квартал 2014 г. федеральный долг вырос на треть — с 77 до 103% ВВП

(рис. 3). Текущие показатели федерального долга США аналогичны периоду Второй мировой войны и ранее в мирных условиях не наблюдались никогда, даже во время Великой депрессии, к концу которой на волне значительных расходов государства по поддержке экономики это соотношение существенно выросло и составляло около 40%.

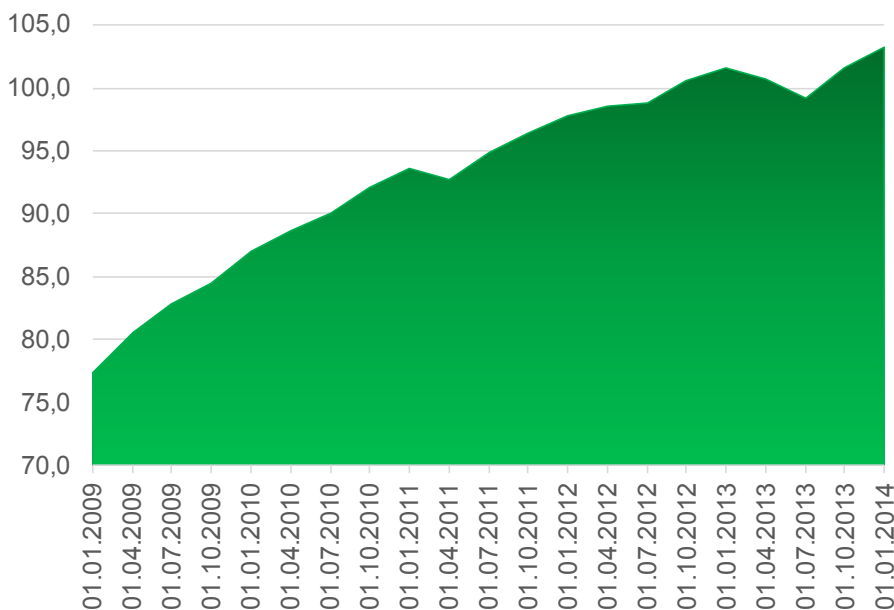

Рис. 3. Динамика размера федерального долга США относительно ВВП в 2009—2014 гг., %

Источник: Federal Debt: Total Public Debt as Percent of Gross Domestic Product, Percent of GDP, Quarterly, Seasonally Adjusted. Federal Reserve Economic Data. Federal Reserve Bank of St. Louis // <http://research.stlouisfed.org>.

Таким образом, текущая ситуация в области государственного долга США и еврозоны может характеризоваться как кризис, как минимум латентный, но имеющий очень значительный потенциал влияния на мировую экономику и, как следствие, на экономики других стран, особенно тех, которые сильно зависят от ситуации на мировых финансовых рынках (включая Казахстан, зависящий от цен на товарные активы).

Тот факт, что, несмотря на чрезвычайно высокие параметры абсолютного и относительного долга и его мизерную обеспеченность государственными резервами, фактический долговой кризис не перешел из латентной формы в открытую, объясняется спецификой современной

глобальной финансовой архитектуры, в частности такими ее чертами, как необходимость наличия так называемых «безрисковых» активов в лице государственных долговых обязательств развитых стран, неадекватная система инвестиционных критериев на базе рейтинговых оценок американских рейтинговых агентств, система мировых валютных резервов. Однако даже этой специфики было бы недостаточно для поглощения в колоссальных объемах новых эмиссий долговых обязательств США в условиях антикризисных вливаний ФРС в американскую экономику, поэтому в течение последних нескольких лет получила широкое распространение практика финансирования государственного долга за счет его приобретения центральными банками. Эта система характерна, прежде всего, для США, где ФРС резко наращивает свои вложения в государственные казначейские обязательства (т.е. центральный банк покупает облигации министерства финансов собственной страны, фактически эмитируя необеспеченные деньги), но и в Европе аналогичная практика набирает обороты.

Рис. 4. Сравнительная динамика относительных размеров федерального долга США, находящегося во владении иностранных держателей и федеральных резервных банков (ФРС), % относительно ВВП

Источник: Рассчитано согласно данным из следующих источников: *Federal Debt Held by Foreign & International Investors as Percent of Gross Domestic Product, Percent of GDP, Quarterly, Seasonally Adjusted; Federal Debt Held by Federal Reserve*

Banks as Percent of Gross Domestic Product, Percent of GDP, Quarterly, Seasonally Adjusted; Federal Debt Held by Federal Reserve Banks as Percent of Gross Domestic Product, Percent of GDP, Quarterly, Seasonally Adjusted; Federal Debt Held by Federal Reserve Banks as Percent of Gross Domestic Product, Percent of GDP, Quarterly, Seasonally Adjusted // <http://research.stlouisfed.org>.

Особенно явно эта тенденция проявилась в США в 2011 и в 2013 гг., причем в обоих случаях рост вложений ФРС в государственные бумаги сопровождался сокращением или стабилизацией аналогичного показателя для иностранных держателей американского госдолга (рис. 4). Это означает, что ФРС компенсирует своими покупками те объемы долговых эмиссий, на которые не находится достаточного спроса со стороны рынка. Учитывая, что доля государственных казначейских обязательств у ФРС увеличилась за последние пять лет в 4 раза (с 3,4 до 13,6% от общего количества), можно сделать вывод, что в течение этого периода спрос на долговые обязательства американского государства у рыночных инвесторов резко упал и необходимость финансирования все большей части государственных расходов покрывается покупками центрального банка страны. Это порочная практика, которая фактически является аналогом эмиссии денег для закрытия бюджетного дефицита и которую применительно к транзитным экономикам в 1990-е гг. осуждали все международные финансовые институты и иностранные консультанты, так как она ведет к росту инфляции и стагнации экономики. Однако в США и (в последнее время) в Европе эрзац этой практики в форме финансирования центральными банками своих же минфинов находит все большее применение.

Тем не менее даже в опосредованной форме финансирования государственных расходов (и долга в т.ч.) за счет центральных банков такая практика ведет к росту проблем как в экономике в целом, так и в системе государственных финансов. В частности, применительно к США рост финансирования госдолга со стороны ФРС сопровождается увеличением стоимости его обслуживания — повышением ставок по казначейским обязательствам. Всплески доходности наблюдались в те же периоды, когда отмечалось наращивание доли государственного долга во владении федеральных резервных банков — в конце 2010-го начале 2011 г. и в 2013 г. (рис. 5). Это закономерный итог эмиссии как необеспеченного долга, так и роста денежной массы в условиях экономической стагнации — у инвесторов отсутствует мотивация для покупки долговых бумаг в тех объемах, которые предлагаются Казначейством, что ведет к падению спроса на них и росту доходности.

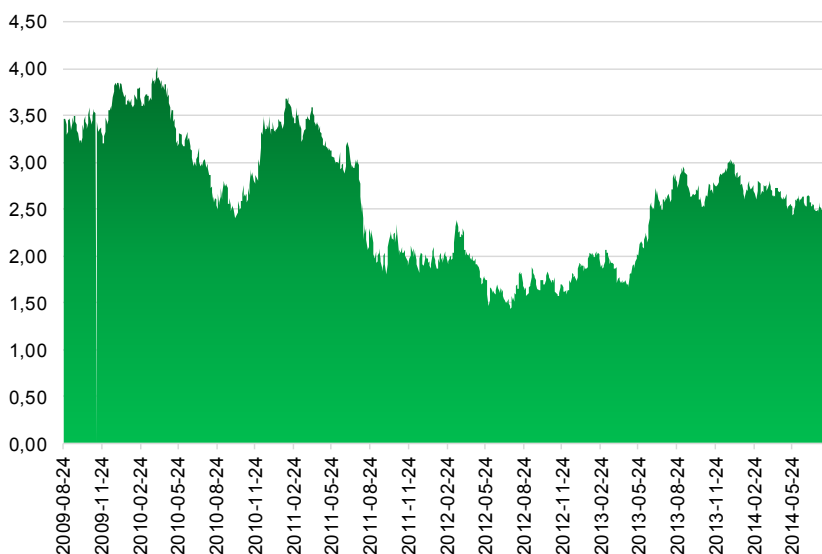

Рис. 5. Ставки доходности по 10-летним казначейским обязательствам США в 2009—2014 гг., % годовых

Источник: 10-Year Treasury Constant Maturity Rate, Percent, Daily, Not Seasonally Adjusted. Federal Reserve Economic Data. Federal Reserve Bank of St. Louis // <http://research.stlouisfed.org>.

Рост доходности же американских государственных облигаций, особенно в условиях сворачивания монетарных стимулов и перспективы повышения ставок ФРС, порождает новые проблемы в американском финансовом секторе. Прежде всего, затрудняется процесс текущих выплат по государственному долгу за счет роста стоимости его обслуживания, что ведет, среди прочего, к новому витку увеличения абсолютных объемов задолженности (чем выше проценты по новым займам, тем больший их объем требуется для погашения предыдущих). Осложняется положение корпоративных заемщиков, которые в период действия программ монетарного стимулирования привыкли к очень низким ставкам и успели набрать много долгов, рефинансирование которых теперь придется осуществлять на худших условиях и за большие деньги. Этот процесс особенно тяжело будет проходить для банковского сектора в силу специфики бизнеса, предполагающего аккуратную балансировку активов

и пассивов, в которой любое резкое изменение внешней среды может стать драйвером сильной дестабилизации. Наконец, рост стоимости заимствования негативно отразится и на долгах домохозяйств, расходы которых являются базисом роста американской экономики.

Все указанные последствия роста стоимости заимствований на денежном рынке США, которые будут результатом как текущей политики резкого наращивания госдолга, так и ожидаемой в 2015 г. смены курса ФРС и повышения ей учетных ставок, могут оказать серьезное негативное влияние на мировую экономику, включая экономику Казахстана, отличающуюся высокой зависимостью от внешних шоков. Влияние негативного развития ситуации с американскими и европейскими государственными долгами на экономику Казахстана может осуществляться по следующим основным каналам:

Негативное влияние мирового кризиса, который может возникнуть вследствие нарастания долговой проблемы США и ЕС.

Переоценка стоимости в сторону уменьшения активов Национального банка и Национального фонда, вложенных в государственные облигации США и еврозоны, вследствие роста доходности последних и снижения цены.

Курсовые потери на этих же активах в случае снижения курсов доллара и евро.

Возможность потери части национальных резервов в случае резкой эскалации долговой проблемы США и государств еврозоны вплоть до частичного дефолта этих эмитентов по своим долговым обязательствам.

Первое из указанных направлений не нуждается в дополнительном раскрытии, так как проблемы, которые возникнут у казахстанской экономики в случае возникновения нового мирового финансового кризиса, известны по опыту 2007—2009 гг. так же, как и методы борьбы с ними. Новый обвал мировых рынков приведет к падению цен на нефть и иные товары казахстанского экспорта, затруднит внешнее фондирование и рефинансирование займов корпоративного сектора, усилит давление на тенге с последующей девальвацией, вызовет проблемы в бюджетном процессе и замедлит макроэкономическую динамику.

Однако возможны обострения ситуации по линии проблем с государственным долгом США и ЕС и без возникновения полномасштабного глобального кризиса. Такие обострения могут влиять на казахстанские экономические интересы по линии второго и третьего из приведенных выше направлений, тогда как четвертое является крайним и скорее

гипотетическим сценарием (впрочем, фактический дефолт отдельных государств еврозоны вполне реален в случае нового витка экономических проблем). Тем не менее даже фрагментарное влияние долговых проблем на казахстанскую экономику в рамках второго и третьего направлений может быть достаточно болезненным, так как будет затрагивать такой важнейший параметр, как международные резервы Национального банка и через них — курс тенге.

Финансовые активы, в которых хранятся резервы Национального банка и Национального фонда, периодически переоцениваются в соответствии с изменением их текущей рыночной стоимости и подвижками цен государственных долговых обязательств США и ЕС, которые происходят в том числе по причине обострения долговых проблем и выражаются в росте доходности (см. приведенный выше рис. 5) и снижении цен данных облигаций, что ведет к уменьшению размера международных резервов НБ и НФ. Для резервов Национального банка такие движения цен активов особенно чувствительны, так как участники рынка судят о перспективах курса тенге в значительной мере по размеру резервов и воспринимают их уменьшение как сигнал о возможной девальвации. Это ведет к росту соответствующих настроений на рынке, росту спроса на валюту и дисбалансам на валютных торгах, что, в свою очередь, вынуждает Национальный банк выходить на рынок с интервенциями и тратить часть резервов на поддержание стабильности курса даже в условиях, когда реальных предпосылок для его ослабления нет. То есть скачки доходности государственных облигаций на финансовых рынках США и Европы могут выражаться во вполне осязаемых потерях для Национального банка РК на казахстанском валютном рынке.

Учитывая, что большая часть резервов Национального банка деноминирована в долларах США (табл. 1), скачки доходности американских бумаг могут достаточно существенно влиять на размер резервов НБ (что само по себе является негативом) и порождать искаженные ожидания участников рынка относительно перспектив курса тенге, которые в конечном итоге будут выливаться в непосредственное расходование резервов посредством стабилизационных интервенций (еще больший негатив). Аналогичным образом на размер резервов влияют и изменения цен государственных облигаций других стран, входящих в состав этих резервов, — государств еврозоны, Великобритании, Японии и пр.

Табл. 1. Валютная структура финансовых активов Национального банка РК, имеющих в наличии для продажи в 2012—2013 гг.

	2013 г. тыс. тенге Балансовая стоимость	Средняя эффективная ставка вознаграждения, %	2012 г. тыс. тенге Балансовая стоимость	Средняя эффективная ставка вознаграждения, %
Финансовые активы, имеющиеся в наличии для продажи				
- в долларах США	844,926,532	0.57	787,703,941	0.62
- в тенге	462,954,983	5.58	249,776,587	5.21
- в евро	337,718,461	2.19	644,570,647	0.96
- в фунтах стерлингах	132,624,868	2.82	221,828,586	0.74
- в японских иенах	111,259,084	0.98	193,150,333	0.17
- в корейских вонах	66,950,546	3.43	117,771,714	3.29
- в канадских долларах	64,149,869	1.51	110,231,913	1.26
- в австралийских долларах	63,402,256	5.18	111,630,975	3.13
- в гонконгских долларах	38,487,650	1.11	65,659,193	0.28
- в датских кронах	30,936,945	3.40	50,424,406	0.06
- в шведских кронах	27,423,984	3.91	37,456,663	0.67
- в сингапурских долларах	25,772,083	2.39	45,878,859	0.23
- в китайских юанях	7,616,074	2.77	-	-

Источник: Национальный банк РК. Консолидированная финансовая отчетность за год, закончившийся 31 декабря 2013 г. — С. 58.

Если рассматривать четвертое из обозначенных выше направлений потенциального негативного влияния долговой проблемы развитых стран на Казахстан (гипотетический дефолт эмитентов облигаций, имеющих в портфелях государственных институтов), то данный вариант на сегодня не является актуальным, что, впрочем, не исключает его вероятность в более отдаленной перспективе. Пример с реструктуризацией долга Греции, а также сильным падением цен государственных облигаций Испании, Португалии, Ирландии в период острой фазы европейского долгового кризиса показал, что и деноминированные в евро государственные обязательства могут стать фактически дефолтными либо привести к большим потерям для инвесторов (напомним, что в результате реструктуризации греческого долга в 2012 г. инвесторы потеряли около 70% вложенных средств).

Кроме того, помимо дефолта или реструктуризации, обострение долговой проблемы может привести и просто к падению цен некоторых проблемных эмитентов — более того, такое падение возможно даже по бумагам стран, никогда не числившихся в списке проблемных, но попавших в волну общего снижения цен и распродаж по формальным

причинам (например, принадлежность к группе «развивающихся» рынков). Такого рода риски также имеются в отношении активов, которыми владеют казахстанские государственные институты. Список государств, в обязательства которых вкладывает средства Национальный банк, достаточно широк (табл. 2) и включал на конец 2013 г. 16 стран, в том числе и не относящихся только к высокорейтинговым развитым эмитентам.

Табл. 2. Страновая структура финансовых активов Национального банка РК, имеющих в наличии для продажи в 2012—2013 гг.

	2013 г. тыс. тенге	2012 г. тыс. тенге
Долговые инструменты		
Инвестиции в ценные бумаги иностранных эмитентов		
Государственные облигации		
Казначейские обязательства Правительства США	644,451,768	696,078,321
Государственные облигации Правительства Франции	117,309,353	233,004,933
Казначейские облигации Правительства Великобритании	112,220,726	204,771,362
Казначейские облигации Правительства Японии	111,259,084	193,150,333
Казначейские облигации Правительства Германии	82,268,309	230,811,680
Казначейские облигации Правительства Кореи	61,029,866	100,185,733
Казначейские облигации Правительства Канады	59,810,615	110,231,913
Казначейские облигации Правительства Австралии	59,707,213	111,630,975
Казначейские облигации Правительства Гонконга	38,487,651	65,659,194
Казначейские облигации Правительства Нидерландов	32,038,162	59,306,242
Государственные облигации Правительства Швеции	27,423,984	37,456,663
Казначейские облигации Правительства Дании	27,098,369	41,093,719
Государственные облигации Правительства Сингапура	25,772,083	45,878,859
Казначейские облигации Правительства Австрии	17,583,814	38,187,546
Государственные облигации Правительства Китая	7,616,074	-
Казначейские облигации Правительства Финляндии	6,426,887	-
Всего государственных облигаций	1,430,503,958	2,167,447,473

Источник: Национальный Банк РК. Консолидированная финансовая отчетность за год, закончившийся 31 декабря 2013 г. — С. 44.

Можно отметить, что облигации многих из этих стран в течение 2013 г. теряли в цене, что выражалось в росте их доходности. Так, доходность 10-летних облигаций Австралии повысилась с 3,45 до 4,04%, Кореи — с 3,1 до 3,62%, Сингапура — с 1,42 до 2,27, Гонконга — с 1,26 до 2,3%, КНР — с 3,6 до 4,55%. Кроме стран АТР, негативные тенденции цен демонстрировали облигации таких стран, имеющиеся в портфеле Национального банка, как Канада — рост доходности 10-летних облигаций с 1,99 до 2,3%, США — с 1,98 до 2,64%, Великобритания — с 2,1 до 2,7%. Сохранили свои позиции по доходности в 2013 г. государственные облигации континентальной Европы — Германии, Франции, Нидерландов, Дании, Австрии, Финляндии, и этот факт делает неактуальным предпо-

ложение о наличии на мировом рынке общего тренда по падению цен государственных облигаций в 2013 г. Скорее, в данном случае имеет место объективная оценка инвесторами ситуации с государственным долгом эмитентов, резкий рост которого (США, Великобритания) не дает оснований для наращивания вложений в соответствующие инструменты в отличие от экономик с более здоровыми системами государственных финансов (скандинавские страны, Австрия, Нидерланды, Германия).

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие основные выводы относительно текущего состояния долговой проблемы развитых стран:

Рост государственного долга продолжается практически во всех крупных развитых экономиках, чьи долговые обязательства выступают в качестве резервных активов (в т.ч. используются в качестве таковых в Казахстане), а валюты выполняют резервную функцию.

Происходит ухудшение как абсолютных, так и относительных параметров государственного долга в США, большинстве государств еврозоны, Великобритании, Японии, которое сопровождается стагнацией экономики и обуславливает сохранение тенденции роста долга.

Рост долгового бремени обуславливает снижение спроса у инвесторов на государственные облигации, следствием чего является рост доходности данных инструментов, увеличение стоимости обслуживания долга (и потенциальные бюджетные проблемы, связанные с этим фактором), вынужденное наращивание покупок облигаций центральными банками, ведущее к разбалансированию финансовых и макроэкономических параметров.

Данная ситуация повышает риски обострения долговой проблемы и ее перехода в стадию кризиса, который будет сопровождаться падением цен соответствующих облигаций, снижением курсов валют, в которых они деноминированы, а также иметь потенциал провоцирования полномасштабного финансового кризиса.

Потенциал влияния рисков долгового характера на казахстанскую экономику по линии только возможных потерь от неблагоприятного изменения валютных курсов и возможного снижения цен государственных облигаций в портфеле Национального банка и Национального фонда можно оценить, исходя из размера международных резервов Казахстана, которые на 1 августа составляли почти 104 млрд долл. (27 млрд резервов Национального банка и 76,8 млрд — активы Национального фонда).

Уровень падения цены облигаций при резком росте доходности (например, таком, который был отмечен в первом полугодии 2013 г., когда доходность американских казначейских обязательств с 10-летним сро-

ком обращения выросла с 1,67 до 2,79%) может измеряться величиной порядка 7—8%. То есть потенциал сокращения рыночной стоимости казахстанских резервов, вложенных в государственные облигации, при резком обострении долговой проблемы в США и ЕС может достигать величины порядка 10%, или около 10 млрд долл. Еще 2—4 млрд долл. потерь могут быть итогом снижения курсов валют, в которых деноминированы данные инструменты.

Учитывая крупные размеры накопленных Казахстаном резервов и серьезность проблемы их сохранения в условиях обострения долговой проблемы развитых стран, а также исходя из отмеченных особенностей ситуации с долговыми обязательствами этих государств, необходимость обеспечения экономических интересов Казахстана (связанных преимущественно с сохранностью международных резервов) должна предусматривать следующие действия:

Постоянный мониторинг ситуации с государственным долгом ведущих эмитентов долговых бумаг — США, Великобритании, крупнейших стран еврозоны — и привязка политики по управлению государственными резервами к этой ситуации в части реагирования на дальнейший рост относительных параметров госдолга снижением доли соответствующих облигаций в казахстанских резервах.

Разработка четкого плана действий по реаллокации государственных активов, в настоящее время размещенных в потенциально проблемных ценных бумагах, на случай резкой и внезапной эскалации долговой проблемы США или еврозоны.

Повышение качества прогнозирования ситуации на валютном и денежном рынках с целью минимизации курсовых потерь по активам, деноминированным в иностранных валютах, и ущерба от возможного снижения цен этих активов (государственных облигаций).

Повышение роли золота в государственных резервах, которое может выступать заменой государственных облигаций стран с обостряющейся долговой проблемой.

Постепенное повышение роли в государственных резервах ценных бумаг стран с минимальными уровнями государственного долга в относительном выражении (для оценки уровня задолженности могут применяться показатели чистого государственного долга, соотношения долга и ВВП, обеспеченности долга международными резервами) и снижение доли бумаг «проблемных» эмитентов. К числу относительно надежных эмитентов государственных ценных бумаг из числа развитых стран можно отнести Норвегию, Швецию, Данию, Финляндию, Австрию, Нидерланды, Германию и Швейцарию.

Инновационный потенциал обрабатывающей промышленности Казахстана

Р.А. ИСМАИЛОВА, Н.Д. ЕСМАГУЛОВА

В настоящее время сложно дать объективную оценку инновационному потенциалу обрабатывающей промышленности Казахстана, так как нет единого методического подхода к его определению. Существуют различные подходы к оценке инновационного потенциала экономической системы (предприятия, региона, промышленности), в которых *под инновационным потенциалом иногда понимают научно-технологический потенциал и представляют его как совокупность реальных и скрытых научно-технологических ресурсов предприятий, а также как диффузию сил, вектор действия которых направлен на их увеличение и повышение качества* [1—4].

Под инновационным потенциалом следует понимать не только совокупность интеллектуальных, финансовых, научно-технических, производственно-технологических и информационных ресурсов, образующих единую систему, способную обеспечить успешное осуществление инновационной деятельности, но и организационный механизм, необходимый для достижения поставленной цели в области наукоемких и технологических процессов и продуктов. Это объясняется тем, что для реализации нового знания в инновации требуется соответствующая институциональная среда [5].

Исходя из определения инновационного потенциала и существующих методических подходов, мы предлагаем использовать следующую систему показателей. *Для количественной оценки инновационного потенциала применить систему показателей, характеризующих возможность инновационного развития субъектов экономики и эффективность использования интеллектуального, финансового, научно-технического, информационного ресурсов, определить их место в общем потенциале экономической системы (мира, страны, региона, промышленности, отрасли).*

В зависимости от вида ресурса оцениваются основные компоненты инновационного потенциала, представленные на рисунке 1.

При этом нами предлагается ввести понятие «институциональный ресурс» как совокупность различных институтов, занимающихся научными разработками и исследованиями. Для качественной оценки инновационного потенциала промышленности определяют уровни внедрения системы менеджмента качества использования новых или усовершенствованных технологий.

На рисунке 1 представлена схема комплексной оценки инновационного потенциала. Данная схема, на наш взгляд, позволит определить реальные возможности инновационного развития промышленности Казахстана, оценить степень влияния факторов, способствующих или сдерживающих технологическое обновление промышленных предприятий.

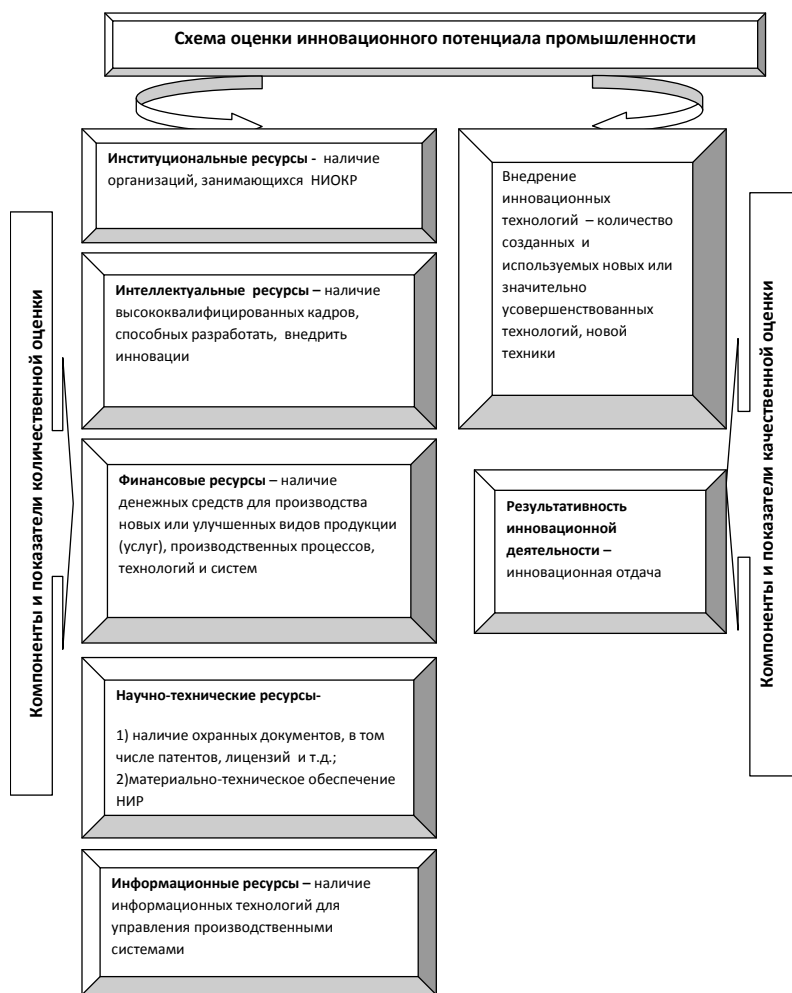

Рис. 1. Схема оценки инновационного потенциала промышленности

Итак, дадим оценку инновационного потенциала промышленности Казахстана на основе данных Агентства Республики Казахстан по статистике. При анализе перед нами ставилась задача дать количественную характеристику каждому виду ресурса и выявить как положительные, так и негативные тенденции в их развитии. На наш взгляд, такая комплексная оценка дает объективную картину состояния и уровня инновационного потенциала промышленности Казахстана. Особое внимание хотелось уделить его качественным характеристикам, так как за последние годы наблюдается рост объема промышленной продукции и увеличение затрат на инновации, но остается очень низким уровень внедрения новых технологий в промышленности [6—9].

Рассмотрим основные показатели, характеризующие уровень затрат на технологические инновации в промышленности Казахстана за 2005—2011 гг.

Как видно из таблицы 1, положительным фактором является то, что за 2005—2011 гг. общие технологические затраты выросли в 3 раза, то есть с 67 088,9 млн тг в 2005 г. до 194 990,9 млн тг в 2011-м, в 2009 г. общие затраты практически сравнялись с 2005 г.

Табл. 1. Состав затрат на технологические инновации

Показатели	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Общие затраты, млн тг	67 088,9	79 985,9	83 523,4	113 460,1	61 050,90	235 501,7	194 990,9
В том числе:							
республиканский бюджет	5 381,8	6 478,4	4 359,7	5 613,20	4 968,30	5 516,6	12 873,1
местный бюджет	106,1	2 321,2	184,5	36,9	378,4	44,2	6 613,4
собственные средства предприятий	43 936,9	68 407,3	70 576,3	96 860,0	54 059,90	219 441,9	114 565,8
иностранные инвестиции	14 994,7	2 762,7	8 379,7	9 413,60	961,5	2 177,9	40 060,7
институты развития	2 669,4	16,3	23,2	1 536,30	682,8	2 949,7	20 877,9
Общие затраты в % к ВВП	0,90	0,78	0,65	0,71	0,36	1,08	0,71

Источник: составлено авторами согласно данным Агентства РК по статистике.

Анализ структуры затрат на технологические инновации показывает, что они осуществляются в основном за счет собственных средств предприятий. Это, с одной стороны, положительная тенденция, но, с другой — отечественные предприятия в большинстве своем не имеют достаточных финансовых средств, чтобы осуществлять масштабное создание и внедрение технологических инноваций в промышленное производство.

Анализ затрат на инновационную деятельность включает такие показатели, как заработная плата персонала, занятого разработками; внутренние затраты на исследования и разработки; затраты на технологические инновации.

Как видно из таблицы 2, за 2004—2011 гг. среднемесячная номинальная заработная плата работников, занятых разработками, увеличилась в 3,17 раза.

Табл. 2. Показатели заработной платы персонала

Показатели	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Число организаций, выполнявших исследования и разработки	295	390	437	438	421	414	424	412
Численность персонала, занятого НИР, человек	16 715	18 912	19 563	17 774	16 304	15 793	17 021	18 003
Среднемес. номинальн. заработная плата, тг	28 329	34 060	40 790	52 479	60 805	67 333	77 611	90 028
В том числе								
- исследования и разработки	34 946	41 512	51 400	64 108	81 810	90 325	103 571	*
- высшее образование	25 534	30 312	36 007	45 557	50 877	60 720	71 058	*
* Отмечено, что нет официальных данных по этим показателям за 2011 г.								

Источник: составлено авторами согласно данным Агентства РК по статистике.

В 2001 г. заработная плата работников, занятых исследованиями и разработками, была больше почти на 30%, чем заработная плата работников с высшим образованием, и в целом превышает республиканский уровень среднемесячной заработной платы. Тем не менее заработная плата научных работников в Казахстане достаточно низкая, что не привлекает молодых ученых в сферу науки.

На рисунке 2 представлена структура внутренних текущих затрат на научно-технические работы по видам работ, которая показывает устойчивое преобладание затрат на прикладные исследования. Анализ структуры затрат по отраслям науки показывает существенное преобладание технических и сельскохозяйственных наук. Доля общественных и естественных наук занимает незначительное место, хотя именно на них приходится фундаментальные науки.

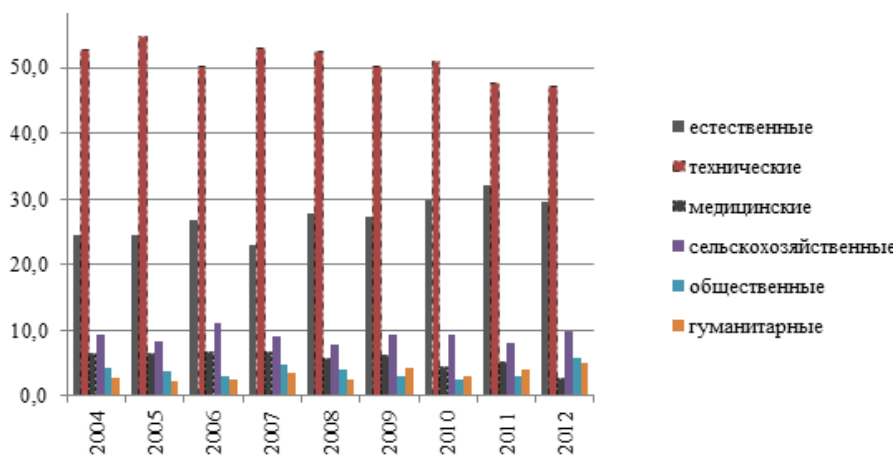

Рис. 2. Структура внутренних текущих затрат на научно-технические работы по видам работ

Источник: составлено авторами согласно данным Агентства РК по статистике.

В развитых странах мира фундаментальные науки широко поддерживаются как государством, так и самими крупными компаниями. Это обусловлено тем, что результаты фундаментальных исследований имеют, как правило, мультипликативный эффект. Например, результаты исследования наночастиц привели к широкому использованию нанотехнологий в различных отраслях и сферах экономики.

Анализ структуры затрат показал, что только в 2012 г. увеличилась доля разработок и внедрение технологически новых и технологически усовершенствованных продуктов (рис. 3).

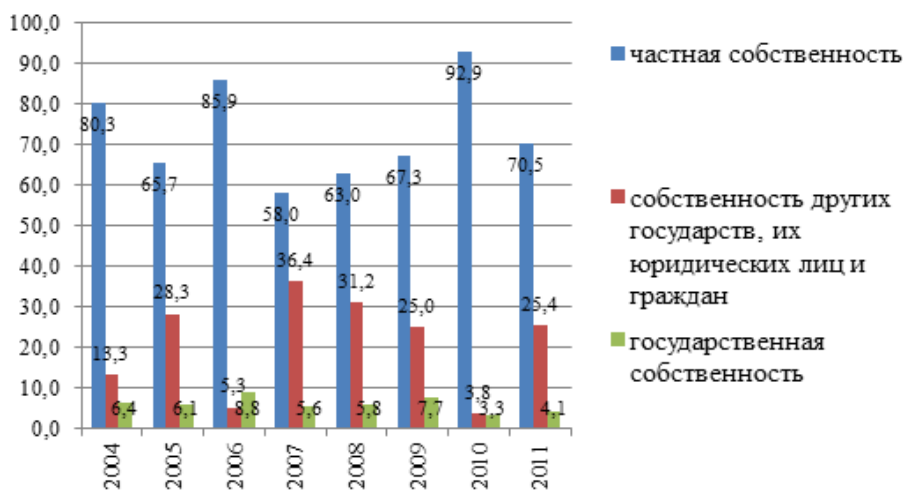

Рис. 3. Структура затрат на технологические инновации по формам собственности, %

Источник: составлено авторами согласно данным Агентства РК по статистике.

Результаты анализа структуры затрат на технологические инновации по формам собственности показали, что преобладают затраты частного сектора. Так, в 2011 г. затраты частного сектора составили 70,5%, тогда как государственные затраты — 4,1%. Затраты предприятий с иностранной формой собственности в 2011 г. составили 25,4%.

Инновации подразделяются на продуктовые и процессные. Некоторые исследования в области инноваций свидетельствуют о том, что процессные инновации позволяют уменьшить издержки производства, в то время как продуктовые — поднять уровень продаж [10].

Потребность в процессных инновациях зарождается в большинстве случаев внутри самой организации, которая в роли потребителя часто сама осуществляет необходимые разработки для удовлетворения собственных потребностей в совершенствовании организации производства и повышении его технологического уровня.

Процессные инновации могут давать равный с продуктовыми инновациями более высокий коммерческий эффект, так как рост произ-

водительности труда обусловлен совершенствованием или радикальным изменением технологии производственного процесса, который обеспечивает в конечном счете снижение издержек производства, а в дальнейшем — и цен на продуктовые инновации. Как видно, внедрение процессных инноваций оказывает непосредственное воздействие на экономию издержек производства, увеличение прибыли и содействует росту производительности труда, а продуктовые инновации выступают в качестве надежного средства обеспечения преимуществ перед конкурентами, установления выгодных цен и увеличения доли рынка. Наибольшую выгоду от этих инноваций получают производители, так как процессные инновации мотивируются увеличением спроса на продукцию и ростом объема продаж.

Результатом первых является появление на рынке нового продукта, а результатом вторых — внедрение в производство новой технологии. Анализ структуры затрат на технологические инновации в промышленности показал, что до 2010 г. преобладали затраты на процессные инновации. Только в 2011 г. соотношение затрат изменилось в сторону увеличения продуктовых инноваций, доля продуктовых инноваций составила 62,5%, в 2010 г. значение составляло 7,8% (рис. 4).

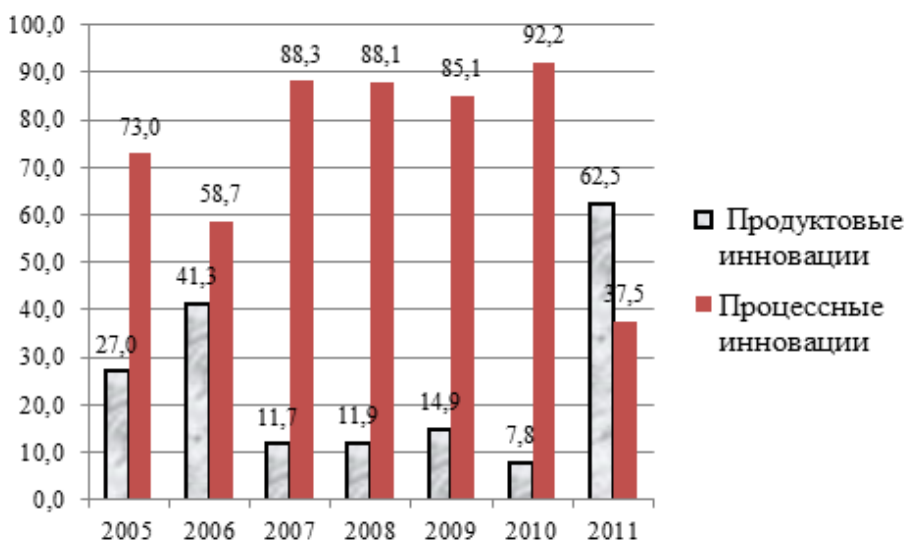

Рис. 4. Структура затрат на технологические инновации в промышленности

Источник: составлено авторами согласно данным Агентства РК по статистике.

Продуктовые инновации охватывают внедрение новых или усовершенствованных продуктов. Внедрение нового продукта определяется как радикальная продуктовая инновация, если касается продукта, предполагаемая область применения которого, а также функциональные характеристики, свойства, конструктивные или использованные материалы и компоненты существенно отличают его от ранее выпускавшихся продуктов.

В общей структуре затраты на приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, уменьшились на 5 992,8 млн тг, также уменьшились затраты и на технологические инновации — 10 377,1 млн тг. Затраты на исследование и разработку новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов, наоборот, увеличились на 5 273,3 млн тг. Таким образом, в общей структуре затрат на технологические инновации больше половины составляет доля машин и оборудования, а также доля приобретенных технологий (табл. 3).

Табл. 3. Состав затрат на технологические инновации, млн тг

Показатель	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Всего	67 088,9	79 985,9	83 523,4	113 460	61 050,9	235 501,7	194 990,9
Исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов	12 907,5	13 718,2	6 307,9	17 800,5	7 338,7	25 725,9	30 999,2
Приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями	39 810,1	40 423,8	58 083,1	74 089,5	47 764,8	62 774,2	56 781,4
Приобретение новых технологий	2 107,6	1 827	1 214,5	2 973	1 312,4	16 412,0	6 034,9

Источник: составлено авторами согласно данным Агентства РК по статистике.

Анализируя структуры затрат на технологические инновации, мы видим, что затраты на приобретение машин и оборудования с 2005 г.

росли быстрыми темпами и в 2009 г. их удельный вес составил 78,24%. Однако в 2010 г. данный показатель резко снизился почти в 3 раза и в 2011 г. составил около 30%.

Доля затрат на исследования и разработку новых товаров, услуг и методов производства снизилась с 19,24% в 2005 г. до 15,9% в 2011 г., или на 3,24%.

Таким образом, анализ структуры затрат по источникам финансирования показал, что наибольший удельный вес приходится на собственные средства предприятий, которые в 2010 г. составили 219 441,9 млн тг, или 93,18%.

Второе место в структуре затрат в 2011 г. занимают иностранные инвестиции, удельный вес которых составляет 20,54%. Иностранные инвестиции в 2010 г. по сравнению с 2009 г. сократились почти в 3 раза.

Доля затрат на технологические инновации в ВВП в среднем составляет 0,7%. В развитых странах мира этот показатель колеблется в пределах от 3 до 8%. Кроме того, в 2009 г. на долю иностранных инвестиций пришлось 1,5 %, что составило 961,5 млн тг. Такая же тенденция отмечается по показателю «внутренние затраты на исследования и разработки».

Низкий процент инвестирования свидетельствует о том, что иностранные инвесторы не заинтересованы, а в большей степени не хотят вкладывать свои средства в создание и внедрение современных технологий на отечественных предприятиях, особенно в обрабатывающей промышленности Казахстана.

С другой стороны, казахстанские предприятия не стремятся заниматься НИОКР самостоятельно и не склонны вкладывать деньги в создание новых продуктов. В этом смысле сравнительно инертны даже те предприятия, которые занимаются модернизацией производства. Они предпочитают проекты «под ключ», когда технологические решения уже воплощены в импортной технике и оборудовании.

Одним из важнейших индикаторов результативности научных исследований и разработок является патентная активность. Как видно на рисунке 5, количество приобретенных охранных документов в несколько раз превышает количество переданных документов. Это означает, что в отечественной практике мы больше завозим импортные технологии, нежели их экспортируем.

К сожалению, официальная статистика не предоставляет информацию по промышленности в целом (в частности, по ее несырьевому сектору). Тем не менее мы посчитали нужным отразить общую тенденцию в этом важном качественном показателе оценки инновационного потенциала.

Согласно данным Агентства РК по статистике за 2009—2011 гг., количество охранных документов, выданных на изобретения, уменьшилось, в том числе мы наблюдаем тенденцию сокращения переданных технологий.

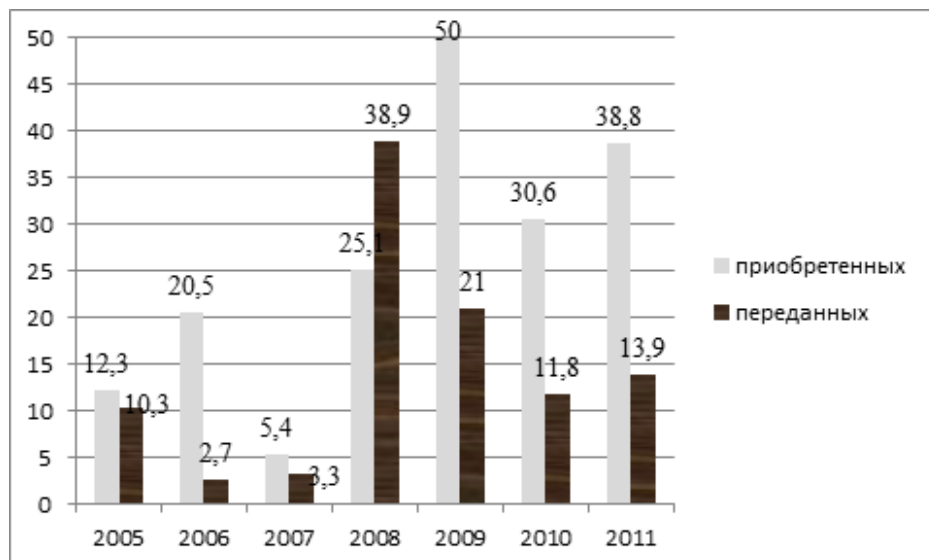

Рис. 5. Права на патенты, лицензии на использование изобретений, полезных моделей, промышленных образцов

Источник: составлено авторами согласно данным Агентства РК по статистике.

Данные рисунка 5 свидетельствуют о соотношении приобретенных и переданных прав на патенты, лицензии на использование изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Так, на протяжении анализируемого периода преобладает приобретение прав на патенты, лицензии на использование изобретений, полезных моделей, промышленных образцов; нужно отметить увеличение разрыва между приобретенными и переданными правами. Исключением является только 2008 г.

До 2009 г. в структуре приобретенных новых технологий существенно преобладал удельный вес покупки оборудования. Естественно, предприятиям легче купить машины и оборудование, отвечающие современным технологическим требованиям, нежели произвести их самим.

Если мы рассмотрим удельный вес каждого показателя в общей структуре охранных документов, то увидим качественный аспект этого процесса, который свидетельствует о низком уровне внедрения исследований

и разработок в промышленное производство. Так, за анализируемый период доля патентов на полезные модели составила чуть более 10% в общей структуре охранных документов. Рост охранных документов, выданных на объекты промышленной собственности, можно считать положительным фактором.

В целом проведенный анализ показал определенные положительные тенденции за период 2005—2011 гг. Однако если сравнивать полученные результаты с показателями развитых стран мира, то мы еще не достигли достаточного уровня инновационной активности предприятий обрабатывающей промышленности, а эффективность использования затрат на технологические инновации пока не столь незначительна.

Основными причинами, сдерживающими инновационную активность предприятий, являются слабый спрос на инновации со стороны промышленных предприятий, недостаток финансовых ресурсов на развитие науки и инновации, дефицит высококвалифицированных рабочих в наукоемких отраслях экономики. Кроме того, преобладает количество приобретенных новых технологий над количеством переданных научных разработок и технологий, что свидетельствует о низком уровне внедрения отечественных научных разработок и технологий.

На наш взгляд, государство должно больше внимания уделять механизмам стимулирования инновационной деятельности предприятий, тогда последние будут заинтересованы в научных разработках и исследованиях. Для этого необходимо:

- создать систему действенных рычагов и стимулов к внедрению новых технологий и созданию собственных технологических инноваций хозяйствующими субъектами, так как сегодня практически отсутствует спрос на новые технологии со стороны промышленных предприятий;

- создать систему ресурсного обеспечения по формированию и внедрению инноваций в производство с использованием механизмов софинансирования и самофинансирования, включающую в себя собственные средства, прямые иностранные инвестиции, государственное финансирование, венчурное финансирование;

- развивать систему трансфера технологий, при этом нельзя слепо копировать зарубежные технологии, а необходимо их адаптировать к нашей экономической среде, с учетом ее специфики и неповторимости.

Для решения этих задач необходимы институциональные условия, в частности, совершенствование законодательной базы и механизмов взаимодействия государства и частного сектора, интеграции науки и

производства. В этой связи огромное значение приобретает информационно-аналитическое обеспечение, так как результаты маркетинговых и технологических исследований рынков и отраслей помогут определить ниши на международных рынках для казахстанского бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методический подход к анализу слагаемых научно-технологического потенциала с позиции соответствия современным технологическим укладам // <http://www.invur.ru>.
2. Tahir, Hameed. Technological Innovation and Entrepreneurship in Kopea. Materials for the Executive Education Programme. Sol Bridge International School of Business. - No. 7, 2012.
3. Решетников А.В. Управление реализацией инновационного потенциала в промышленности // <http://www.smartcat.ru>.
4. Киселев Ю.М. Оценка финансового инновационного потенциала промышленных предприятий // ЭКО. — 2001. — № 3. — С. 42—48.
5. Исмаилова Р.А. Инновационное развитие промышленности Казахстана: институты, механизмы и перспективы. — Монография. — Германия: Lambert Academic Publishing, 2011. — 369 с.
6. Наука и инновационная деятельность Казахстана 2004—2008 гг.: Статистический сборник / Под ред. Ж.И. Омарова. — Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2009. — 90 с.
7. Наука и инновационная деятельность Казахстана 2005—2009 гг.: Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. — Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2010. — 80 стр.
8. Наука и инновационная деятельность Казахстана 2006—2010 гг.: Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. — Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2011. — 78 с.
9. Наука и инновационная деятельность Казахстана 2007—2011 гг.: Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. — Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2012. — 88 с.
10. Кабанельс А., Нехорошева Л.Н. Виды инноваций: общее и особенное влияние на развитие предприятия. — Сб. научн. трудов: Актуальные проблемы развития промышленных предприятий: теория и практика. — Минск, 2006. — С. 171—193.

Энергетическое сотрудничество КНР и стран Юго-Восточной Азии: возможности и перспективы для Казахстана

Е.В. ХОН

За последние несколько десятилетий Китай и отдельные страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) прошли путь глубоких экономических и социальных преобразований.

Сегодня многими экспертами прогнозируется, что данный регион и в дальнейшем будет развиваться ускоренными темпами, что, в свою очередь, актуализирует вопрос о возможностях и угрозах, связанных с энергетической безопасностью в Юго-Восточной Азии.

Для КНР данный регион играет ключевую роль, так как именно через него проходят все морские пути из стран Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки — основных китайских экспортеров энергоресурсов. Члены АСЕАН также непосредственно помогают удовлетворять растущие потребности китайской экономики в энергии, в основном за счет продажи природного газа — более чистой альтернативы нефти и углю, что особенно актуально для Китая в рамках политики снижения вредного воздействия на окружающую среду.

Краткая характеристика состояния энергетического сектора стран Юго-Восточной Азии

В последнее десятилетие центр тяжести мировой энергетической системы все больше смещается в сторону Азии. Наряду с Китаем и Индией, в число активных игроков энергетического рынка вошли десять стран АСЕАН: Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам. Бурный экономический рост в сочетании с продолжающейся урбанизацией и индустриализацией в этих государствах привел к увеличению объемов потребляемой энергии АСЕАН, начиная с периода азиатского финансового кризиса

1997—1998 гг., вызвавшего резкое падение спроса на азиатском рынке энергоресурсов. Во время последнего глобального экономического кризиса, напротив, спрос на энергоносители продолжал расти. К примеру, объемы потребляемой энергии странами АСЕАН в 2011 г. Составили порядка 550 млн т нефтяного эквивалента (ТНЭ), или 4,2% от мирового показателя [1]. В целом же спрос на электроэнергию в Юго-Восточной Азии увеличился примерно в пять раз за период с 1990 г.

Вполне вероятно, что данная тенденция будет только нарастать: использование энергии АСЕАН в расчете на душу населения по-прежнему остается достаточно низким — около половины от среднемирового показателя, при том что в странах ЮВА проживает около 600 млн человек, из которых более одной пятой не имеют доступа к электричеству. Другим примером может служить Индонезия, совокупное потребление электроэнергии в которой до 2005 г. было меньше, чем в Норвегии, несмотря на то, что численность населения Индонезии превышает численность норвежского населения практически в 50 раз. Отставание большинства стран — членов АСЕАН от развитых стран по потреблению электроэнергии на душу населения отчетливо видно на рисунке [2].

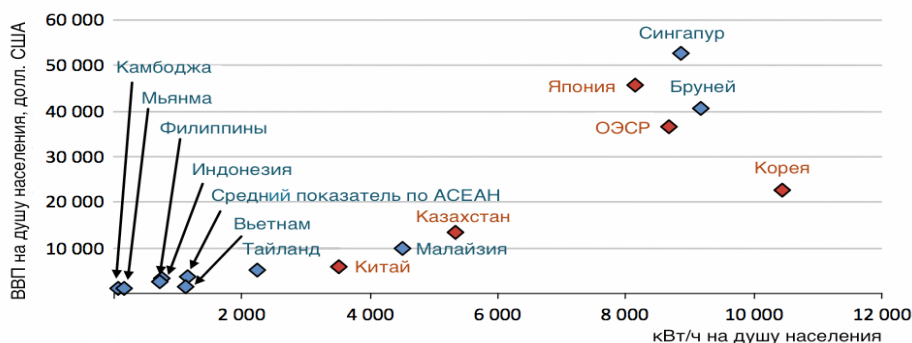

Рис. 1. Энергопотребление в АСЕАН и развитых странах на душу населения

Источник: International Energy Agency.

Следует отметить, что страны Юго-Восточной Азии существенно различаются по масштабам, характеру использования и наличию энергоресурсов (рис. 2). Индонезия, крупнейший потребитель энергии в регионе (36% от общего спроса), использует её на 66% больше, чем Таиланд (второй по величине потребления), и более в 50 раз больше, чем Бруней-Даруссалам, имеющий самую низкую долю потребления

энергии в регионе. Еще одним важным показателем является доступ к электроэнергии, который также колеблется в широких диапазонах: от всеобщего доступа в таких странах, как Бруней-Даруссалам, Малайзия, Таиланд и Сингапур, и до 50% и ниже — в Камбодже и Мьянме [3].

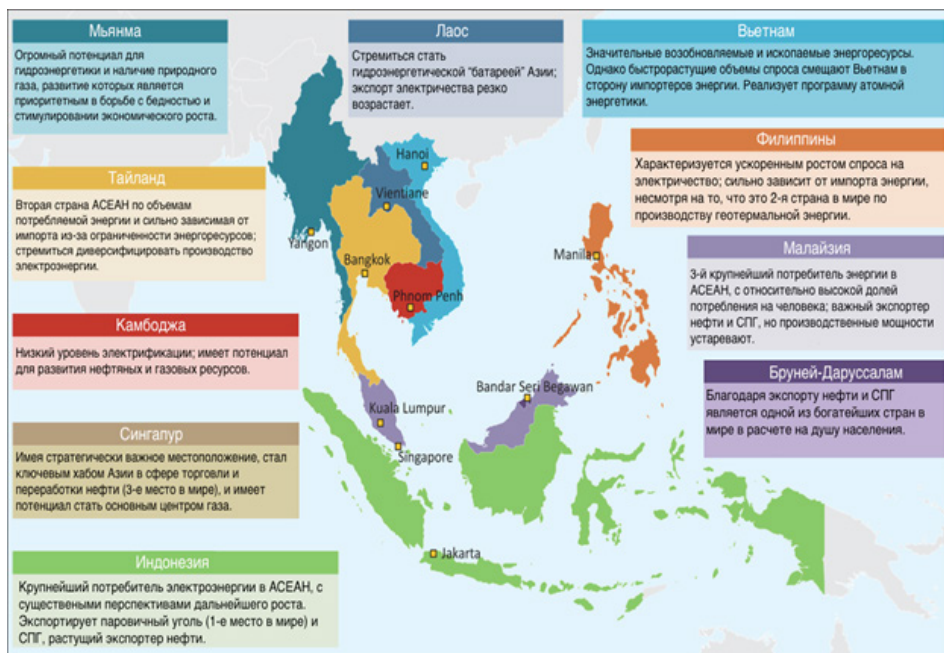

Рис. 2. Энергетическая характеристика АСЕАН

Источники: *International Energy Agency*.

Как и в большинстве стран мира, среди первичных энергоресурсов ЮВА преобладают ископаемые виды топлива, такие как нефть, природный газ и уголь, составляющие более 75%. За последние два десятилетия наблюдается устойчивый сдвиг в сторону увеличения потребления угля и природного газа в первую очередь за счет снижения использования нефти в производстве электроэнергии и промышленности. Однако нефть в настоящее время все же остается доминирующим видом топлива с удельным весом 37% в энергетическом балансе и спросом в 4,4 млн барр. в день (б/д) [4]. Сегодня Юго-Восточная Азия все больше становится зависимой от импорта нефти и, соответственно, несет высокие затраты. Также регион становится более уязвимым в плане возможных перебоев с поставками. Члены АСЕАН стали четвертыми в мире по величине импортируемой нефти после Китая, Индии и Европейского Союза. Истощение существующих и ограниченные перспективы найти новые

крупные месторождения в регионе, по оценкам некоторых экспертов, снизят добычу нефти до 2035 г. почти на треть, а расходы на импорт нефти возрастут в три раза до 240 млрд долл. США [5].

Природный газ занимает второе место среди первичных энергоресурсов (21%), а объем его потребления составляет 141 млрд м³ в год, что сопоставимо с текущим спросом на газ в Китае. Несмотря на рост объемов добытого газа, чистый экспорт газа из ЮВА, который в основном приходится на залежи в Индонезии, Малайзии, Мьянме и Брунее, в перспективе сократится с 62 до 14 млрд м³ к 2035 г., что связано с растущими потребностями и переориентацией на внутренний рынок самих стран ЮВА [6].

На сегодняшний день в энергетическом балансе АСЕАН уголь занимает порядка 16%. Экспертами прогнозируется, что благодаря относительному изобилию и доступности залежей угля в регионе, доля его использования к 2035 г. должна составить половину от всех остальных источников. В этой связи приоритетным для государств ЮВА является повышение эффективности угольных электростанций, средняя эффективность которых в настоящее время составляет 34%. Чистый экспорт угля региона, как и в случае с газом, также должен сократиться после 2020 г. в связи с ростом внутреннего спроса на энергоресурсы. Особо следует отметить, что среди членов АСЕАН Индонезия по-прежнему будет одним из крупнейших в мире экспортеров угля, увеличив его добычу на 90% до 550 млн т к 2035 г. [7].

Странами ЮВА также предпринимаются усилия для расширения использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), на которые в настоящее время приходится 24% всего энергобаланса региона [8]. Что касается атомной электроэнергетики, то на сегодняшний день в АСЕАН она отсутствует, однако многие из стран изучали возможности ее использования. Большинство этих планов были либо отложены, либо не получили дальнейшего применения в связи с аварией на АЭС Фукусима в Японии в 2011 г.

Среди всех стран ЮВА наибольшего прогресса добился Вьетнам, подписав соглашение с Россией о строительстве первой АЭС на своей территории. Однако в январе текущего года правительство Вьетнама решило отложить строительство на шесть лет [9].

Анализ энергопотребления по направлениям использования показал, что большая часть электроэнергии приходится на промышленность (30,2%), домашние хозяйства (29,6%), а также транспорт (24,6%) (рис. 3) [10]. В странах АСЕАН наблюдается ускоренный рост потребления энергии промышленностью, в особенности энергоемкой является

обрабатывающая индустрия. В домашних хозяйствах использование традиционной биомассы, как и прежде, остается ведущим источником энергии, однако ее доля постепенно снижается, так как повышение уровня жизни и продолжающаяся урбанизация обуславливают переход на современные источники энергии.

Увеличение темпов использования энергии в транспортном секторе, как и во всех остальных регионах мира, происходит в основном за счет нефти, что вынудило правительства стран принять меры по замедлению спроса за счет снижения субсидий на нефтепродукты и стимулирования использования биотоплива и природного газа. Количество пассажирских автомобилей в ЮВА возросло с 5 млн в 1990 г. до 22 млн на сегодняшний день, что привело к сильной загруженности дорог и загрязнению воздуха во многих крупных городах [11]. Данная проблема частично вызвана недостаточностью инвестиций в развитие общественного транспорта. Более того, многие города в регионе развиваются не компактно, а за счет расширения своих границ, следствием чего является недоступность общественного транспорта в отдельных районах.

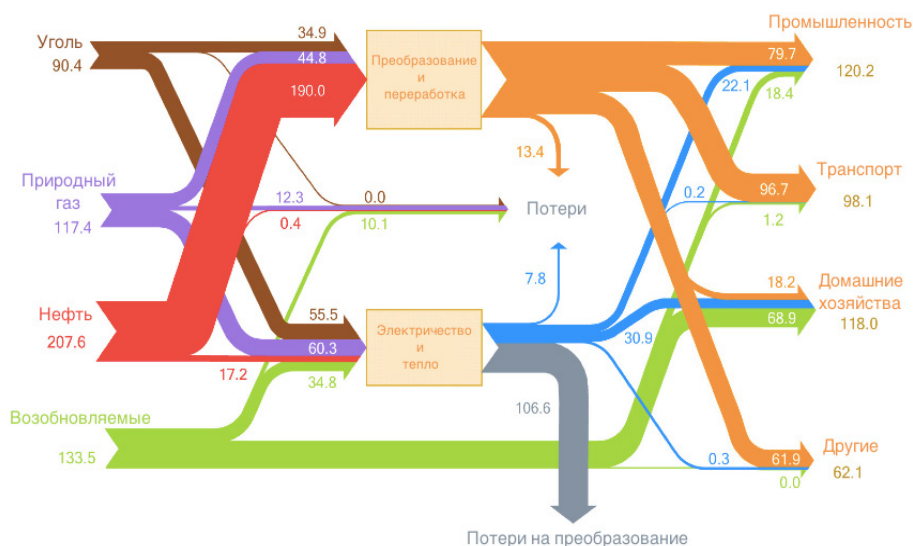

Рис. 3. Энергетическая система АСЕАН, в млн т нефтяного эквивалента

Источник: International Energy Agency

Таким образом, разработка политики по привлечению инвестиций в транспортный и энергетический сектор будет иметь ключевое значение для укрепления энергетической безопасности и устойчивости

региона ЮВА. Согласно данным Международного энергетического агентства, требуется порядка 1,7 трлн долл. США совокупных инвестиций в развитие энергетической инфраструктуры [12]. Мобилизация данной суммы является сложной задачей до тех пор, пока не будут преодолены следующие барьеры: субсидирование цен на энергоносители, слабо развитая транспортная сеть, нестабильность и непоследовательность энергетической политики. Реализация проектов для объединения рынков, в частности электрической сети АСЕАН и газопровода Транс-АСЕАН, возможно, будет лежать в основе повышения эффективности использования энергетических ресурсов региона, расширяя при этом коллективную энергетическую безопасность.

Другая приоритетная цель повышения энергоэффективности в Юго-Восточной Азии требует от правительств действий по преодолению широкого спектра барьеров. Более конкретные меры будут варьироваться в зависимости от страны и сектора, но основные направления, касающиеся всех членов АСЕАН, включают разработку новых стандартов экономии топлива, более строгие нормы и стандарты в строительстве и других отраслях экономики. Важно отметить, что улучшение сбора данных по энергетике является предпосылкой для эффективной политики энергоэффективности. Так, реалистичные и измеримые целевые показатели необходимы наряду с действенными подходами к их достижению, включая механизмы для мониторинга прогресса и внесения корректив по мере необходимости. Повышение эффективности использования энергии в ЮВА также возможно путем устранения рыночных диспропорций, таких как субсидирование и льготный порядок финансирования.

Энергетические интересы КНР в ЮВА и возможности для Казахстана

Юго-Восточная Азия играет важную стратегическую роль в обеспечении энергетической безопасности Китая, так как именно через нее проходят все основные морские пути, по которым импортируются энергоресурсы из стран Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки в КНР. Китай зависит по меньшей мере от четырех морских маршрутов Юго-Восточной Азии (рис. 4) [13]:

Танкеры менее 100 тыс. т с Ближнего Востока и Африки проходят через Малаккский пролив и далее через Южно-Китайское море в КНР. По данному маршруту проходит порядка 82% всей импортируемой Китаем по морю нефти. Также, согласно расчетам китайского правительства,

около 60% всех кораблей, проходящих через данный пролив в год, направляются в Китай.

Танкеры более 100 тыс. т транспортируют нефть с Ближнего Востока, Африки и Америки через Зондский пролив в пролив Гаспар и далее в Китай через Южно-Китайское море.

Еще один маршрут для танкеров из Латинской Америки и южной части Тихого океана пролегает через Филиппинское море.

И последним альтернативным маршрутом является Ломбокский пролив — Макасарский пролив — Филиппинском море — западная часть Тихого океана — Китай. Последние два маршрута занимают порядка 4% от всех морских энергоперевозок в КНР.

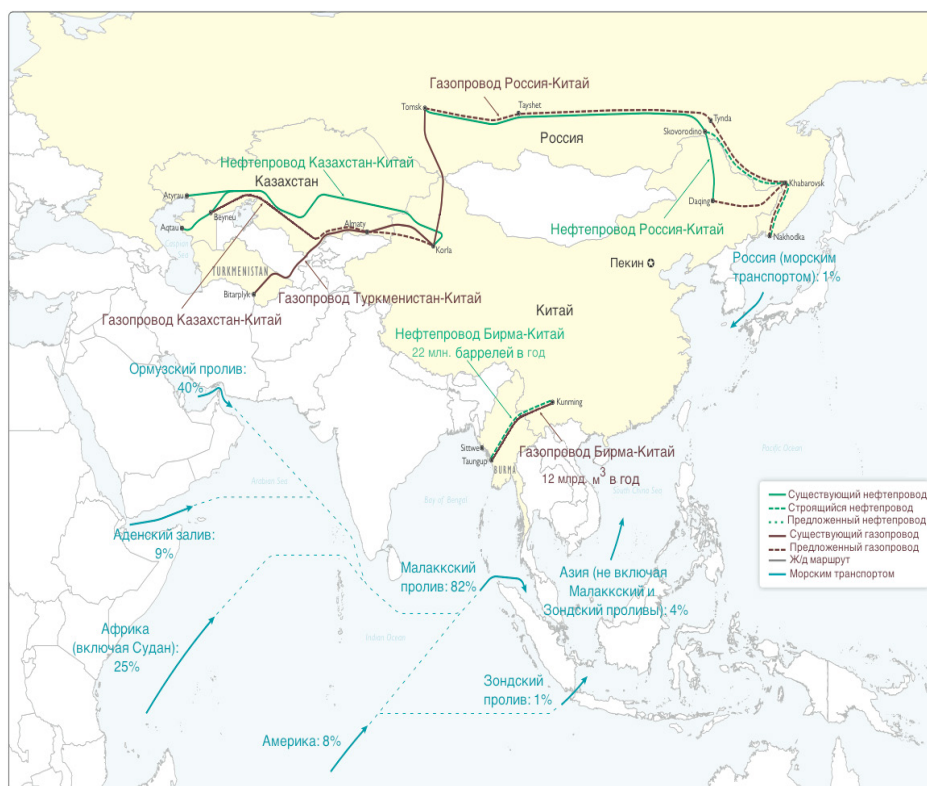

Рис. 4. Карта энергетических коридоров КНР

Источник: *Libya Project*

Следует отметить, что в настоящее время для энергетической безопасности КНР существуют определенные угрозы, вызванные чрезмерной зависимостью от узкого Малаккского пролива. Эти риски

связаны как с пиратством и терроризмом на море в ЮВА, так и с растущей конкуренцией с крупнейшими мировыми игроками в виде США, Японии и Индии за контроль над морскими путями. Осознавая серьезность данной угрозы, Китай реализует стратегию диверсификации энерго-поставок за счет внедрения дополнительных маршрутов.

Одним из таких вариантов стало строительство нефте- и газопровода Бирма — Китай. Стоимость проекта совместного предприятия между China National Petroleum Corporation (CNPC), которой принадлежит контрольный пакет акций, и Мьянмской национальной нефтегазовой компанией составляет 2,5 млрд долл. США. Прокладка газопровода началась летом 2010 г., а запуск был осуществлен в октябре 2013 г. Протяженность газопровода — 2 520 км, из которых 793 км проходят по территории Мьянмы. Согласно данным CNPC, первоначальная годовая пропускная мощность — 12 млрд м³. Такой объем природного газа позволит Китаю сократить потребление традиционного энергоносителя — угля на 30,72 млн т в год. Газ в газопровод Бирма — Китай поступает из офшорного месторождения Shwe (Шве), запасы которого оцениваются в 258 млрд м³ [14].

Параллельно с газопроводом ведется строительство и нефтепровода пропускной способностью 22 млн т. Ввод в эксплуатацию планируется осуществить в текущем году по мере завершения строительства нефтеперерабатывающего завода в провинции Юньнань. Данный трубопровод позволит сократить маршрут через Малаккский пролив на 750 миль, что снизит зависимость от него на 30% и более [15].

Другой продвигаемой Пекином инициативой в ЮВА является строительство судоходного канала через перешеек Кра на юге Таиланда (т.н. Тайский канал). Как и в случае с Панамским и Суэцким каналами, Тайский канал должен значительно улучшить транспортные возможности региона и разгрузить Малаккский пролив, в котором суда подвергаются атакам пиратов. По расчетам китайских экспертов, реализация данного проекта позволит эффективно перенаправить около 90% судов из Малаккского пролива, что также сократит общее потребление топлива при транспортировке [16]. Однако реализация данного проекта сдерживается большой стоимостью и ожидаемыми экологическими проблемами. Согласно китайским оценкам, строительство займет около десяти лет и будет стоить от 20 до 25 млрд долл. США. Альтернативу Тайскому каналу Китай видит в строительстве нефтепровода длиной 260 км через перешеек Кра с возможностью транспортировки по меньшей мере 1,5 млрд барр. нефти в день [17].

Вместе с тем Китай диверсифицирует энергетические маршруты в ЮВА за счет создания Трансазиатской железнодорожной сети. Так, с 2011 г. реализуется проект строительства скоростной ж/д магистрали Куньмин — Сингапур и Куньмин — Ханой (Вьетнам) в рамках Национального плана по развитию сети железных дорог на 2003—2020 гг. В дальнейшем они должны стать частью высокоскоростных магистралей Пекин — Сингапур и Пекин — Ханой. Дорога из Куньмина до Сингапура длиной 3 900 км через столицу Лаоса Вьентьян, столицу Малайзии Куала-Лумпур и столицу Таиланда Бангкок должна занять до 15 часов. Окончание строительства планируется на 2020 г. [18]. Трансазиатская железная дорога (ТАЖД) даст огромный толчок развитию инфраструктуры и бизнеса государств на берегах реки Меконг, в чем сильно заинтересованы члены АСЕАН.

В то время как запасы нефти в Юго-Восточной Азии являются минимальными по сравнению с Ближним Востоком, Африкой и Латинской Америкой, регион является четвертым в мире производителем сжиженного природного газа (СПГ), что делает его важным источником энергии для китайской экономики. Принимая во внимание одну из главных целей руководства КНР — сократить загрязнение окружающей среды, увеличение использования относительно чистого сжиженного природного газа за счет нефти и угля будет приоритетным. Так, Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация (CNOOC) надеется удвоить потенциал импорта СПГ к 2015 г., построив пять дополнительных терминалов, что увеличит потребление природного газа с 5 до 8% [19].

Казахстан, обладая огромным газовым потенциалом, способен занять выгодное положение в области производства сжиженного газа и дальнейшего его экспорта в Китай. На первоначальном этапе следует рассмотреть введение в эксплуатацию модульных установок на газораспределительных станциях магистральных газопроводов, с большим потреблением газа низкого давления. Для решения этой задачи необходимо использовать совершенные технологии в области добычи природного и утилизации попутных нефтяных газов с выделением из них товарных продуктов в сжиженном виде [20]. Ежегодно в Казахстане на факелах нефтедобывающих компаний сжигается до 10 млрд м³ газа, что также негативно сказывается на окружающей среде [21].

Сегодня в мире разработаны экономичные и эффективные способы сжижения природного газа, отвечающие экологическим требованиям, основу которых составляют специально разработанные генераторы

холода. Данные генераторы не имеют механизмов вращения, то есть для их использования не требуется электроэнергия и применение вспомогательных рабочих смесей. Впервые в Казахстане в Актобе прошла успешные испытания модульная установка по очистке нефтяного и сжижению природного газа производительностью 25 000 нм³/час. Существующая в настоящее время в Казахстане сеть газораспределительных станций, установленных на магистральных газопроводах, имеет рабочее давление до 60 кгс/см². Использование данной энергии для сжижения газа позволяет получать продукт с низкой себестоимостью [22]. Параллельно с этим в Казахстане следует обратить серьезное внимание на возможности строительства крупного завода по производству СПГ с привлечением китайского капитала и технологий.

Принимая во внимание цель Китая по диверсификации энергетических маршрутов, следует рассмотреть экономическую целесообразность и возможность использования транзитного потенциала Казахстана для сближения экспортеров Ближнего Востока с КНР. Наиболее близким является выход в Персидский залив через Иран. Ранее предпринимались попытки энергетического сотрудничества в этом регионе. В частности, изучалась возможность строительства нефтепровода Казахстан — Туркменистан — Иран общей протяженностью 1 496 км и пропускной способностью 1 млн барр. в день. Его стоимость составляет порядка 1 200 млн долл. США. На сегодняшний день имеется только технико-экономическое обоснование проекта, которое было выполнено компанией Total Fina Elf [23]. Также следует рассмотреть возможность использования недавно построенной железной дороги Казахстан — Туркменистан — Иран для транспортировки энергоносителей в КНР.

Таким образом, принимая во внимание вопросы энергетической безопасности Китая, у Казахстана имеются возможности и перспективы для стабильного экономического роста посредством развития своего энергетического сектора, а также использования транзитного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. International Climate Policy & Carbon Markets. — 2013. — №29. — С. 12.
2. Southeast Asia Energy Outlook. International Energy Agency.
3. Там же.
4. Там же.

5. IEA forecasts steep rise in Southeast Asian crude demand, oil import bill, Platts // <http://russia.platts.com>.
6. Southeast Asia Energy Outlook, International Energy Agency.
7. Там же.
8. Там же.
9. UPDATE 2-Vietnam may delay first nuclear power plant -PM, Reuters // <http://www.reuters.com>. — 2014/01/16.
10. Southeast Asia Energy Outlook, International Energy Agency.
11. Там же.
12. Там же.
13. Zhao Hong. Energy Security Concerns of China and ASEAN: Trigger for Conflicts or Cooperation in the South China Sea. EAI Working Paper №159. — P. 5.
14. Трубопровод Мьянма — Китай заработал // УКРинформ // <http://www.ukrinform>.
15. Zhang Xuegang. Southeast Asia and Energy: Gateway to Stability. China Security. — Vol. 3. — No. 2. — Pp. 18—35.
16. Там же.
17. Xue Li. Energy Development in ASEAN Countries and Sino-ASEAN Energy Cooperation. — P. 40.
18. Андрей Белятский. Китай в шаге от завершения строительства высокоскоростной железной дороги Ланьчжоу — Урумчи, до казахской границы «рукой подать» // <http://atomics-biz.blogspot.kr>. — 2013/11/.
19. CNOOC to add five more LNG terminals by 2015. SeatradeGlobal // <http://www.seatrade-global.com>. — 2015.
20. Топливо будущего. Капитал // <http://kapital.kz>.
21. Казахстан по запасам природного газа занимает одно из ведущих мест в мире. КазМунайГаз // <http://www.kmg.kz>.
22. Топливо будущего, Капитал...
23. Андрей Чернов. Трубопроводы как контуры глобального будущего // <http://east.terra-america.ru>.

Россия и Казахстан в иерархии внешнеполитических приоритетов КНР

С.Ж. САПАНОВ, А.А. КАЛИЕВА

Ключевые слова: *Китай, Евразия, китайская политика безопасности, внешнеполитическая концепция, нефтяная политика, геоэкономика, геостратегия.*

Казахстанский Институт Стратегических Исследований при Президенте РК делит внешнеполитическую активность Китая на три группы проблем:

Глобальные - оценка Китаем глобализации и своего места и роли в ней; китайско-американские отношения и отношения между КНР и Западом в целом; ВТО и международная торговля; геоэкономические проблемы; стратегия КНР в АТР; китайская политика безопасности;

Политика КНР в Азии - китайско-индийские, китайско-пакистанские отношения; ЮВА и Южная Азия во внешнеполитической стратегии КНР; Северо-Восточная Азия и интересы Китая; Средний и Ближний Восток;

Китай и Евразия - китайско-российские отношения; стратегия Китая в Центральной Азии; энергетические и коммуникационные проекты КНР во внутренней Евразии [1].

При этом следует отметить, что в китайской внешней политике отсутствует единое направление «СНГ», таким образом, все 12 стран выступают самостоятельными единицами международного права для китайского руководства. На первый план, как среди СНГ, так и в масштабе общей внешнеполитической концепции, несомненно, выходит Россия, занимая среди приоритетов признанное второе место после США. Это подтверждается неоднократными упоминаниями китайских политиков в своих выступлениях.

Интересная ситуация до недавнего времени обстояла в политике Пекина в Центральной Азии - она здесь отличалась чрезвычайной осторожностью и сдержанностью, даже некоторой дистанцированностью.

Это в первую очередь объяснялось тем, что, отдавая больший приоритет сложившихся дружественных отношений с Россией, Китай признавал

ее естественную сферу влияния в этом регионе. Традиционно международные аналитические круги воспринимали центральноазиатскую политику Китая как отражение его стремления обеспечить себе «стратегический тыл». Соответственно место региона во внешнеполитической иерархии Пекина было невысоким. Великие державы сохраняли за собой приоритет во внешних контактах Пекина, а приграничные государства, согласно официальной концепции, оставались на третьем месте, после развивающихся стран [2].

Однако, по мере осознания реальной мощи РФ, а также ее политического и экономического присутствия в ЦА, китайское правительство все увереннее действовало в этом регионе. После развернувшейся здесь 11 сентября 2001 г. глобальной антитеррористической кампании и последующим размещением войск США у китайских границ ситуация кардинально изменилась. Более того, активизация Пекина в ЦА по меньшей мере способствовало возникновению оранжевых революций. По сути, государственный переворот в Кыргызстане (2005, 2009) и трагические события в Андижане (Узбекистан) (2005) поставило под угрозу безопасность и стабильность на северо-западных окраинах Поднебесной. По мнению казахстанских исследователей, «разворот» к ЦА сам по себе можно считать сенсацией в китайской внешней политике, так же, как и участие Китая в ШОС. Новые принципы внешнеполитической стратегии Пекина официальное оформление получили во второй половине 2002 года на XVI съезде КПК.

Из множества сформулированных направлений непосредственно стран ЦАР касаются:

1) начало нового этапа взаимодействия и сотрудничества между Китаем и странами так называемого «третьего мира», что в трактовке официальных лиц КНР подразумевает продолжение политики построения развитого общества в Китае путем активного поддержания многообразия мира и всяческого содействия развитию более тесного сотрудничества с развивающимися странами;

2) установление этапа сравнительно хороших отношений КНР с приграничными государствами; хотя, на взгляд китайского руководства, современные отношения с различными странами, с которыми у КНР имеется общая граница, отличаются многообразием, все они строятся на основе конструктивного взаимодействия и приносят важные результаты для экономики и безопасности Китая;

3) начало этапа оживления внешнеполитического диалога в многостороннем формате, что, по мнению китайских лидеров, во многом определяет совместные международные отношения (в докладе съезду был особо сделан акцент на процесс эволюции ШОС, который, как было

сказано, отражает новую роль многостороннего сотрудничества для укрепления безопасности);

4) важная роль Китая в международной антитеррористической борьбе [3]. Сегодня мы можем говорить о все возрастающей роли РФ и стран ЦА/ Казахстана/ в иерархии внешнеполитических приоритетов Пекина.

Российская Федерация во внешней политике КНР

Китай в своей российской политике преследует следующие цели: добиться реализации трубопроводного проекта из Восточной Сибири к своему тихоокеанскому побережью, обеспечить себе доступ к Японскому морю через территорию РФ, интенсифицировать трансграничную торговлю на выгодных для себя условиях (бартер, неконтролируемый бестаможенный импорт ресурсов), обеспечить расширение китайской торговли и китайского экономического присутствия во внутренних районах России, добиться политического решения вопроса об экспорте китайских трудовых ресурсов в РФ, добиться новых территориальных уступок от России, начать демографическую экспансию, усилить свое влияние в ШОС, постепенно вытеснять Москву от решения проблем в Центральной Азии, использовать российский фактор в своих отношениях с США [4].

Как утверждают российские исследователи, в отношениях России и КНР полностью и окончательно снят вопрос о взаимной угрозе. Это закреплено на договорно-правовом уровне. В Совместной декларации об основах взаимоотношений между РФ и КНР от 18.12.1992 г. подчеркивается, что «... все спорные вопросы между двумя государствами будут решаться мирными средствами. Они не будут прибегать к силе или угрозе силой в какой бы то ни было форме в отношении друг друга, в том числе с использованием территорий, территориальных вод и воздушного пространства третьих стран... ни одна из Сторон не будет участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных против другой Стороны, заключать с третьими странами каких-либо договоров и соглашений, наносящих ущерб государственному суверенитету и интересам безопасности другой Стороны» [5].

Ряд подписанных в дальнейшем документов подтверждает отсутствие угрозы со стороны государств по отношению друг к другу.

В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г. «в юридической форме закреплена мирная идеология двух государств и их народов: навеки друзья и никогда - враги» [6].

Отвечая на вопросы корреспондента газеты «ЖеньминьЖибао», экс-министр иностранных дел РФ Иванов И.С. сказал: «Для многовекторной внешней политики России отношения с Китаем представляют собой са-

мостоятельную величину, не подверженную каким-либо конъюнктурным изменениям. Это - наш безусловный приоритет» [7].

Согласно Декларации от 21 декабря 2003 г. «Российская сторона подтверждает, что правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Россия неизменно признает, что Тибет — неотъемлемая составная часть Китая. Китайская сторона поддерживает усилия Российской стороны по борьбе с чеченскими террористами и сепаратистами».

В сфере экономического сотрудничества между этими государствами установлены перспективные положительные отношения.

В то же время обороты взаимной торговли в начале 2013 г. вышли на новые рубежи, в экономическом сотрудничестве рывок еще не произошел. Китайские инвестиции в российскую экономику не превышают 300 млн. долл., уступая особенно сильно японским, если учитывать портфельные и ассоциированные формы японских вложений.

Например, в 2003 году объем товарооборота между Россией и Китаем достиг 15,7 млрд. долл. США, при этом положительное сальдо России составило 3,7 млрд. долл.

В основном нефть доставляется в Китай железнодорожным транспортом. Перевозки нефти по Транссибирской магистрали из России в Китай в 2005 году выросли более чем на треть и превысили 7,6 млн. тонн. На 68%, достигнув 5,2 млн. тонн, транспорт углеводородного сырья увеличился через пограничный переход Забайкальск-Маньчжурия [8].

Россия оказывает Китаю содействие в области ядерной энергетики - сооружении атомных электростанций в провинции Цзянсу и разработке урановых рудников, а также в сфере электроэнергетики (выполняются контракты на поставку 16 энергоблоков для семи ТЭС). Наиболее перспективным представляется сотрудничество в разработке нефтегазовых месторождений Сибири и Дальнего Востока и прокладке трубопроводов для снабжения энергетическим сырьем северо-восточных провинций КНР. Рамочное соглашение о намерениях поставки природного газа с Ковыктинского месторождения близ Иркутска, через Монголию в Китай было подписано высшими должностными лицами двух стран еще в 1997 г. Однако цена проекта (около 10 млрд. долл.) усложняет привлечение финансовых инвестиций. Наиболее реальными участниками консорциума по реализации амбициозных энергетических проектов были бы Япония и Республика Корея, однако обе эти страны заинтересованы в комплексном решении проблемы доставки российского энергетического сырья не только в Китай, но и к ним.

Несмотря на эти сложности, взаимодействие в области энергетики продвигается вперед. Планируется строительство нефтепровода «Россия-

Китай». «Газпром» совместно с компанией «Ройял Датч Шелл» выиграл тендер на прокладку трубопровода из Западных районов Китая в Шанхай. Так министр иностранных дел России Сергей Лавров сообщил, что в ближайшее время будет начата реализация проекта по строительству ответвления газопровода на Китай [9].

По мнению президента РФ В.В. Путина Россия построит нефтепровод из Восточной Сибири на тихоокеанское побережье, если проект будет реализован, то он позволит существенно увеличить объемы нефти, поставляемой из России в Китай.

Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем весомее их обоюдной торговли не только в стратегическом, но и в экономическом отношении [10]. КНР стала ведущим покупателем российского вооружения. В тяжелый для экономики РФ переходный период (с 1992 по 1997 гг.) Пекин приобрел оружия на сумму приблизительно в 6 млрд. долл. (в среднем около 1 млрд. в год). В российские поставки входят различные типы боевых самолетов, в частности СУ-27, которых до 1996 г. Китаю было продано 46 единиц. Затем Китай приобрел лицензию на участие в строительстве, а позже и на производство, 200 самолетов этого типа. Для этой цели в Шэньяне после 1996 г. были построены производственные корпуса [11]. В 1999 г. после четырехлетних переговоров, Россия изъявила готовность поставить Китаю 60 новых истребителей СУ-30 на сумму 2 млрд. долл. Эта закупка была расценена как значительное увеличение боевой мощи Китая, имеющее немаловажное значение в случае военной конфронтации с Тайванем [12].

С 1999 г. начинается новая волна закупок военно-воздушной техники. Весьма важным элементом российско-китайского военно-технического сотрудничества стала также передача отдельных подсистем и агрегатов для использования в национальных китайских проектах. Речь идет в первую очередь о бортовых радарах и современных авиационных двигателях. Отдельно следует упомянуть поставки российской техники для китайских ПВО. Почти во всех областях сотрудничества действуют межправительственные, межведомственные и межрегиональные комиссии [13].

В период с 18 по 25 августа 2005 г. на территории России и Китая состоялись первые в истории отношений двух стран совместные антитеррористические учения «Мирная миссия-2005», в которых приняли участие около 10 тыс. военнослужащих и военно-воздушных сил, военноморских сил, военно-десантных войск и сухопутных войск, в том числе с российской стороны - 1800 человек [14].

Существенным позитивным потенциалом обладает сотрудничество РФ и Китая в политико-дипломатической сфере, в первую очередь, в

решении таких глобальных международных проблем, как разоружение, ограничение стратегических наступательных вооружений, сохранение режима нераспространения ядерного оружия и технологий создания средств его к цели, реформирование ООН, общая позиция по проблеме Сирии и др.

По словам российского исследователя Шлындова А., Россия и Китай в целом одинаково трактуют понятие «терроризм». Они включают в него не только собственно террористические действия, но и экстремистскую и сепаратистскую активность, которые США и другие страны Запада отождествляют с национально-освободительным движением, борьбой, так называемых поработенных наций за свободу и независимость [15].

Россия и Китай «выступают против увязывания терроризма с конкретными государствами, нациями и религиями, а также против двойных стандартов в вопросах борьбы с терроризмом» [16].

В политической области в настоящее время обе страны являются членами Совета безопасности ООН, принимают участие в шестисторонних переговорах по ядерной проблеме Северной Кореи и являются членами Шанхайской организации сотрудничества [17].

После разрушения США Договора по ПРО новым рубежом сотрудничества по налаживанию совместных действий России и Китая на международно-правовом поле с целью недопущения получения Вашингтоном решающих преимуществ в стратегических ядерных средствах стало противодействие милитаризации космоса. Российские и китайские представители тесно сотрудничают в Генеральной Ассамблее ООН и на Постоянной конференции по разоружению в Женеве по всему комплексу вопросов, затрагивающих проблему недопущения милитаризации космоса [18]. Касаясь проблематики иранской ядерной программы, ставшей наиболее актуальной сегодня, также следует подчеркнуть идентичность позиций двух стран. В российской прессе после переговоров с министром обороны Китая Цао Ганчуанем вице-премьер, министр обороны РФ Сергей Иванов заявил: «И Россия, и Китай стремятся к политико-дипломатическому урегулированию этой проблемы. Ее необходимо решать, никакой альтернативы переговорному процессу в этом вопросе нет» [19].

Как России, так и Китаю приходится поддерживать с Ираном близкие отношения, за которыми стоят главным образом интересы в сфере энергоресурсов и коммерции. Такие отношения сохраняются несмотря на растущее беспокойство международной общественности по поводу поведения Тегерана и настойчивые призывы к принятию мер со стороны США и стран ЕС. Мы считаем, что даже если удастся убедить Китай дать согласие на передачу иранского досье в ООН, он вряд ли

поддержит, какие бы то ни было санкции, мешающие его торговым отношениям с Ираном - которые большей частью заключаются в импорте нефти.

Актуальной проблемой в двухсторонних отношениях является вопрос депопуляции некоторых районов Дальнего Востока. Как считают китайские политики, российское руководство должно все более отчетливо осознавать, что депопуляция некоторых районов Дальнего Востока диктует необходимость воспроизводства рабочей силы, в частности, за счет использования китайских трудовых ресурсов [20].

Между тем, никакой демографической экспансии в России не существует. Данное утверждение подкрепляется официальными сведениями, результатами полевых исследований, экспертными оценками. Общее число китайцев в России специалисты и Москвы, и Дальнего Востока оценивают в пределах 200-500 тыс. человек. Средний ежегодный миграционный прирост численности китайцев за 1998-2002 гг., в соответствии с данными Госкомстата, равнялся 12,6 тыс. чел. [21].

По оценке директора Института археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН В.Л. Ларина, на Дальнем Востоке проживает 25-30 тыс. китайцев [22]. В Приморском крае, где доля китайцев в общей численности населения особенно велика, в любой отдельно взятый день она, согласно подсчетам, составляет 0,3-1,1% населения края [23].

Нет никаких оснований говорить и о наличии демографической экспансии в виде нелегальной иммиграции. Еще в середине 1990-х гг. правительством был принят целый ряд мер, позволивших взять под контроль прежде неуправляемый поток мигрантов из Китая. Были введены в практику массовые проверки на предмет соблюдения паспортно-визового режима, административные наказания и депортация нарушителей. В результате доля лиц, своевременно возвращающихся в Китай, приблизилась к 100% [24].

Казахстан во внешней политике Китая

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на днях дал интервью китайским СМИ - информационному агентству Синьхуа, газете «Жэньминь жибао» и международному радио Китая об отношениях с Китаем.

В своем интервью глава государства определил несколько ключевых факторов, которые делают наши отношения особенными.

Во-первых, это многообразие и эффективность форматов взаимодействия. Оно включает не только прямое двустороннее сотрудничество. Мы тесно работаем в рамках международных и региональных организаций, в том числе ШОС и СВМДА.

Все возникающие вопросы решаются в рамках переговоров. Налажена практика проведения регулярных консультаций в области безопасности, по ключевым региональным и международным проблемам.

Наконец, важную роль играют регулярные контакты на высшем уровне - свидетельством чему и является нынешний визит председателя КНР.

Во-вторых, наши отношения уже «взошли» на ту ступень, когда мы согласовали стратегические принципы сотрудничества и можем работать предметно, по конкретным проектам.

В-третьих, необходимо отметить многогранность нашего взаимодействия. Казахстан и Китай усиливают партнерство сразу в нескольких измерениях - политическом, экономическом, социальном, культурном. В одной только экономической сфере совместные проекты охватывают широкий спектр отраслей. Все это делает наши отношения гармоничными и, следовательно, более устойчивыми.

Наконец, в последние годы стал отчетливо проявляться еще один важный аспект - выход казахстанско-китайского сотрудничества за рамки не только двух стран, но и региона Центральной Азии. Особенно это касается транспортной сферы, что вызвано объективными факторами. Китай, будучи крупнейшей производственной площадкой мира, ведущим финансовым и экономическим центром планеты, наращивает торговые потоки, интенсивность которых в перспективе будет только усиливаться.

Казахстан, в свою очередь, благодаря уникальному геополитическому положению, обладает мощным потенциалом для организации транспортных путей, соединяя Азию с Европой. Проекты по созданию международных транспортных коридоров позволят превратить это естественное преимущество в реальность и интегрировать Казахстан в глобальную систему грузовых перевозок. При наземной транспортировке между Европой и Китаем через Казахстан расстояние уменьшается в 3,5 раза, по сравнению с морским путем. Мы убеждены, что будущее казахстанско-китайских отношений связано именно с реализацией масштабных инфраструктурных и энергетических проектов, оказывающих влияние на весь регион.

В целом взаимодополняемость наших экономик, схожее видение по ключевым международным вопросам дают все основания полагать, что отношения будут развиваться очень динамично - отметил Н.А. Назарбаев. По мнению казахстанских экспертов за период с 1992 года казахстанско-китайские отношения прошли определенную эволюцию.

Например, за период 1992-2013 гг. Президент РК Н.Назарбаев совершил около 15 визитов в Китай [25]. Во время этих визитов были подписаны ряд совместных документов по ключевым вопросам:

Так, 25.04.1994 году и Дополнительным соглашением между РК и КНР о казахстанско-китайской государственной границе от 24.09.1997 года был решен вопрос о ее делимитации 53% оспаривавшихся территорий отошли к Казахстану [26]. 23 ноября 1999 г. в Пекине Председатель КНР Цзян Цзэминь и Президент РК Н. Назарбаев подписали Совместное коммюнике о полном урегулировании пограничных вопросов между РК и КНР [27]. 14 мая 2002 г. в Пекине был подписан Протокол о демаркации линии казахстанско-китайской государственной границы, ставящий точку в долгосрочном процессе урегулирования пограничного вопроса [28]. Согласно этим документам общая протяженность демаркированной казахстанско-китайской границы составляет 1782 км, из них 1215 км приходится на сухопутную границу и 566 км - на водную. Линия границы обозначена 559-ю пограничными знаками [29].

Совместная декларация об установлении и развитии стратегического партнерства от 4 июля 2005 г., Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 23 декабря 2002г., Программа сотрудничества на 2003-2008 годы от 3 июня 2003 года и Комитет по сотрудничеству, созданный 2 июля 2004 года, являются базисной основой двусторонних отношений, направленных на долгосрочное стабильное развитие стратегического партнерства между РК и КНР. Сегодня реализуются такие крупные инфраструктурные проекты, как строительство и эксплуатация нефте- и газопроводов, автодорога «Западный Китай-Западная Европа», «Международный центр приграничного сотрудничества Хоргос», новый железнодорожный переход Алтынколь-Хоргос, транспортно-логистический комплекс СЭЗ «Хоргос-Восточные ворота». Их реализация значительно расширит транзит товаров из Китая через казахстанскую территорию в страны Европы, Центральной Азии, Кавказа, Ближнего Востока, Персидского залива и в обратном направлении.

По мнению казахстанского исследователя А. Каукенова начальный этап экономических отношений Казахстана и Китая характеризовался довольно высокими темпами роста. Если в 1986 году объем торговли между Казахстаном и Синьцзяном составлял всего \$3 млн., то в 1987 - \$11,8 млн., а в 1989 - уже \$45,6 млн.

К 1991 году, то есть непосредственно перед получением Казахстаном независимости, его экономические отношения с Китаем были сравнительно слабо развиты. КНР стала одним из главных торговых партнеров Казахстана после развала Советского Союза, так 52% всего его экспорта в страны так называемого «дальнего зарубежья» приходилось на Китай.

В середине 1989 году между СУАР и Казахстаном было подписано соглашение об экономическом, техническом и торговом сотрудничестве

на период 1989-1995 годы. Общая стоимость всех предусмотренных соглашением сделок составляла свыше \$1,5 млрд., а товарооборот между этими соседними регионами двух стран предполагалось довести к 1995 году до \$220-260 млн. В июле 1991 года в ходе визита Н. Назарбаева в СУАР КНР подписывается «Соглашение о принципах и основных направлениях развития сотрудничества между Казахской ССР и Синьцзяном». Кроме того, 31 июля 1991 года в Кульдже между Казахстаном и СУАР подписывается соглашение, предусматривающее так называемый «шоп-туризм», расчеты по которому осуществляются только в свободно конвертируемой валюте. В связи с распадом Советского Союза и перехода Казахской ССР в статус независимой республики, полностью обязательства по данным соглашениям не были выполнены в запланированном объеме, однако интерес к развитию торгово-экономического сотрудничества с обеих сторон был очевиден. Таким образом, основные принципы и механизмы складывания экономических отношений между Казахстаном и Китаем были заложены еще в 80-е годы XX века. Именно в тот период стало очевидно, что основным торговым партнером Казахстана в КНР станет Синьцзян-Уйгурский автономный район. Кроме того, стала очевидной обоюдная заинтересованность в развитии торгово-экономического и научно-технического взаимодействия [30].

Уже в 2004 году товарооборот между Синьцзяном и Казахстаном достиг 3,3 млрд. дол. США, составив 58,3 процента общего внешнего товарооборота в автономном районе, или 73 процентов торговли Китая с Казахстаном. Синьцзян экспортирует в Казахстан главным образом продовольствие, томатный соус, сахар, хлопок, текстиль, одежду и т. п., а импортирует из Казахстана стальной прокат, химические удобрения, металлоконструкции и др. [31].

По данным Агентства по статистике РК, на 1 ноября 2005 года в республике зарегистрировано 4000 малых совместных предприятий с участием китайского капитала, из них 2866 - действующие.

Предприятия работают в различных отраслях экономики, в основном это: торговля, ремонт автомобилей и изделий домашнего пользования, транспорт и связь, обрабатывающая промышленность, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, гостиницы и рестораны, финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и услуги, сельское хозяйство и строительство. Если товарооборот между РК и КНР за 2005 г. составил 3,7 млрд. долл. США, объем экспорта из РК в КНР - 2,4 млрд. долл., импорта - 1,3 млрд. долл. США. Удельный вес КНР в общем объеме товарооборота РК составляет 8,1%, в общем объеме экспорта - 8,7%, в общем объеме импорта - 7,2% [32].

В разрезе по товарным позициям грузов, перевозимых через переход «Дружба-Алашанькоу» - главные торговые ворота из Казахстана в Китай, она такова: цветные металлы - 9%, черные металлы - 26%, нефть - 15%, окатыши - 9%, химикаты - 1%, лес - 2%, ТИП - 5%, металлолом - 27%, удобрения - 4% [33]. Стратегическую цель к 2015 году увеличить объем взаимной торговли до 40 млрд, долларов США.

Казахстан, как известно, обладает достаточно сильным военно-промышленным комплексом, оставшимся в этой республике после распада СССР, что позволяет ему уверенно чувствовать себя в этой непростой сфере взаимоотношений. Так, в течение 1998-1999 гг. была подписана серия соглашений о поставках китайским ВМС пробной партии торпед производства Казахстана, достигнутых в ходе контактов между высокопоставленными представителями вооруженных сил двух соседних азиатских стран [34]. В целом, между Казахстаном и Китаем заключены соглашения на сумму более 9,5 млн. долл. Они предусматривали совместную разработку и освоение Актюбинского нефтегазового месторождения и месторождения Узень. В 1997 г. КННК в конкурентной борьбе с рядом западных нефтяных компаний стала победителем тендера и получила 60% акций казахстанской компании «Актобемунайгаз». Официальная причина правительственного решения в пользу китайской компании - очень привлекательный для Казахстана пакет обязательств, который включал строительство трубопровода в Китай и участка трубопровода до границы с Туркменистаном и далее в Иран, а также обеспечение первоначальных инвестиций в проект реабилитации Узеньского месторождения [35].

В настоящий момент завершено строительство магистрального нефтепровода протяженностью 962,2 километра, который соединяет Атасу (Казахстан) с пограничным пунктом Алашанькоу (Alashankou) на границе КНР и Казахстана. 25.05.2006 первая нефть из Казахстана по новому трубопроводу поступила в Китай. На первом этапе ежегодно по нему будет поставляться в Китай 10 миллионов тонн. Строительство нефтепровода было начато в сентябре 2004 года и завершилось в ноябре 2005 года. В реализацию этого проекта Китай и Казахстан вложили в общей сложности \$700 миллионов. По своей территории Китай проложил нефтепровод Алашанькоу- Душаньцзы длиной 252 километра. В Душаньцзы находится нефтеперерабатывающий завод [36].

Казахстанско-китайское сотрудничество в нефтегазовой сфере нельзя назвать удачным. Так, в течение нескольких лет КННК не могла приступить к реализации проекта реабилитации Узеньского месторождения. В результате к восстановлению Узеня приступила компания «Казахойл».

Нефть из Казахстана продолжает транспортироваться железнодорожными цистернами.

В 2001 г. имел место конфликт, связанный с отказом Орского нефтеперерабатывающего завода (Россия) принимать на нефтепереработку актюбинскую нефть, поскольку неоднократные предупреждения Тюменской нефтяной компании, являющейся совладельцем Орского НПЗ, о необходимости переоформления лицензии и разрешения на поставку были проигнорированы менеджерами КННК. В результате остановилась добыча почти на сотне нефтяных скважинах, бюджет Актюбинской области понес убытки в размере 4 млн. долл. [37].

В настоящее время РК и КНР занимаются разработкой обоснования инвестиций (ОИ) по проекту строительства казахстанско-китайского газопровода. Проектная пропускная способность казахстанско-китайского газопровода, трасса которого пройдет по маршруту Атырау (Макат) - Актобе (Жанажол) - Атасу - Алашанькоу, составит 30 млрд, кубометров в год. При этом первую очередь газопровода первоначальной мощностью не менее 10 млрд кубометров в год планируется построить и ввести в эксплуатацию в 2009 году. Строительство и ввод в строй второй очереди запланированы на 2012 год, в результате чего ежегодная пропускная способность газопровода вырастет до 30 млрд, кубометров. Оптимальные объемы поставок газа будут определены в ходе разработки ОИ. Казахстан намерен поставлять свой газ на китайский рынок посредством данного газопровода не менее 30 лет. После завершения ОИ в случае технической осуществимости, экономической эффективности проекта, одобрения отчета по ОИ соответствующими государственными органами двух стран «КазМунайГаз» и CNPC подготовят и заключат соглашение об основных принципах строительства газопровода Казахстан - Китай [38].

15 октября 2005 г. «КННК Интернешнл» и НК «КазМунайГаз» подписали меморандум о взаимопонимании, по которому последний приобретет часть акций «Петроказахстана» для стратегического контроля над освоением ресурсов полезных ископаемых в Казахстане и получения прав на совместное управление Шымкентским нефтеперерабатывающим заводом и его продукцию в равных долях [39].

По оценкам лидеров двух стран, почти полное взаимопонимание достигнуто в вопросах обеспечения региональной безопасности. Через структуры Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Китай играет одну из ведущих ролей в решении этих вопросов. Между Казахстаном и Китаем действует Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанное 23 декабря 2002 года в Пекине. Активно контактируют правоохранительные

органы и спецслужбы. Создан казахстанско-китайский Подкомитет по сотрудничеству в области безопасности. Проведены совместные антитеррористические учения стран - участниц ШОС. В рамках этого объединения создана Региональная антитеррористическая структура в Ташкенте. Наконец, нельзя не отметить и то обстоятельство, что 23 декабря 2002 года между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Такого рода документ КНР имеет только с Российской Федерацией [40].

Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что Китай и Казахстан - добрые соседи и всесторонние стратегические партнеры. За 21 год со дня установления дипломатических отношений двусторонние связи развиваются быстрыми темпами. «В обеих странах рассматривают развитие взаимоотношений друг с другом своим внешнеполитическим приоритетом. Можно сказать, что китайско-казахстанские отношения сегодня находятся на небывалом высоком уровне, и в развитии всестороннего стратегического партнерства двух стран открываются беспрецедентные шансы», - сказал глава Китая. Накануне своего визита в Казахстан Председатель КНР отметил, что для дальнейшего плодотворного сотрудничества две страны определили стратегическую цель - увеличить объем взаимной торговли до 40 млрд. долл. США к 2015 году. По его словам, осуществление этой цели, разумеется, требует совместных усилий обеих сторон.

«Нам следует продолжить работать на взаимовыгодных началах, сохранить благоприятную динамику сотрудничества в нефтегазовой сфере и на этой основе полностью выявлять потенциал взаимодействия в таких несырьевых секторах, как сельское хозяйство, транспорт, высокие технологии, телекоммуникация и химпромышленность» [41].

На наш взгляд, одной из актуальных вопросов в двухсторонних отношениях является проблема репатриантов. В настоящее время, по различным источникам, в Китае казахская диаспора насчитывает около 1 млн. 980 тыс. человек и является самой многочисленной колонией наших соотечественников за рубежом. Казахи в основной массе проживают в Или- Казахской автономной области (Алтайском, Илийском, Тарбагатайском округах), в Мори-Казахском уездах СУАР КНР, Аксай-Казахском автономном уезде провинции Ганьсу, а также в небольшом количестве в Пекине.

К сожалению, за последние годы в Китае сокращается сфера применения казахского языка в местных органах власти, закрываются национальные школы. наших соотечественников также беспокоит

политика Пекина по ограничению рождаемости детей, что приведет к замораживанию численности казахского населения.

Между консульскими департаментами внешнеполитических ведомств двух стран проведено восемь консультаций, которые дали практические результаты, в том числе в плане достижения согласия китайской стороны на определенные упрощения процедур по оформлению выездных документов для граждан КНР казахской национальности, защиты прав оралманов. В ходе консультации обсужден круг вопросов, касающихся проблем диаспоры, перспектив сотрудничества в данной сфере двусторонних отношений. Необходимо отметить, что вопрос переселения казахских семей на историческую родину представляется довольно сложным и требует длительной и планомерной работы со стороны МИД РК [42].

ЛИТЕРАТУРА

1. Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы. Научное издание. - Алматы: Казахстанский институт Стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2005. - С. 9.
2. Галямова В. Центральнoазиатский вектор политики КНР и перспективное воздействие Китая на безопасность региона. Казахстан и Китай: стратегическое партнерство. - Алматы: ИМЭП, 2006. - 138 с. - С. 101-102.
3. Галямова В. Центральнoазиатский вектор политики КНР и перспективное воздействие Китая на безопасность региона. Казахстан и Китай: стратегическое партнерство. - Алматы: ИМЭП, 2006. - 138 с. - С. 102-103.
4. Merry E.W. Russia and China in Asia: Changing Great Power Roles. - Washington, D.C.: American Foreign Policy Council, 2002. - IX+61 hh.
5. Российская газета. 1992г., 19 декабря.
6. Проблемы Дальнего Востока. 2001, №5. - С. 12.
7. Иванов И.С. Россия в современном мире. Ответы на вызовы 21 века: Статьи и выступления. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. - 640 с. - С. 444.
8. <http://www.rzd partner.ru/news/index.php?action=view&st=136969559&id=12>
9. <http://www.telegraf.by/world/2006/03/22/chi/>
10. Ю.Иоахим Глаубиц. Россия в Восточной Азии: стремление обрести влияние и право голоса. Внешняя политика от Ельцина до Путина /Перевод с немецкого. - К.: Оптима, 2002. - 304 с. - С. 249.
11. Известия. - 15 декабря 1996.
12. Глаубиц И. Россия в Восточной Азии: стремление обрести влияние и право голоса. Внешняя политика от Ельцина до Путина /Перевод с немецкого. - К.: Оптима, 2002. - 304 с. - С. 250.
13. Современные международные отношения и мировая политика: Учебник/ А.В. Торкунов, И.Г.Тюрин, А.Ю. Мельвиль и др. МГИМО МИН России: Отв.ред. А.В. Торкунов. - М.: Просвещение: МГИМО, 2004. - 991 с. - С. 867- 869.
14. Проблемы Дальнего Востока. - 2005. - №6. - С. 19.
15. Шлындов А. О некоторых аспектах российско-китайского взаимодействия на международной арене. Проблемы Дальнего Востока. №1, 2006.-С. 22.
16. Совместное российско-китайское коммюнике по итогам состоявшегося с 30.06 по 03.07.2005 г. визита в Россию Председателя КНР Ху Цзиньтао. Проблемы Дальнего Востока. - №4. - 2005. - С. 9.
17. Михеев В. Внешняя политика Китая и современные вызовы для российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. - 2003. - №6. - С. 16-30; Гребенщиков

- Э. Россия - Китай. На перекрестках азиатской дипломатии // Азия и Африка сегодня. - 2004. - №9. - С. 9-12.
18. Шлындов А.О некоторых аспектах российско-китайского взаимодействия на международной арене. Проблемы Дальнего Востока. - №1.-2006.-С. 29.
 19. <http://news.made.ru/politics/news8507.html>
 20. Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы. Научное издание. - Алматы: Казахстанский институт Стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2005. - С. 48
 21. Гльбрас В.Г. Россия - в условиях глобальной китайской миграции. - М., 2004. - С. 34
 22. Ларин В.Л. Китайская миграция на Дальнем Востоке// Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке. - М.- Иркутск, 2004. - С. 1096.
 23. Алексеев М. Угрожает ли России китайская миграция?// Мировая экономика и международные отношения. - №11. - 2000. - С.99.
 24. Ларин А. «Китайская экспансия»: мифы и реальность// Азия и Африка сегодня. - №3. - 2006. - С.2.
 25. Становление внешней политики Казахстана: история, достижения и взгляд в будущее. Алматы: Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, 2005. - 356 с. - С. 90.
 26. Токаев К. Дипломатия Республики Казахстан. Астана: «Елорда», 2001. - 552 с.-С. 127.
 27. Добрососедство/Под ред. К. Султанова. - Пекин, 2001. - С.233-234.
 28. Документ о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи // Казахстанская правда. - 2002. - №107.- С.1.
 29. Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы. Научное издание. - Алматы: Казахстанский институт Стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2005. - С. 63.
 30. Кау кенов А. Казахстанско-китайские экономические отношения: механизмы и принципы <http://www.kazenergy.eom/ru/2-26-27-2009/3022-2011- 1 I-23-10-57-53.html>.
 31. http://www.mcds.ru/default.asp?Mode=Review&ID_L0=4&ID_L1=45&ID_L2=490&ID_L3=1534&ID=&ID_Review=121806
 32. Сабиров И. Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и Китая: проблемы и перспективы. Казахстан и Китай: стратегическое партнерство. - Алматы: ИМЭП, 2006. - 138 с. - С. 59.
 33. Сыроеждин К. Казахстанско-китайское торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество: состояние и проблемы. // Казахстан в глобальных процессах. - №1. - 2006.
 34. Лузянин С.Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов. Китай в мировой политике. - М.: МГИМО; РОССПЭН; 2001. - 528 с. - С. 325.
 35. Абишев А.Е. Каспий: нефть и политика. Второе издание. - Астана, 2004. -380 С.-С.119.
 36. <http://www.dengi-info.com/news/?nid=29796>
 37. Абишев А.Е. Каспий: нефть и политика. Второе издание. - Астана, 2004. -380с.- С.119.
 38. http://www.mcds.ru/default.asp?Mode=Review&ID_L0=4&ID_L1=45&ID_L2=490&ID_L3=1534&ID=&ID_Review=120134
 39. <http://russian.people.com.cn/31521/3784257.html>
 40. Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы. Научное издание. - Алматы: Казахстанский институт Стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2005. - С. 6
 41. Председатель КНР оценил казахстанско-китайские отношения <http://news.nur.kz/279654.html>
 42. Saylau Batyrshauly Kazakh diaspora: the present and future// Kazakhstan and contemporary world. - №1(12). - 2005.

Рецензия

М.Т. ЛАУМУЛИН

Ярошевич А., Страхота К. Китай vs. Центральная Азия. Достижения последних двух десятилетий. – Варшава: ЦВИ, 2013. – 82 с.

Работа польских исследователей Александра Ярошевича и Криштофа Страхоты «Китай против (точнее — лицом к лицу с) Центральной Азии: достижения двух последних десятилетий» является небольшой по объему, но претендует на охват всех основных вопросов по данной проблематике. Книга подготовлена в Центре восточных исследований в Варшаве. В структурном плане она состоит из четырех частей. Первая посвящена изучению фундамента взаимных отношений — исторического, стратегического, а также изучению взаимных представлений Китая о Центральной Азии и наоборот. Вторая часть освещает ключевые аспекты политических связей и отношений в сфере безопасности. Третья часть посвящена исключительно экономическому присутствию КНР в регионе. И, наконец, четвертая часть изучает китайское присутствие в ЦА уже в социальном измерении.

В обоснование концепции своей книги авторы выдвигают следующие тезисы: первый — растущее влияние Китая и его превращение в основного игрока в Центральной Азии является главным результатом развития ситуации в регионе за последние двадцать с

лишним лет после распада Советского Союза. Далее авторы утверждают, что сердцевиной интересов КНР в регионе были вопросы обеспечения собственной безопасности. В дальнейшем данная проблематика стала основой для усиления экономической и политической взаимной заинтересованности сторон. Такая эволюция отношений привела, как считают авторы, к усилению сопротивления со стороны России. Но, несмотря на российский фактор и ряд других, Китай все-таки превратился в основного стратегического партнера государств региона в экономической области.

Китай переиграл всех основных соперников (к ним авторы относят Россию, США, Турцию и Иран), чтобы стать незаменимым торгово-экономическим партнером стран Центральной Азии, а для некоторых из них — и главным инвестором. От присутствия Китая государства региона выигрывают в экономическом и политическом плане, но это не останавливает постепенного роста опасений относительно стратегических последствий подобной тесной зависимости от КНР. Однако ситуация с безопасностью вокруг Центральной

Азии остается нестабильной и вопрос о том, как долго сохранится хрупкий геополитический баланс между Россией, США и Китаем, остается открытым, заключают исследователи.

Они описывают стратегические интересы заинтересованных сторон таким образом. Для Пекина эти интересы состоят в следующем: сохранять стабильность в Синьцзяне и предотвращать негативное влияние на СУАР из ЦА; укреплять стабильность в Центральной Азии как условия для сохранения стабильности в СУАР и экономических отношений; поддерживать суверенитет государств региона и стабильность правящих режимов как необходимое условие для усиления своих экономических и политических позиций; ослаблять доминирование и влияние геополитических соперников — поначалу России, а после 2001 г. — Соединенных Штатов.

Целями политики центральноазиатских государств в отношении Китая являются следующие: защищать себя от китайской экспансии, особенно по пограничным проблемам, по мере возможности сопротивляясь китайским претензиям; с осторожностью относиться к любым проектам китайской стороны, используя в то же время китайский фактор для усиления собственных позиций на международной арене (особенно в отношениях с Россией), но при этом избегая зависимости от Пекина; в максимальной степени использовать выгоду от торгово-экономических отношений с КНР и занять место своеобразного торгового «конвейера» в трансферте китайских товаров в Европу и на Ближний Восток.

Интересы России авторы рассматривают в традиционном ключе. К ним они относят следующие: сохранение и углубление своего политического и военного доминирования и экономического влияния; блокирование и сдерживание активности своих геополитических соперников — в первую очередь США и КНР; в то же время сохранение и развитие стратегического сотрудничества с Китаем на глобальном уровне и на равных условиях.

Третья часть работы, посвященная экономическому сотрудничеству стран ЦА с КНР и росту экономического присутствия Китая в экономиках государств региона, является самой обширной и подробной. Авторы в деталях рассматривают проникновение Китая в самые различные секторы экономики и инфраструктуры региона. Секретом успеха Китая является тот факт, что Пекин проводит крайне гибкую политику и может позволить себе инвестировать в развитие энергетической инфраструктуры, не требуя контроля для себя; финансировать разработку газовых и нефтяных месторождений, не пытаясь завладеть контрольным пакетом акций на них; развивать торговлю со странами региона, кредитую их собственными же деньгами на эти цели.

В заключение авторы пишут, что достижения в развитии отношений между Китаем и Центральной Азией впечатляют. Начавшись практически с нуля в начале 1990-х гг., эти отношения привели к тому, что Китай занял место стратегического экономического партнера стран ЦА и он в состоянии действительно

оказывать реальное весомое влияние на их экономики. Становится очевидным, что растущее китайское присутствие в регионе оказывает влияние на международное положение Центральной Азии. Но при этом государства региона также выигрывают от сотрудничества с КНР. Если эти тенденции сохранятся в прежней динамике, то не за горами время, когда китайское влияние из экономического конвертируется в политическое.

Что может угрожать дальнейшему росту китайского влияния в регионе? — задаются вопросом авторы. И отвечают: это сохранение нестабильности как в регионе в целом, так и в каждой отдельно взятой республике. Также возрастает угроза стратегической неопределенности (нестабильности) с учетом вывода сил международной коалиции из Афганистана. На характер китайского присутствия в регионе могут оказывать также влияние факторы глобального

характера. Например, нестабильность на Ближнем Востоке повысит ценность Центральной Азии как источника энергоресурсов в глазах Пекина. И, наоборот, нестабильность на Южном Кавказе отрезет страны региона от поставок энергоресурсов в Европу и заставит полностью переориентироваться на китайское направление (а как же российские маршруты? — имеем право спросить мы у авторов).

В целом, несмотря на обилие в современной политологии фундаментальных исследований (казахстанских, российских, западных и китайских), посвященных политике и присутствию Китая в Центральной Азии, работа А. Ярошевича и К. Страхоты оставляет благоприятное впечатление. Она носит концентрированный характер и не страдает излишними подробностями, хотя каких-то особых открытий в этом направлении исследований она не делает.

Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под ред. А.А. Громыко и Е.В. Ананьевой. Институт Европы РАН / Российский совет по международным делам. — М.: Весь мир, 2014. — 480 с. (XVIII+462).

В современной русскоязычной постсоветской политологии давно не издавались монографии такого масштаба, посвященные отдельной европейской стране, как коллективный труд сотрудников Института Европы, изданный под эгидой Российского совета по международным делам — «Дилеммы Британии: поиск путей развития», ответственным редактором которого является известный советский и российский ученый с

прославленной в истории дипломатии и международных отношений фамилией. В работе над данным изданием приняли участие ведущие российские эксперты по Великобритании, в том числе и участвовавшие в разные периоды времени в строительстве двусторонних отношений.

Данный фундаментальный труд охватывает практически все стороны внутреннего развития и международного

положения Великобритании в период с 1997-го г. вплоть до начала 2014 г. Поскольку круг охватываемых проблем чрезвычайно широк, остановимся лишь на тех, которые имеют значение для нас. А это в первую очередь вопросы международных отношений, геополитики и безопасности политики Великобритании в отношении России и на постсоветском пространстве, отношения с США и некоторыми странами Азии и исламского мира, афганская проблема.

Авторы исходят из того факта, что Британия как составляющая англосаксонской модели развития и проводник Вашингтонского консенсуса оказалась в эпицентре мирового экономического кризиса и сильно пострадала от него. Относительное снижение роли Британии в мире — характеристика, которая говорит нечто важное не только о Британии и западном мире в целом, но также и обо всей Большой Европе, включая Россию. Старый Свет стоит перед реальной перспективой превратиться в новом столетии в затухающий центр влияния и силы.

Для нас на постсоветском пространстве, подвергающихся постоянным нападениям и обвинениям в господстве коррупции, несомненный интерес представляет глава «Коррупция по-британски». Авторы делают вывод о том, что Британия далеко не свободна от коррупции, как в политике, так и в бизнесе. Конечно, говорить о том, что в Соединенном Королевстве этого явления не существует, не приходится. Хотя масштабы коррупции здесь не сопоставимы с размером коррупции во многих

государствах с переходной экономикой, в странах развивающегося, да и развитого мира, включая членов Евросоюза, Британия еще не решила эту проблему настолько, чтобы делать вид, что на Туманном Альбионе ее не существует.

Авторы отмечают, что именно Великобритания с точки зрения исламского экстремизма и терроризма стала после 2001 г. наиболее проблемной страной Евросоюза, тогда как в 1990-е гг. это незавидное положение занимала Франция. Из различных источников радикализации особую роль сыграла внешняя политика Тони Блэра, прямолинейно следовавшего политике американских неоконсерваторов на Большом Ближнем Востоке. Свою негативную роль сыграло и то, что длительное время британские власти терпимо относились к пребыванию на территории страны радикальных исламских организаций и проповедников.

В конце первого десятилетия XXI в. в политической жизни Великобритании произошло важное изменение: лидер Лейбористской партии и премьер-министр страны Т. Блэр, с именем которого связано высшее достижение Лейбористской партии за всю историю ее существования — победа на трех парламентских выборах подряд, ушел в отставку. Правление Блэра, ознаменованное конституционной реформой, целым рядом достижений социально-экономического характера, решением многовековой проблемы северо-ирландского урегулирования, запомнилось и манипулированием общественным мнением, позволившим склонить парла-

ментариев к поддержке иракской войны. В конечном счете именно из-за войны в Ираке Блэр ушел в отставку. Поначалу его преемнику Г. Брауну удавалось проводить более взвешенную внешнюю политику, консолидировать партию. Однако разразившийся в 2008 г. мировой экономический и финансовый кризис оказал решающее влияние на предпочтения избирателей на парламентских выборах 2010 г.

По мнению авторов, политика нового коалиционного правительства во главе с Д. Кэмероном, в том числе внешняя, стала результатом компромисса между его участниками. Британия обладает атрибутами державности, имея ядерное оружие, место постоянного члена Совета Безопасности ООН, членство в ведущих международных организациях (НАТО, Евросоюз, Содружество наций), в «Большой восьмерке» и «Большой двадцатке». Роль Британии на международной арене обуславливают и ее серьезный военный потенциал (включая высокую боеготовность вооруженных сил), и экономическая мощь (хотя Великобритания опустилась во вторую пятерку экономически развитых стран мира), и финансовый потенциал (включая важную роль в МВФ, Всемирном банке), а также идейно-политическая близость к Соединенным Штатам. Данные атрибуты позволяли Великобритании в начале XXI в. находиться в группе стран, определяющих правила игры в глобальном масштабе.

После выборов У. Хейг в качестве действующего главы Форин-офис выступил с серией программных речей в

области внешней политики коалиционного правительства. Для того чтобы сохранить влияние на ход мировых событий (а именно к этому стремится коалиционное правительство), британская внешняя политика нуждалась в серьезных изменениях. Основными направлениями британской политики, как подчеркивал Хейг, остаются трансатлантическое и европейское направления. Однако Лондон не собирался постоянно оглядываться на Вашингтон, как при лейбористах. Евросоюз, по словам министра, по-прежнему имел ключевое значение для Великобритании, которая намеревалась усилить свое влияние во всех его структурах.

Существенно менялась политика в отношении стран с быстро развивающейся экономикой: Индии, Бразилии, Китая, Чили, ЮАР. Появление новых гигантов, признавал Хейг, будет сопровождаться неизбежным сокращением влияния Евросоюза. Западу в целом, в силу снижения его глобального веса, станет все труднее добиваться своих целей в области внешней политики, в том числе из-за заметного падения эффективности такого важного в прошлом инструмента, как санкции.

Что касается отношений с Россией, то Хейг признал, что постоянная конфронтация с Москвой не отвечает британским национальным интересам, в том числе и потому, что без России невозможно решить целый ряд важнейших международных проблем, прежде всего проблему нераспространения ядерного оружия. Поэтому новое правительство «открывает дверь» для более тесных

отношений с Россией, хотя процесс нормализации потребует существенных усилий с обеих сторон. Таким было видение коалиционного правительства современных мировых процессов и роли в них Великобритании. За период деятельности коалиции некоторые из этих подходов претерпели существенные изменения.

Отдельная и обширная часть монографии посвящена англо-американским отношениям. Великобритания, будучи важным для Соединенных Штатов партнером, почти всегда поддерживает предпринимаемые ими действия. Среди союзников США в Европе нет такой страны, которая готова оказывать их силовым акциям не только символическую, но и реальную военную поддержку. В свою очередь, для Великобритании значимость «особых отношений» с самой могущественной в мире державой невозможно переоценить. Близость к заокеанскому партнеру, с которым он практически всегда действует в тандеме, придает Лондону дополнительный вес не только в НАТО и Европе, но также и в других регионах мира. На политическом уровне Великобритания связана с Соединенными Штатами огромным количеством невидимых нитей. Это — сотни ежегодных двусторонних визитов на всех уровнях исполнительной и законодательной властей.

Одной из главных проблем в трансатлантических взаимоотношениях на протяжении последнего десятилетия авторы называют положение дел в Афганистане. Британское военное командование полагало, что победа в Афганистане,

в отличие от Ирака, была вполне достижимой, хотя британские дипломаты этого оптимизма не разделяли. В 2007 г. после очевидных успехов движения «Талибан», которое контролировало уже 30% территории страны, Великобритания вынужденно сменила тактику. Стремясь добиться симпатий афганцев, Лондон сделала упор на реконструкцию (создание органов гражданского управления, хозяйственной и социальной инфраструктуры) и внутреннее примирение афганцев, а также денежное поощрение крестьян, которые отказывались участвовать в производстве опиума (летом 2009 г. Вашингтон отказался от этой практики, признав ее неэффективной). К концу 2000-х гг. Лондон оставил мечты установить в Афганистане либеральную демократию западного стиля, сконцентрировавшись на гораздо более скромной задаче — привести страну в такое состояние, когда она сможет самостоятельно обеспечивать безопасность и другие нужды своих граждан.

Афганская проблема рассматривается в книге в контексте англо-американских отношений. После ухода британского контингента из Ирака летом 2009 г. основное внимание лейбористского правительства сосредоточилось на Афганистане. Предполагалось, что британские войска будут находиться в Афганистане от трех до пяти лет, то есть до тех пор, пока афганское правительство не будет способно самостоятельно поддерживать стабильность в стране и полностью обеспечивать ее безопасность. Однако, по мере роста британских потерь (не только от талибов, но и от рук афганских

полицейских), афганская война, которая представлялась британскому руководству «легким упражнением» в рамках «либеральной интервенции», требовала все больших затрат и становилась все менее популярной. Оказывая помощь афганским властям, Лондон стремится не допустить прихода к власти радикальных исламистских элементов в соседнем Пакистане, что в противном случае негативно сказалось бы и на Афганистане, и на безопасности самой Великобритании.

Серьезным ударом по «особым отношениям» стало голосование в британском парламенте 29 августа 2013 г., посвященное участию страны в военных действиях против Сирии, за которое ратовало правительство. Против его резолюции голосовала не только оппозиция в лице лейбористов, но и представители правящих партий. Несомненно, решение британского парламента сыграло роль «холодного душа» как для собственного правительства, так и для администрации США, продемонстрировав, что поддержка Вашингтона со стороны Лондона не гарантирована.

Отдельная глава посвящена другому важнейшему направлению внешней политики Лондона — европейскому. В целом Евросоюз представлялся важным, но не единственным внешнеполитическим приоритетом тори, лозунгом которых стало: «Быть в Европе, но не быть управляемыми из Европы». Политика правящей коалиции в отношении Евросоюза стала результатом достигнутого между ее членами компромисса. Так, в частности, либерал-демократы вынуждены были пойти на уступки, отказав-

шись от планов дальнейшей передачи ЕС национальных полномочий в ряде областей, делегированных при предыдущем правительстве. В свою очередь, заинтересованное в сохранении хороших отношений с европейскими партнерами, а также партнерами по коалиции, руководство консерваторов склонялось к тому, чтобы не требовать вернуть Британии такие полномочия. Однако вскоре под влиянием евроскептиков в партии позиция тори ужесточилась.

Кризис еврозоны привел к обострению отношений Великобритании с европейскими партнерами. Восстановление внутри ЕС франко-германского тандема, который ранее определял направление и скорость движения интеграционного процесса, но заметно ослаб в период расширения ЕС на Восток, сильно обеспокоило Лондон. Мошь тандема наглядно продемонстрировал парижский саммит ЕС, на котором Франции и Германии удалось выработать общий курс и предложить остальным 15 странам еврозоны широкую программу ее стабилизации. По существу, речь шла о создании «экономического правительства» во главе с президентом Европейского совета ЕС. Оно должно было разработать единую налоговую политику для стран еврозоны, за которой, как опасаются в Лондоне, неминуемо последует единая экономика, единый министр финансов и единый министр экономики.

Авторы обращают внимание на то, что перспектива создания единого экономического правительства еврозоны, которое находилось бы вне существующих структур Евросоюза, не устраивает

Великобританию, по существу, выдавливая ее на периферию принятия решений и помещая ее в категорию стран, не входящих в еврозону, таких как Польша, Швеция и др. При этом, избавившись от необходимости постоянно оглядываться на Лондон, франко-германский тандем сможет ускорить процесс интеграции в еврозоне. Столкнувшись с угрозой превращения Евросоюза в многоярусную структуру и образования управляемой из Берлина федеративной Европы, тем не менее позиция консерваторов в отношении ЕС, опирающаяся на растущий евроскептицизм в стране, не меняется. Британия будет воздерживаться от новых интеграционных усилий, намерена сохранить национальную валюту и не собирается разменивать свой суверенитет на возможность участвовать в принятии решений внутри еврозоны.

Авторы ставят вопрос о том, выиграла или проиграла Великобритания от членства в Евросоюзе, который представляет большой интерес. Британский взнос в бюджет ЕС (Великобритания — второй крупнейший донор после Германии) постоянно увеличивается, хотя Лондон получает большую часть его обратно. Что касается выгод от членства в ЕС, то, с учетом преимуществ единого европейского рынка, они очевидны. На страны ЕС приходится половина британского экспорта. Схожая картина наблюдается и в сфере безопасности. Так, Брюссель с удовлетворением воспринял назначение британца на пост командующего военным контингентом ЕС в Боснии и Герцеговине. Именно Великобритания убедила американ-

скую сторону в том, что предложение о создании европейской оборонной идентичности (в декларации Сен-Мало) не приведет к подрыву НАТО.

Страна традиционно занимает особое место в рамках европейского интеграционного проекта и имеет специфический взгляд на процессы интеграции в Европе. На практике это выражается в ряде исключений и особых условий, на которых Лондон настоял при принятии основополагающих договоров и решений Совета ЕС. При подписании Маастрихтского договора Великобритания оговорила себе право не участвовать в третьей стадии Экономического и валютного союза (ЭВС), то есть не вводить единую валюту. В отношении кризиса в зоне евро и мер по его урегулированию Британия занимает двойственную позицию. С одной стороны, она, безусловно, заинтересована в стабильности единой европейской валюты и нормализации финансового положения проблемных участников еврозоны. С другой стороны, не будучи членом зоны евро и не собираясь в нее вступать, Британия настороженно относится к перспективе серьезных изменений внутри Экономического и валютного союза, которые необходимо провести для выхода стран зоны евро из кризиса. Британское правительство также тщательно заботится о том, чтобы предложения Европейской комиссии не оказали ограничивающее влияние на работу лондонского Сити.

Несомненно для авторов и то, что членство в ЕС помогло Великобритании пережить последствия финансово-экономического кризиса. Коалиция с но-

выми членами — странами Восточной Европы, которые, аналогично Великобритании, придерживаются трансатлантической ориентации, помогла ей при разработке европейской конституции, в результате чего последняя стала более приемлемой для Лондона. Если Великобритания желает оставаться одним из главных игроков в Европе, то ей следует оставаться в Евросоюзе, сохранив за собой возможность влиять на разработку «правил игры».

Опасения Великобритании в отношении роста наднациональной составляющей в ЕС небеспочвенны. Усиление интеграции в финансовой, бюджетной и экономической сферах в рамках еврозоны повлечет за собой изменение законодательства для всего Евросоюза и перераспределение полномочий в пользу наднационального центра. В ЕС никто не заинтересован в выходе Великобритании из его состава. Соединенное Королевство — безусловный экономический и политический тяжеловес. Многие малые страны ЕС видят в Британии противовес франко-германскому доминированию. Позиция Великобритании помогает поддерживать баланс интересов в ЕС.

В обстановке нарастания серьезных разногласий по принципиальным вопросам с партнерами по Евросоюзу, наметившегося оттеснения Великобритании на периферию в условиях «разноскоростной» Европы, она, как уже не раз бывало в прошлом, пытается компенсировать утрату влияния за счет развития всесторонних связей со странами вне ЕС, в том числе и с членами

БРИКС, прежде всего Китаем, Индией и Россией.

После прихода к власти консерваторы выразили намерение установить с Китаем более тесные отношения, прежде всего в торгово-экономической области. Они фактически вывели за скобки «этическую» составляющую внешней политики, характерную для «новых лейбористов», и вернулись к традиционному для тори прагматизму, который в СМИ окрестили «новым реализмом».

Как отмечается в книге, важным направлением британской политики остается Ближний и Средний Восток. Военное присутствие здесь было восстановлено при М. Тэтчер, а многочисленные операции Великобритании и США против Ирака, а потом и против талибов в Афганистане надолго «привязали» Лондон к этому региону, уходить из которого Британия, по всей видимости, не собирается. Лондон вынужден маневрировать между Соединенными Штатами и Евросоюзом, позиции которых в целом ряде случаев существенно расходились в силу серьезной зависимости ЕС от поставок нефти, широких торговых связей со странами региона, в том числе и «государствами-изгоями», а также наличием многочисленных мусульманских общин в ЕС. В то же время близость Великобритании к США, склонность к совместным авантюрным действиям мешает заинтересованным в урегулировании сторонам поверить, вопреки утверждениям Лондона, в искренность его намерений содействовать достижению мира и стабильности на Ближнем и Среднем Востоке.

Отдельная глава в книге посвящена британо-российским отношениям. Авторы отмечают следующую особенность: в 2000-е гг. в отношениях между Россией и Великобританией сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в политических отношениях сохранялась, а в отдельные периоды возрастала напряженность. С другой стороны, торгово-экономические связи между двумя странами развивались по восходящей линии. Структура экономических отношений двух государств соответствует общим принципам участия британских фирм в международном разделении труда: позиции Великобритании в сфере заграничного инвестирования сильнее, чем во внешней торговле, то есть во внешнеэкономических связях с Россией страна представлена весомее как экспортер капитала, чем поставщик товаров.

Начало работы коалиционного правительства пришлось на затяжной мировой финансово-экономический кризис, и ключевое место в новой внешнеполитической стратегии Британии заняла так называемая «коммерческая дипломатия». Великобритания постепенно меняла внешнеполитический курс от взаимодействия с традиционными политическими игроками к более тесному сотрудничеству с быстрорастущими экономиками мира.

Главным противоречием России и Великобритании по международным вопросам стала сирийская проблема. Великобритания и Россия участвуют в решении и других острых международных проблем. Обе страны — ключевые участники переговорного процесса

по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы. Сегодня британская политика в отношении России отличается осторожностью высказываний и прагматизмом действий. Политическое сознание части британской политической элиты находится под властью стереотипов, и инерционное мышление времен «холодной войны» все еще сохраняется.

В качестве отдельной проблемы авторы рассматривают тему «экономизации внешней политики Великобритании». Влияние Соединенного Королевства на мировую политику длительное время было основано на той роли, которую страна играет в глобальной экономике. Экономические трудности заставляют правительство искать новые эффективные пути их разрешения, в том числе за счет инструментов внешней политики. Весь британский государственный аппарат, включая министерство иностранных дел, в качестве определяющей задачи видит именно улучшение состояния экономики страны и придание ей новых импульсов для роста. Неудивительно, что руководство Великобритании отдает приоритет решению именно экономических проблем по сравнению с решением проблем по устранению угроз со стороны международного терроризма, распространения ядерного оружия, киберпреступности и даже стихийных бедствий.

Не умаляя определяющего значения США во всех аспектах внешней политики Великобритании, а также важность отношений с континентальной Европой, руководство Соединенного Королевства

выделило в качестве важных участников развития современной мировой экономики, а следовательно и своих важнейших партнеров, Китай, Индию, страны Латинской Америки и Персидского залива. Для Британии, испытывающей серьезные проблемы со стимуляцией внутреннего спроса, рынки именно развивающихся стран способны стать тем спасательным кругом, который поможет стране нормализовать состояние ее экономики. Необходимо заметить, что Соединенное Королевство сочетает расширение экономических связей с развивающимися странами Восточной Азии, Латинской Америки и государствами Персидского залива с продвижением темы, связанной с соблюдением прав человека. Однако, несмотря на утверждение британским внешнеполитическим ведомством принципа повсеместной защиты прав и свобод человека, потребность в новых экономических партнерах способна поставить его под вопрос.

Связь экономической основы внешней политики и идеи многополярности прослеживается и в поддержке Лондонском институционального преобразования международных отношений. В частности, Британия активно выступает за включение в состав Евросоюза Турции, что в первую очередь объясняется возможностью приобрести новый выгодный рынок для экспорта своей продукции, который на сегодня растет в Европе быстрее остальных. Кроме того, Соединенное Королевство — один из наиболее ярых сторонников структурной реформы ООН, направленной на включение в число постоянных членов

Совета Безопасности таких стран, как Бразилия и Индия.

Попытка Британии решить задачу демократизации, превращая Содружество из «рыхлой» в более иерархичную структуру, обречена на провал. Во-первых, большая часть стран-членов воспринимает с настороженностью активные действия Форин-офис, так как усматривает в них проявление неоимперских амбиций. Во-вторых, подобное решение нарушило бы сущность объединения как форума.

Чрезмерное внимание, которое коалиционное правительство сосредоточивает на экономической составляющей внешней политики, нещадно критикуют политики и экспертное сообщество. По их мнению, усилия властей могут негативно сказаться на эффективности других аспектов деятельности Британии на международной арене. Таким образом, заключают авторы, на протяжении еще многих лет экономический фактор останется решающим при определении целей внешней политики Великобритании. Успех руководства страны будет зависеть от множества факторов, влияние которых весьма трудно предсказать на год или два вперед. Однако уже сегодня можно утверждать, что задача по экономической переориентации Соединенного Королевства на активную работу с развивающимися рынками имеет стратегическое значение. В долгосрочной перспективе именно она будет определять разнообразные аспекты отношений Британии с другими государствами на международной арене.

В связи с событиями «арабской

весны» интерес Великобритании к странам Северной Африки и Ближнего Востока существенно возрос. Во многом Великобритания действует совместно с США, у которых, в свою очередь, есть план вытеснить Францию из ее давней сферы влияния в Северной и Западной Африке. В случае поддержки инициатив США английским корпорациям, наряду с американскими, будет облегчен доступ к богатым природным ресурсам стран, в которых осуществляется того или иного рода вмешательство.

В заключение авторы пытаются разгадать феномен столь сильного и зачастую успешного международного влияния Великобритании. Они выделяют следующие моменты. Великобритания, несмотря на те перемены, которые произошли с ней с середины XX столетия, продолжает обладать склонностью к стратегическому мышлению. Принцип «дарить сильнее своих возможностей», то есть способность оказывать на мировую политику влияние большее, чем это можно было бы ожидать от страны с конкретной территорией, населением и экономическим потенциалом, и на нынешнем этапе продолжает ей служить. Британская модель развития обладает достаточно высокой привлекательностью. В арсенале «мягкой

силы» Британии — английский язык, важное конкурентное преимущество этой страны.

В настоящее время перед Британией стоят дилеммы, от разрешения которых зависит та степень успешности, с которой эта страна будет в следующие десятилетия удерживать статус великой державы. Великобритания — трудный партнер не только для России, но и для многих стран, куда более близких Лондону, начиная с его партнеров по Евросоюзу. В случае Британии до сих пор сильный привходящий фактор, играющий неоднозначную роль, — «особые отношения» с США. Время от времени они заставляют британский политический истеблишмент идти на шаги, не оптимальные с точки зрения отношений с другими странами, урегулирования тех или иных региональных и глобальных проблем.

Таким образом, подытоживая нашу затянувшуюся рецензию, можно заключить, что авторы коллективной монографии стремились дать многосторонний и сбалансированный анализ современной жизни Туманного Альбиона и им это вполне удалось. Данная книга поможет не только лучше понять прошлое и настоящее этой страны, но, возможно, и заглянуть в ее ближайшее будущее.

Summary

Iran-China relations in the Context of Central Asian Policy *Yuldasheva G.I. – Political Scientist, Dr. Sci. in Politics*

In this regard, the article attempted to analyze new trends in the Iran-China relations and their possible impact on Central Asia; ways of intersection, challenges and threats to the interests of these states; the dynamics of the

Iranian-Chinese partnership in CA; the role of the US and Russia in the partnership; there are some conclusions on possible options of geopolitical development around Central Asia.

Religion and politics in Tajikistan: between competitiveness and cooperation

Kushkumbayev A.Zh., - PhD student, Department of Political Science, KazNU named after Al-Farabi

The article is dedicated to the issues of relationship between the government and the clergy in Tajikistan. The Tajik authorities have a great apprehension towards the trend of islamization of society since Islam and religious leaders play a vital role in the life of tajik society.

Nowadays activities of radical extremist groups still carry a threat to stability at regional scale and in transboundary zones. Nevertheless, their activities don't have a large scale yet,

and in case of timely and efficient measures undertaken on their localization will not become a threat to Tajikistan's stability. Republic's authorities cannot ignore this factor, however their attempts to regulate this field very often have only administrative and prohibitory nature. In this regard officially recognized clergy due to its dependence on the government is accepted by many muslims as "hukumati" meaning "govenmental clergy."

«Western Europe – Western China» Project – Resurrection of the Silk road

Arzykulov A.A. – Senior Lecturer of Department of Chinese Studies, the al-Farabi KazNU

This article describes information about the road corridor "Western Europe – Western China", examines the possible projections and benefits of

the project. By reasoning and analysis the estimated revenues from this project are being calculated.

The Principle of meritocracy in the Public Administration of Kazakhstan

Mukhatayeva G.I. – Researcher, KazISS under the President of RK

This article discusses the problems in modern personnel policy of Kazakhstan, the solution of which

will allow further development of the country and increase its competitiveness in the international arena.

Prospects of E-Voting in Kazakhstan: Challenges and Opportunities for Realization

Kassen M. - CSc in Political Science, Docent of the Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

The pace of Kazakhstan's democratization and development of its political system have been greatly impacted by the intensive use of electronic voting in 2004-2011. In this regard, the author presents the analysis of the political causes that led to the official rejection of its further use in the electoral system, and explores the potential political and technological challenges associated with the possi-

ble return to the political institution in the future. The author argues that the positive results in this area will only be achieved when sound implementation procedures are designed, while the key issue is how to further improve the existing electronic voting systems and solve the fundamental issues that make this innovative institution of electoral system very controversial from a political standpoint.

Patriotism in the system of common Kazakh Values: Political Analysis

Baimurzayeva V.Kh. – Associate Professor, Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz

The problem of patriotism is a subject of research in various areas of socio-humanitarian knowledge, including in political psychology, and

political axiology. The article discusses the significance and value of patriotism in the public consciousness.

Impact of debt problem in Developed Countries on Kazakhstan's economy: Trends, Potential

Dodonov V. Yu. – Chief Researcher, KazISS under the President of RK, Dr. Sci. in Economics

The stability of the global financial system is significantly basing on the state of its key component - the balance of the world reserve currencies, which, in its turn, largely depends on the situation with the debt burden of the countries issuing. This dependence is determined by the mechanism of demand for these reserve currencies, emerging primarily due to investments

in US government debt and the euro-zone countries, which accordingly requires buying dollars and euros.

With regard to the presence of a marked correlation, of particular interest is the current situation in the area of public debt of the leading issuers of reserve currencies - the US and the EU.

Innovative potential of the manufacturing Industry in Kazakhstan

Ismailova R.A. – Professor, Department of Finance, Kazakh Agricultural Technical University after S.Seifullin, Dr. Sci. in Economics

Yesmagulova N.D. – Associate Professor, Department of Economics, Eurasian National University after L.N.Gumilev, Cand. Sci. in Economics

A system of indicators characterizing the possibility of innovative development for the subjects of economy and the efficiency of resource use is proposed to be applied for quantitative assessment of innovative potential. A task has been provided for a quantitative description of each type of resource, and identification of both positive and negative trends in their development. The analysis showed

definite positive trends for 2005-2011. However, we have not reached a sufficient level of innovative activity, and efficiency of using the expenditure on technological innovation is not so significant. The state should pay more attention to the mechanisms of stimulation of innovative activity of enterprises, while the latter will be interested in scientific research and studies.

Energy Cooperation Between China and the Countries in Southeast Asia: Opportunities and Prospects for Kazakhstan

Khon Y.V., Senior Researcher, Department of Economic Studies, KazISS under the President of RK

Over the past few decades, China and some countries of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) have gone through deep economic and social transformations. Today, many experts predict that the region will continue to grow at an accelerated pace, which highlights the issue of the opportunities and threats concerning the energy security in Southeast Asia.

For China, the region plays a key role, as it is traversed by all the sea lanes from the Middle East, Africa and Latin America — major Chinese exporters of energy

resources. ASEAN members also directly help in meeting the growing needs of the Chinese economy in energy, mainly due to the sale of natural gas — a cleaner alternative to oil and coal, which is particularly important for China within the policy of reducing the harmful effects on the environment.

Thus, taking into account the issues of energy security of China, Kazakhstan has all the possibilities and prospects for sustained economic growth through the development of its energy sector, as well as the use of transit potential.

Russia and Kazakhstan in the hierarchy of foreign priorities of PRC

Sapanov S.Sh. – Professor of Chair of international relations, Kazuir and WL named after Abylai Khan, doctor of History

Kalieva A.A. – Senior Lecturer of Department of regional Studies, Kazuir and WL named after Abylai Khan, Candidate of Social Science

This article discusses the current problems between Russia and China, as well as between Kazakhstan and China. In the article was displayed the evolution of foreign policy priorities and the role of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in foreign hierarchy China.

The authors note the relevance of trade-economic and political issues of the relationship between the neighboring countries. They draw attention to regional security issues.

Сведения об авторах

Журнал «Казахстан-Спектр» №4, 2014

Арзыкулов А.А. — Старший преподаватель кафедры китаеведения КазНУ им. аль-Фараби

Баймурзаева В.Х. — Кандидат педагогических наук, доцент Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза

Додонов В.Ю. — Главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук

Есмагулова Н.Д. — Доцент кафедры «Экономика» Евразийского национального университета им.Л.Н.Гумилева, кандидат экономических наук

Исмаилова Р.А. — Профессор кафедры «Финансы» Казахского аграрно-технического университета им.С.Сейфуллина, доктор экономических наук

Калиева А.А. — Старший преподаватель кафедры «Регионоведение» КазУМО и МЯ им. Абылай хана, кандидат социологических наук

Касен М. — Доцент Евразийского национального университета им.Л.Н.Гумилева, кандидат политических наук

Кушкумбаева А.Ж. — Докторант PhD кафедры политологии КазНУ им. аль-Фараби

Лаумулин М.Т. — Доктор политических наук, профессор

Мухатаева Г.И. — Научный сотрудник отдела экономических исследований КИСИ при Президенте РК

Сапанов С.Ж. — Профессор кафедры МО, КазУМО и МЯ им. Абылай хана, доктор исторических наук

Хон Е.В. — Старший научный сотрудник отдела экономических исследований КИСИ при Президенте РК

Юлдашева Г.И. — Доктор политических наук